ПОГАШЕНО

ВИЛЕНСКІЙ

СВЯТО-ТРОИЦКІЙ МОНАСТЫРЬ.

СОЧИНЕНІЕ

О. В. Щербицкаго.

(Оттискъ изъ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей).

ВИЛЬНА.
Типографія Губернскаго Правленія.
1885.

Дозволено цензурою. Іюня 22 дня 1885 года. Цензоръ Протоіерей *Петръ Левицкій*.

Всесоюз. библиотека имени В. И. Ленина
2864-45
2007097046

Виленскій Свято-Троицкій монастырь.

Виленскій Св.-Троицкій монастырь находится въ г. Вильнѣ, на довольно возвышенной плоскости, которая въ монастырской хроникѣ извѣстна подъ именемъ Троицкой горы. На этой горѣ, во времена язычества въ Литвѣ, стоялъ дубъ, на которомъ вѣшали осужденныхъ преступниковъ. Мѣстность эта прославилась мученическою кончиною (1347 г.) трехъ угодниковъ Божіихъ Антонія, Іоанна и Евстаѳія. Во времена Ольгерда русское вліяніе и успѣхи православной вѣры обнаружились въ Вильнѣ съ такою силою, что угрожали паденіемъ язычеству. Самъ Ольгердъ, рожденный отъ русской матери, женатый на русской княжнѣ Маріи Ярославнѣ витебской, настолько былъ расположенъ къ православной вѣрѣ, что дозволилъ супругѣ своей построить Пятницкую церковь. Литовскіе язычники довольно спокойно смотрѣли на появленіе христіанскаго храма. Недовольны были только одни жрецы языческіе, уже начинавшіе опасаться полнаго паденія національнаго культа, тѣмъ болѣе что они замѣчали въ самихъ Литовцахъ сильное движеніе въ пользу русской (православной) вѣры. Это недовольство достигло крайней степени, когда духовникъ великой княгини монахъ Несторъ успѣлъ обратить въ православную вѣру двухъ знатныхъ литвиновъ, приближенныхъ къ великому князю. Жрецы потребовали отъ князя при-

мѣрнаго наказанія вѣроотступниковъ. Ольгердъ очутился въ крайне затруднительномъ положеніи. Обязанный великокняжескимъ престоломъ своему брату Кейстуту, ревностному защитнику языческой религіи, еще не окрѣпшій на великокняжескомъ престолѣ, онъ не могъ не обратить вниманія на требованія приверженцевъ народнаго культа. Уступая ихъ настояніямъ, онъ приказалъ, чтобы обращенные Несторомъ литвины, Кумецъ и Нежило, въ православіи Іоаннъ и Антоній, были заключены въ темницу. Цѣлый годъ оставались они въ заточеніи; ни убѣжденія, ни угрозы не могли поколебать ихъ твердости. Тюрьма двухъ братьевъ превратилась въ мѣсто проповѣди; толпы стали собираться подъ ея окнами, привлекаемые удивленіемъ и сочувствіемъ къ страдальцамъ, и многіе возвращались въ домы свои съ убѣжденіемъ въ истинѣ и превосходствѣ русской вѣры. Послѣдовали новыя обращенія въ православную вѣру. Испуганные жрецы просили князя, чтобы онъ защитилъ религію своихъ предковъ и показалъ строгій примѣръ противъ ея постоянно умножающихся отступниковъ. Не желая доводить до крайняго раздраженія жрецовъ и приверженцевъ язычества, Ольгердъ рѣшился отдать въ ихъ руки своихъ прежнихъ любимцевъ. Новыя усилія жрецовъ обратить братьевъ къ вѣрѣ предковъ, усилія, сопровождавшіяся страшными истязаніями, остались напрасными; тогда непоколебимые исповѣдники вѣры Христовой приговорены были къ позорной казни, какой подвергали тяжкихъ преступниковъ. Тѣла Іоанна и Антонія были повѣшены на мѣстѣ общей казни преступниковъ, на взгорьѣ, находившемся на концѣ города. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ на томъ же самомъ мѣстѣ пострадалъ ихъ родственникъ, также принявшій христіанство подъ именемъ Евстаѳія и обвиненный, кромѣ того, въ совращеніи въ „русскую вѣру“ литвиновъ. Евстаѳій былъ погребенъ

христіанами тамъ, гдѣ уже покоились тѣла его родственниковъ,—у „святаго Николы“ [1]). За годъ до страдальческой кончины Іоанна, Антонія и Евстаѳія умерла (1346 г.) первая жена Ольгерда Марія Ярославна. Смерть ея много помогла оживленію надеждъ языческой партіи и ея временному торжеству при дворѣ великокняжескомъ. Но это торжество продолжалось не долго. Въ 1349 г. Ольгердъ женился на дочери Тверскаго князя Александра Михайловича Ульянѣ. Дворъ великой княгини сдѣлался вновь средоточіемъ и опорою православія. Пользуясь покровительствомъ новой великой княгини, православные христіане, которыхъ въ это время въ Вильнѣ было довольно значительное число, выпросили у Ольгерда взгорье, на которомъ пострадали Іоаннъ, Антоній и Евстаѳій. Ольгердъ охотно исполнилъ просьбу христіанъ, такъ какъ язычники, считая эту мѣстность оскверненною христіанскою кровію, не хотѣли здѣсь селиться. Съ этого времени христіане стали собираться на эту гору для молитвы. При содѣйствіи великой княгини здѣсь была построена деревянная церковь во имя св. Троицы, престолъ которой, по преданію, былъ устроенъ тамъ, гдѣ стоялъ дубъ, на которомъ пострадали за исповѣданіе св. Троицы, Троицѣ равночисленные виленскіе мученики. Въ эту церковь были перенесены и нетлѣнныя тѣла страстотерпцевъ, признанныхъ святыми при митрополитѣ Кіевскомъ Алексіѣ. Во время покоренія Вильны русскими войсками царя Алексѣя Михайловича мощи святыхъ виленскихъ мучениковъ, по свидѣтельству уніатскаго писателя Кульчинскаго, были зарыты въ землю въ монастырскомъ

[1]). Церковь св. Николая (перенесенія его мощей), одна изъ древнѣйшихъ церквей въ Вильнѣ, основанная еще при Гедиминѣ (1315—1340). Памятники Русской старины въ Зап. губ., Батюшкоа ,V, стр. 85.

саду. Въ это, вѣроятно, время мощи св. угодниковъ Божіихъ были розысканы православными и тайно перенесены въ св.-Духовскую церковь и скрыты тамъ въ подъалтарномъ склепѣ. Куда дѣвались эти мощи, Троицкіе базиліане не знали еще и 1733 г. [2]). Вблизи св.-Троицкой церкви, въ такъ называемомъ Остромъ концѣ города, была построена церковь св. Петра и часовня, въ коей помѣщена икона Пресвятой Дѣвы Маріи, принесенная Ольгердомъ изъ Корсуня и подаренная имъ своей супругѣ, которая въ свою очередь передала эту святыню свято-Троицкой церкви [3]). Съ этого времени вся окрестная мѣстность стала заселяться исключительно жителями „русской вѣры" и потому получила названіе „русскаго конца". Съ теченіемъ времени отъ ветхости св.-Троицкая церковь пришла въ упадокъ и наконецъ разрушилась. Въ силу указа преемника Ягеллы Казимира (1440—1492), воспрещавшаго православнымъ строить новыя и возобновлять старыя церкви, безъ особаго разрѣшенія королевскаго, церковь св.-Троицкая стояла въ развалинахъ до временъ Сигизмунда I-го. Во время войны этого короля съ Московскимъ княземъ Василіемъ Іоанновичемъ, князь Константинъ Острожскій, отправляясь въ походъ противъ непріятеля, далъ обѣтъ выстроить въ Вильнѣ двѣ каменныя церкви, если одержитъ побѣду надъ непріятелемъ.

---

[2]) Corpora eorundem hactenus reperiri non posse, quamvis credantur delitescere sub terra in horto nostri monasterii Vilnensis ss. Trinitatis. Кульчинскій, Specimen Ecclesiae Ruth. p. 14.

[3]) Часовня эта, равно какъ и находящаяся въ ней икона Божіей Матери, извѣстна и понынѣ подъ именемъ Островоротной или Остробрамской. Подробное истор. изслѣдованіе объ этой иконѣ сдѣлано священникомъ Никодимомъ Соколовымъ. Остробрамская или Островоротная икона Богородицы. Вильна 1883 г.

Желаніе князя исполнилось: непріятель былъ разбитъ. Исполняя свой обѣтъ, Константинъ Острожскій въ 1514 г. выпросилъ у короля привилей на построеніе въ Вильнѣ двухъ каменныхъ церквей—во имя святителя Николая и Св. Троицы, которыя и были имъ въ томъ же году построены.

Какой первоначально имѣла видъ внѣшній и внутренній Св.-Троицкая церковь, построенная кн. Константиномъ Острожскимъ, нѣтъ положительныхъ свѣдѣній. Въ 1706 г. былъ сильный пожаръ въ Вильнѣ, истребившій почти половину города. Во время этого пожара, сказано въ монастырской хроникѣ, пострадала и Св.-Троицкая церковь; огонь истребилъ все, что можно было истребить внутри и внѣ,—остались только однѣ стѣны. Въ это время, продолжаетъ таже хроника, сгорѣла колокольная башня съ превосходными часами, а колоколъ подъ названіемъ „Лебедь" былъ спасенъ почти чудеснымъ образомъ: онъ упалъ на окно смежнаго дома и тамъ повисъ на стѣнѣ. Монастырь однако уцѣлѣлъ. Яковъ Суликовскій, бывшій тогда настоятелемъ Троицкаго монастыря, тотчасъ же послѣ пожара приступилъ къ возобновленію церкви [4]). Въ 1792 г. св.-Троицкая церковь реставрирована и даже удлинена, для большаго свѣта окна въ ней расширены и удлинены, удлинена и самая церковь, для чего построена была новая западная стѣна и новыя каменныя, вмѣсто деревянныхъ, хоры [5]). Притворъ, до этой реставраціи, былъ значительно

[4]) Археогр. Сборникъ (Виленскій) т. X, стр. 306.

[5]) Cerkiew (Св.-Троицкая) murowana stara, mająca facyatę o dwóch wieżach od wshodu słońca, swieżo teraz podłużona, powiększeniem okien oswiecona y scianą nową od zachodu zamknięta, w reperacyi aktualney zostająca,.... tudzież scianę poprzeczną, pod chor wyprowadzoną. Инвентарь Св.-Троицкаго монастыря 1792 г., хранится въ монаст. архивѣ.

ниже главнаго корпуса церкви, покрытъ былъ досками. Подъ притворомъ находился склепъ для погребенія умершихъ. Всѣхъ склеповъ подъ церковью, по инвентарю 1782 г., было шесть. Всѣ они, за исключеніемъ одного, сохранившагося и донынѣ, какъ видно изъ позднѣйшихъ инвентарей, были завалены мусоромъ и наконецъ были совсѣмъ закрыты. С.-Троицкая церковь, неоднократно реставрированная базиліанами, по внѣшнему своему виду походила больше на римско-католическіе костелы, чѣмъ на православный храмъ. Въ 1874 г., заботами и стараніемъ бывшаго ректора Литовской духовной семинаріи архимандрита Евгенія (нынѣ епископа астраханскаго), Св.-Троицкая церковь вмѣсто черепицы покрыта желѣзомъ, возстановленъ существовавшій нѣкогда на этой церкви главный куполъ [6]) и возведены двѣ угловыя башни въ западной стѣнѣ въ соотвѣтствіе двумъ таковымъ же башнямъ въ восточной стѣнѣ. О внутреннемъ устройствѣ Св.-Троицкой церкви до отнятія ея у православныхъ уніатами не сохранилось положительныхъ свѣдѣній. Со времени перехода ея во владѣніе уніатовъ въ ней, кромѣ главнаго престола, было устроено, по латинскому обычаю, шесть малыхъ алтарей: 1) алтарь св. креста, 2) св. Василія великаго, 3) Божіей Матери, 4) Іосафата, 5) святителя Николая и 6) св. Онуфрія. На алтарѣ св. Василія Великаго стоялъ серебряный съ стеклянными выпуклыми стѣнками гробъ съ останками какого-то мученика Люцида [7]). Иконостасъ устроенъ былъ только предъ главнымъ престоломъ; онъ былъ подвижной,

[6]) Куполъ этотъ сгорѣлъ во время пожара въ 1706 г. и возстановленъ былъ въ 1728 г. настоятелемъ Антоніемъ Томиловичемъ. О судьбѣ этого купола въ монастырскомъ Дневникѣ нѣтъ свѣдѣній. Вѣроятно, онъ истребленъ былъ въ одинъ изъ пожаровъ, которые такъ часто опустошали г. Вильну.

[7]) Инвентарь 1781 г.

такъ что его можно было снять во всякое время. Сдѣлано это было въ угоду латинскому духовенству, которое приглашалось троицкими базиліанами для участія въ богослуженіи въ торжественные дни, какъ напр., въ день Іосафата, въ новый годъ, въ день памяти Василія Великаго, патрона базиліанскаго ордена и др. Иконостасъ этотъ, крайне убогій, нисколько не соотвѣтствующій величію одной изъ древнѣйшихъ святынь въ Вильнѣ, существовалъ до 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Убожество это едвали можно объяснить недостаткомъ средствъ; монастырь Троицкій, какъ увидимъ ниже, былъ одинъ изъ богатѣйшихъ уніатскихъ монастырей. Объясняется это тѣмъ, что базиліане, заправлявшіе судьбами уніатской церкви, вообще мало, или почти и вовсе не обращали вниманія на устройство иконостасовъ въ уніатскихъ церквахъ,—гдѣ можно было вовсе изгоняли ихъ изъ употребленія, а если и устраивали ихъ, то больше для виду, чтобы не такъ рѣзко бросалось въ глаза православнымъ ихъ рабское во всемъ подражаніе латинянамъ. Нынѣшній иконостасъ устроенъ заботами приснопамятнаго митрополита Литовскаго Іосифа (Сѣмашко). Всѣ иконы для иконостаса, за исключеніемъ мѣстной иконы Божіей Матери, писаны академикомъ Хруцкимъ, сыномъ одного возсоединеннаго уніатскаго священника. Рукою того же художника писаны иконы для иконостаса загородной Триполъской архіерейской церкви, домовой церкви въ городскомъ архіерейскомъ домѣ и въ пещерной церкви Св.-Духова монастыря [8]).

Къ главному корпусу церкви пристроены три каменныя часовни. Одна изъ нихъ, по лѣвой рукѣ отъ входа, называлась часовнею Воздвиженія св. Креста, другая, по

[8]) Записки Іосифа (Сѣмашко) митр. Литовскаго, т. 1, стр. 190.

правой рукѣ отъ входа, гдѣ нынѣ монастырская ризница, называлась часовнею, или придѣломъ св. Луки. Въ часовнѣ Воздвиженія св. Креста, въ 1628 г., Янъ Коленда, земскій писарь, по свидѣтельству монастырской хроники, устроилъ алтарь, снабдивъ его всѣми необходимыми богослужебными принадлежностями. Подъ алтаремъ онъ устроилъ склепъ для себя, жены, дѣтей и потомковъ изъ своего дома. Для содержанія часовни въ подобающемъ видѣ и для вѣчнаго поминовенія тогда же записалъ онъ Троицкому монастырю 3.000 злотыхъ (450 р.) и домъ свой въ Вильнѣ на Шерейпишкахъ [9]). Часовня св. Луки была построена, по свидѣтельству монастырской хроники, Евстафіемъ Корсакомъ Голубицкимъ, войскимъ воеводства Полотскаго, въ 1622 г. Подъ этою часовнею, говорится въ монастырской хроникѣ, нашъ фундаторъ (Ев. Корсакъ) съ женою своею сдѣлалъ склепъ, и когда Богъ отнялъ у него двухъ сыновей, Яна и Григорія, въ монашествѣ Герасима, похоронилъ ихъ въ этомъ склепѣ. На эту часовню онъ записалъ 20 копъ (грошей лит.) съ тѣмъ, чтобы сумма эта ежегодно была вносима въ день Богоявленія, для отправленія каждую субботу заупокой службы о дѣтяхъ его, на что есть и документъ, данный фундаторомъ въ 1622 г. Сверхъ того, въ духовномъ завѣщаніи своемъ онъ завѣщалъ, между прочимъ, чтобы тѣло его было похоронено въ Виленской св.-Троицкой церкви въ тойже часовнѣ св. Луки. Эта воля покойнаго была исполнена въ 1626 г.

Третья часовня во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, съ правой руки отъ входа въ церковь, гдѣ нынѣ церковь придѣльная св. Іоанна Богослова, называлась, по имени ея основателя Яруша Скумина Тышкевича, Скуминовской. „Этотъ знатный вельможа русскаго обряда, сказано

[9]) Археогр. Сбор. т. X, 46.

въ монастырской хроникѣ, ревностный распространитель св. уніи и такой же защитникъ нашего ордена (базиліанскаго) отъ преслѣдованій православныхъ, питалъ особенное благорасположеніе къ нашему монастырю. Онъ не только при жизни своей часто посѣщалъ его и присутствовалъ при богослуженіи, но желая, чтобы и по смерти тѣло его было погребено при церкви св. Троицы, съ этою цѣлью онъ еще при жизни своей приготовилъ здѣсь склепъ и построилъ надъ нимъ прекрасную часовню Благовѣщенія Пресв. Богородицы. По смерти его, послѣдовавшей въ 1642 г., онъ былъ торжественно погребенъ въ этой часовнѣ вмѣстѣ съ женой и сыномъ. Дочь его Евгенія Екатерина, бывшая въ замужествѣ за кн. Корибутомъ Вишневецкимъ, конюшимъ коронным..., поминая души своихъ родителей, записала нашему монастырю 15.000 злот. пол. (2.250 р. с.), съ тѣмъ, чтобы ежедневно была отправляема обѣдня заупокойная" [10]). Кромѣ вышеупомянутыхъ лицъ въ св.-Троицкой

[10]) Археогр. Сбор. т. X, 42. Подлинная запись кн. Вишневецкой напечатана тамъ же, стр. 282, № 31. О погребеніи въ этой часовнѣ Скумина Тышкевича свидѣтельствуетъ также слѣдующая надпись на плитѣ изъ чернаго мрамора, находящейся нынѣ въ заалтарной стѣнѣ: Barbara Naruszewicia, Castel. Smolen., Palatina Trocensis. Probitate morum, familiae splendore, dignitatis praerogativa, clarissima. Verum integritate vitae, pietate in Deum, dilectione in proximum, beneficentia in egenos, amore et observantia erga maritum, plusquam materno in prolem affectu, rei familiaris cura quam longissime, clarior, pudica, benigna, humilis, devota, frugalis, sedula, sobria, speculum exemplarque probitatis, viva gaudium, mortua mariti gemitus et luctu nunquam finiendo dolor. Hic quiescit quam animi dotibus concordia conjugali, fortunae bonis, filia decora, ejusdemque (cum ill—mo Joan. Koributo duce Wiszneviciо, Capitanco Kszemieniecens) instantibus nuptiis fortunatam dixisses. Ni ea omnia (ne quid humani non fluxum

церкви погребены тѣла многихъ другихъ замѣчательныхъ людей, какъ напримѣръ, Виленскаго бурмистра Аѳанасія Браги, скончавшагося въ 1576 г. и сына его Антонія (†1580), о чемъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся доселѣ надпись на каменной плитѣ, вдѣланной въ правой отъ входа стѣнѣ [11]). Здѣсь же погребены, по свидѣтельству уніатскихъ писателей, тѣла митрополита Іосифа Вельямина Рутскаго и патріарха Игнатія, который въ 1610 г. былъ пойманъ поляками подъ Смоленскомъ, принялъ унію, поселился въ Вильнѣ въ Троицкомъ монастырѣ и тамъ кончилъ свою жизнь. Въ 1655 г., по взятіи Вильны Алексѣемъ Михайловичемъ, тѣла какъ Кутскаго, такъ и Игнатія будтобы увезены русскими въ Москву [12]).

Къ числу достопримѣчательностей Св.-Троицкой церкви принадлежитъ икона Божіей Матери. Икона эта, по преданію, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ снимковъ, или копій, съ иконы Божіей Матери, писанной рукою св. евангелиста Луки. По тому же преданію, она прислана была греческими императорами въ даръ одному изъ Галицкихъ

---

caducumque existimes) Jmportuna mors inopinanti ante tempus rapuisset, cumque bene vixerit, mortua beate piissimeque defuncta Dzitwae die XVIII Julii, anno sal. hum. MDCXXVII, aetatis suae XXXXVII, conjugii XXXII. Maestissimus maritus Joannes Skumin Tiszkewicz Palatinus Trocens. Braslaviens. Jurborgen. Novovolensis etc. capitaneus suae dulcissimae charissimaeque conjugi nihil unquam de ea nisi mortem quaestus marmor hoc immortalium causam lacrimarum.

[11]) Вотъ эта надпись: Тут лежит раб Божіи Ѳеанасіи Ѳедорович Брага бурмистр места виленского ҂аѳоѕ (1576), мѣсяца Октября кѕ (26) дня, а жил на свете лет нз (57); тутъ же лежит и сын его Антони и онъ же преставися в лето ҂аѳп (1580) месеца Октебра г (3) дня.

[12]) Кульчинскій, Specimen Eclesiae Ruthen. P. III, p. 227.

князей Червонной Руси. Послѣ паденія Галицкаго княжества, икона эта сдѣлалась достояніемъ царственнаго дома Московскаго. Этою иконою Іоаннъ III Васильевичъ благословилъ дочь свою Елену, отправляя ее въ Литву для бракосочетанія съ вел. кн. Литовскимъ, королемъ польскимъ Александромъ Казиміровичемъ. По смерти королевы Елены образъ этотъ отданъ былъ Виленскому Пречистенскому Собору, въ которомъ была погребена Елена, а по отнятіи у православныхъ Пречистенскаго Собора перенесена была въ Св.-Троицкую церковь. Икона эта съ давнихъ временъ считалась чудотворною и въ позднѣйшія времена была одинаково чтима какъ православными мѣстными жителями, такъ уніатами и католиками. Множество частныхъ лицъ, въ разныя времена, дѣлали значительныя пожертвованія за испытанную ими помощь Пресвятой Богородицы въ болѣзняхъ и другихъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Пожертвованія эти состояли между прочимъ изъ разныхъ болѣе или менѣе цѣнныхъ украшеній къ этой иконѣ. Какъ видно изъ помѣщаемаго ниже въ примѣчаніи древнѣйшаго инвентаря [13]),

[13]) Древнѣйшій инвентарь иконы Божіей Матери, сохранившійся до настоящаго времени въ монастырскомъ архивѣ, относится къ 1781 году. Дѣлаемъ выписку изъ этого инвентаря въ русскомъ переводѣ: „Образъ Божіей Матери, какъ гласитъ преданіе, писанъ рукою св. Луки. На немъ риза серебряная съ цвѣтами позолоченными (z kwiatami suto pozłaconemi), поля между которыми филигранной работы. Корона на головѣ Пресвятой Дѣвы изъ чистаго золота филигранной работы. У шеи Божіей Матери жемчужныхъ шнурковъ большихъ и меньшихъ (pereł sznurkuw) 55. Цѣпочка изъ чистаго золота. На шеѣ Божіей Матери, на красной ленточкѣ, семь рядовъ бисера (pereł) съ тремя пуговками (spinkami), изъ которыхъ одна позолоченная, съ камушками, другая алмазная, третья—изъ гранатныхъ камушковъ, посреди которыхъ алмазъ. На главѣ Іисуса Христа серебряная корона

это была одна изъ богатѣйшихъ иконъ, украшавшихъ въ свое время св.-Троицкую церковь. Алтарь Божіей Матери закрывался засовкой, на которой съ наружной стороны было изображеніе Благовѣщенія Пресв. Богородицы. Въ 1866 г. икона Божіей Матери была реставрирована. Въ чемъ состояла эта реставрація и мотивы ея подробно изложены въ рапортѣ, отъ 23 декабря 1866 г. за № 85, бывшаго въ то время настоятеля св.-Троицкаго монастыря и ректора Литовской духовной семинаріи архимандрита Іосифа (Дроздова) къ покойному митрополиту Іосифу (Сѣмашко). „Ревнители православія, сказано въ этомъ рапортѣ,—особенно прибывшіе сюда изъ внутреннихъ губерній, огорчаясь въ своемъ чувствѣ нѣкоторыми римско-католическаго характера украшеніями на ризѣ древней иконы Божіей Матери, а также убожествомъ самой ризы на сей—особенно чтимой св. иконѣ, многократно просили привести эту несообразность въ благолѣпіе, приличное святынѣ, и съ Іюля настоящаго года *принесли достаточныя пожертвованія—свыше 400 рублей* деньгами, и цѣнными вещами, напр. пожертвованы золотая съ 9-ю бриллiантами брошь и 5 нитокъ жемчугу тоже съ мелкими алмазами,—все на реставрацію и украшеніе ризы на св. иконѣ (слѣдуютъ имена жертвователей). По совѣту съ монастырской братіей, съ жертвователями и другими лицами положили мы снять золотую, римскимъ папою [14])

позолоченная съ тремя камнями. На шеѣ Іисуса Христа 33 шнурка бисера и пр...

[14]) Откуда заимствовано это свѣдѣніе, неизвѣстно. Во всѣхъ монастырскихъ хроникахъ, дневникахъ и инвентаряхъ, хранящихся нынѣ въ монастырскомъ архивѣ, мы не нашли никакихъ на это указаній. О золотой съ драгоцѣнными камнями коронѣ упоминается въ инвентарѣ иконы Божіей Матери 1617 г. Къ сожалѣнію, рукопись, въ которой находился

присланную, корону съ поддерживавшими ее латинскими изображеніями Ангеловъ, и замѣнить новымъ вѣнцемъ, а корону хранить въ ризницѣ; затѣмъ, поелику сребропозлащенная риза на контурѣ изображенія Богоматери и Предвѣчнаго Младенца, будучи весьма неискуснаго произведенія, не составляла и древности, бывъ сдѣлана около половины 18-го столѣтія [15]), имѣла на себѣ польскіе орлы и прибита гвоздями къ самой св. иконѣ, такъ что на послѣдней пробиты очертанія груди, главъ, рукъ и ногъ священныхъ изображеній, какъ это видно и на другихъ обложенныхъ ризами латинскихъ иконахъ: то нами признано за благочестное—ризу снять съ св. иконы, и если возможно, исправить, если же невозможно гдѣ перечеканить и вызолотить заново чрезъ огонь, оставивъ неприкосновеннымъ только сребропозлащенный бордюръ по краямъ св. иконы, имѣющій, какъ примѣтно, древнѣйшее сравнительно съ ризою происхожденіе, исправивъ его въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ изломанъ; драгоцѣнные камни, какъ-то сапфиры, аметисты, альмандины, гранаты, гіацинты, числомъ 63, всѣ размѣстить на приличныхъ мѣстахъ ризы. Посему, риза, съ надлежащимъ благоговѣніемъ, по предварительномъ молитвословіи Божіей Матери, снята при пособіи С.-Петербургскаго золотыхъ дѣлъ мастера Александра Соколова, которому и отдана для исправленія, для перечеканки и позолоченія за 300 рублей серебромъ. А такъ какъ, по снятіи ризы, ока-

---

этотъ инвентарь, видѣнная нами въ 60-хъ годахъ, въ настоящее время не находится въ монастырскомъ архивѣ.

[15]) Какъ видно изъ монастырской хроники, серебряная риза къ иконѣ Божіей Матери сдѣлана „однимъ благотворителемъ“ изъ серебряныхъ дощечекъ, прежде пожертвованныхъ, съ приложеніемъ своихъ, въ 1677 г. Археогр. Сборн. т. X, стр. 307.

залось, что вся икона, для прикрѣпленія къ ней ризы, не только на поляхъ, но и на мѣстахъ самыхъ священныхъ изображеній, какъ то на главѣ, груди, ногахъ и проч., пробита гвоздиками, которыхъ мы вынули изъ левкаса до 1000 штукъ; то оказалось необходимымъ язвы послѣ вынутыхъ шпилекъ задѣлать, и затѣмъ всю икону отчистить отъ многовѣчной копоти, каковая работа, совершавшаяся въ Богословской церкви надъ иконою, произведена академикомъ В. Васильевымъ, при чемъ оказалось, что икона не разъ подвергалась пожару и нѣкоторыя части ликовъ и тѣла послѣ того были поправляемы, и притомъ весьма неудачно и нерадиво, масляными красками, тогда какъ первоначальныя краски, до которыхъ Васильевъ дошелъ очисткой отъ копоти, суть яичныя, которыя, по отзыву Васильева, и употреблялись самыми древнѣйшими иконописцами; впрочемъ при очисткѣ ликовъ и прочихъ изображеній тѣла Богоматери и Богомладенца Іисуса и при задѣлываніи гвоздинныхъ язвъ на изображеніяхъ, лики и контуръ не только не переписаны или не дописаны, но остались цѣлы, явившись только свѣжѣе послѣ очистки отъ копоти и послѣ покрытія всей иконы иконописнымъ лакомъ. Нынѣ вышеупомянутая риза мастеромъ Соколовымъ доставлена въ монастырь, сдѣланная изящно и согласно съ первоначальнымъ рисункомъ, одобреннымъ въ Іюлѣ сего года и Вашимъ Высокопреосвященствомъ".

Когда и кѣмъ основанъ монастырь при св.-Троицкой церкви, нѣтъ положительныхъ свѣдѣній. Латинскіе и уніатскіе писатели утверждаютъ, что монастырь Троицкій былъ построенъ вмѣстѣ съ деревянною церковью одною изъ женъ Ольгерда (Ульяніею Тверскою) [16]). Крашевскій, авторъ

[16]) Стебельскій, Żywoty ss. Parascewii i Eufrosinii, ч. 2, стр. 9, на основаніи свидѣтельствъ Дубовича (O hierarchiey...) и Нарамовскаго (Facies rerum Sarmaticorum 1, c. XII).

исторіи г. Вильны, утверждаетъ, что монастырь при св.-Троицкой церкви существовалъ въ XIV столѣтіи, на томъ основаніи, что лѣтописцы, говоря объ осадѣ г. Вильны Витовтомъ въ 1391 г., упоминаютъ о „черницахъ“ греко-русскаго исповѣданія [17]). Въ XV в. уже несомнѣнно существовалъ здѣсь монастырь и изъ него вышли многіе замѣчательные пастыри церкви, какъ напримѣръ, Макарій I (†1497 г.), митрополитъ Кіевскій, былъ возведенъ въ этотъ санъ изъ архимандритовъ Виленскаго св.-Троицкаго монастыря, Іона II и др. На достопамятномъ соборѣ православной западно-русской церкви, состоявшемся въ 1509 г. въ „богоспасаемомъ градѣ Вильнѣ“, въ числѣ семи архимандритовъ, присутствовавшихъ на этомъ соборѣ, упоминается архимандритъ Виленскаго Троицкаго монастыря Изосимъ. Постройка каменнаго монастыря вмѣсто деревяннаго начата Іосифомъ Руцкимъ, въ 1608 г., когда онъ назначенъ былъ намѣстникомъ митрополита и архимандритомъ св.-Троицкаго монастыря [18]).

Въ 1760 г., во время пожара, опустошившаго значительную часть г. Вильны, сгорѣлъ и Троицкій монастырь, по свидѣтельству монастырской хроники; церковь однако уцѣлѣла, обгорѣла только Скуминовская часовня. Въ слѣдующемъ году, исключительно на средства монастырскія, на мѣстѣ прежняго монастыря начата постройка новаго монастыря каменнаго, по новому плану, составленному архи-

[17]) Wilno, ч. 3, стр. 43.

[18]) Lew Krewza, Obrona Jednosci, стр. 108. A niedawno temu lat kilkunascie (Obrona издана 1618 г.) wszystko Wilno wie o tym: oycowie nasi Pana Boga wziąwszy na pomoc, nie mając na to żadnych dochodow monastyrskich..., monastyr zbudowali... Стебельскій почему-то приписываетъ постройку перваго каменнаго монастыря Льву Кревзѣ; но это свидѣтельство очевидно противорѣчитъ свидѣтельству самаго Кревзы.

текторомъ Глявбичемъ и утвержденному базиліанскимъ протоархимандритомъ [19]). Постройка новаго монастыря, какъ видно изъ той же хроники, производилась довольно медленно; такъ напримѣръ, сѣверная стѣна у колокольни, въ 1777 г. доведена была только до втораго этажа; въ этомъ году продолжена постройка остальныхъ двухъ этажей. Какъ видно изъ акта визитаціи св.-Троицкаго монастыря, совершенной въ 1804 г. по повелѣнію Брестскаго епископа Іосафата Булгака, эта часть монастыря не была окончена и въ этомъ году,—не было еще стропилъ и сводовъ въ четвертомъ этажѣ. Внѣшній видъ монастырскаго зданія сохранился и до настоящаго времени. Главный корпусъ зданія построенъ въ видѣ двухъ прямыхъ линій, соединяющихся подъ прямымъ угломъ; къ этому углу съ западной стороны пристроенъ трехъэтажный флигель. Въ подвальномъ этажѣ этого флигеля былъ устроенъ винный погребъ; въ первомъ этажѣ помѣщалась типографія, во второмъ этажѣ, надъ типографіей, монастырская трапеза (столовая), въ третьемъ этажѣ надъ трапезой,—монастырская библіотека.

Когда учреждена при св.-Троицкомъ монастырѣ типографія, положительно неизвѣстно. Въ привиллегіи, данной св.-Троицкому братству Сигизмундомъ III въ 1589 году, братству предоставляется между прочимъ право „книги всякіе... друковати“ [20]). Первая, извѣстная доселѣ книга, напечатанная въ братской типографіи,—„Грамматика Словенска“,—издана Лавр. Зизаніемъ въ 1596 г. [21]). Типографія эта, по введеніи уніи и по отнятіи у православныхъ св.-Троицкаго монастыря, вмѣстѣ съ братствомъ перемѣщена была въ св.-Духовскій монастырь и называлась

[19]) Археогр. Сборн. т. X, стр. 308, № 43.
[20]) Сбор. грамотъ г. Вильны, ч. II, № 4, стр. 11.
[21]) Памятн. рус. старины, изд. Батюшкова, вып. VI, с. 172.

иногда Сонственскою типографіею [22]). По возстановленіи при св.-Троицкой церкви уніатскаго братства, троицкіе базиліане, пользуясь предоставленнымъ Троицкому братству правомъ печатать всякія книги, открыли свою типографію. Первая, извѣстная доселѣ книга, напечатанная въ типографіи св.-Троицкаго монастыря, издана 1628 г. По мнѣнію Балинскаго, типографія эта пріобрѣтена троицкими базиліанами у Мамоничей [23]). Въ типографіи этой, печатавшей вначалѣ попреимуществу книги богослужебныя, впослѣдствіи печатались всякаго рода книги и на разныхъ языкахъ, попреимуществу на польскомъ языкѣ. Типографія троицкихъ базиліанъ закрыта по распоряженію архіепископа Литовскаго Іосифа (Сѣмашко) въ 1845 г. Часть типографскаго матеріала (типогр. станки и шрифтъ) продана съ публичныхъ торговъ содержателю типографіи въ Вильнѣ Глигсбергу, другая часть (кашты и рыгалы)—Дворжецу (Дѣло за 1845 г. № 7).

Главный ходъ въ церковь и въ монастырь съ давнихъ временъ былъ съ Большой улицы, въ видѣ небольшаго переулка, образуемаго стѣнами сосѣднихъ домовъ. Надъ первыми воротами отъ улицы, подъ крышей, устроено было существующее и донынѣ довольно обширное помѣщеніе съ балкономъ на улицу. Во времена уніи на этомъ балконѣ помѣщался монастырскій оркестръ для встрѣчи церковныхъ процессій, направлявшихся изъ разныхъ р.-католическихъ костеловъ въ Св.-Троицкую церковь въ нѣкоторые торжественные дни, особенно въ день Іосафата (16 сентября) [24]).

---

[22]) Отдѣленіе братской типографіи находилось въ Евьѣ, въ 35 верстахъ отъ Вильны. Первая извѣстная доселѣ книга вышла изъ этой типографіи въ 1611 г. Тамъ же, стр. 174.

[23]) Hist. Wilna, ч. 2, стр. 122.

[24]) Инвентарь 1781 г. Дневникъ мон. Арх. Сб. т. X, с. 324.

По лѣвой рукѣ отъ этихъ воротъ находился входъ на галлерею, а по правой, нѣсколько повыше, калитка изъ сосѣдняго дѣвичьяго монастыря. По лѣвой рукѣ отъ вторыхъ воротъ находился двухъэтажный флигель, въ которомъ помѣщались „пауперы",—дѣти бѣднѣйшихъ дворянъ, содержавшихся на средства, завѣщанныя троицкимъ базиліанамъ въ 1750 г. графомъ Шанковскимъ—Саванѣевскимъ. Далѣе отъ этого флигеля, между сосѣдними домами, находились третьи ворота, нынѣ не существующія. По правой рукѣ отъ вторыхъ воротъ находилась колокольня (существующая и понынѣ), съ виннымъ погребомъ и помѣщеніемъ для церковной прислуги. Между колокольней и западной частью монастырскаго зданія въ 1777 г. построена каменная стѣна, отдѣлявшая дворъ мужскаго монастыря отъ двора женскаго монастыря.

Въ первыя времена своего существованія монастырь не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ средствъ для своего содержанія и, по свидѣтельству монастырской хроники, „жилъ милостынею". Князь Головчинскій (Матѳей Никитичъ) первый завѣщалъ въ 1536 г. этому монастырю два фольварка —Пурвиники и Свинтыники [25]), принадлежавшіе къ имѣнію его Езно (въ Трокскомъ у.); но монастырь недолго пользовался этимъ фундушемъ; внуки Матѳея Никитича, князья Щасный и Янъ Ярославичи Головчинскіе отняли этотъ фундушъ и присоединили его къ имѣнію своему Езно. Монастырь снова остался безъ всякихъ средствъ существованія и наконецъ пришелъ въ такой упадокъ, что, по свидѣтельству Льва Кревзы, иногда въ немъ былъ только одинъ священникъ, да и тотъ съ трудомъ держался, по причинѣ бѣдности. „Такое превосходное мѣсто, замѣчаетъ тотъ же уніатскій писатель, какимъ не владѣлъ ни одинъ изъ мона-

[25]) Собр. грамотъ г. Вильны ч. 11, № 27, стр. 61.

шескихъ орденовъ въ Вильнѣ, находился въ запустѣніи; каменныя постройки разрушались и никто ихъ не поправлялъ; негдѣ было жить монахамъ; весь монастырь заросъ крапивой. Все это произошло отъ того, что свѣтскіе люди, захвативши власть надъ духовными, болѣе старались о своихъ выгодахъ, чѣмъ объ умноженіи славы Божіей" [26]). Какимъ образомъ случилось, что въ Литовскомъ княжествѣ „свѣтскіе люди захватили власть надъ духовными", легко объясняется особенностями строя политической и церковно-религіозной жизни въ Литовскомъ княжествѣ, соединившемъ свою судьбу съ судьбою Польши. Польское правительство, смотря по ходу историческихъ событій, часто мѣняло свою политику по отношенію къ православной западно-руской церкви. Вынужденное во второй половинѣ XVI ст. прекратить практиковавшуюся въ предшествующее время по отношенію къ православной западно-русской церкви систему притѣсненія, оно не только не сдѣлалось внимательнѣе къ ея интересамъ, напротивъ, стало относиться къ нимъ съ полнымъ равнодушіемъ и даже съ пренебреженіемъ. Пользуясь правомъ верховнаго патроната, польскіе короли отдавали монастыри и цѣлыя епархіи лицамъ къ тому неподготовленнымъ и даже не принадлежавшимъ къ духовному званію. Такъ, намъ извѣстно, что Сильвестръ Бѣлкевичъ (1556—1568), носившій до вступленія на митрополію званіе литовскаго подскарбія, человѣкъ весьма богатый, но мало образованный, еще не имѣя духовнаго сана, выпросилъ у короля привилей на Виленскій Троицкій монастырь, чтобы пользоваться его доходами [27]). Въ 1562 г. право патроната или подаванія (jus donationis) въ Троицкомъ монастырѣ получилъ отъ короля бурмистръ виленскій Шумлянскій [28]), а послѣ

[26]) Obrona Jednosci, стр. 108. Арх. Сб. т. X, стр. 5.
[27]) Археогр. Сборн. т. X, стр. 9, п. 5.
[28]) Тамъ же, стр. 10, п. 6.

него монастырскія имѣнія вмѣстѣ съ монастыремъ, подъ именемъ архимандріи, долго держалъ радца и мѣщанинъ виленскій Велковичъ, которому явился было соперникъ въ лицѣ одного священника (Василія Мартиновича, попа Воложинскаго), тоже успѣвшаго выхлопотать у забывчиваго или невнимательнаго короля привилей на Виленскую архимандрію. Велковичъ при судебномъ разслѣдованіи умѣлъ доказать, что онъ получилъ королевскій привилей раньше, чѣмъ его соперникъ, и удержалъ монастырь за собою, хотя не принялъ и не хотѣлъ принимать духовнаго званія [29]).

Преемникъ Сильвестра, Іона II (1568—1577) старался водворить порядокъ въ западно-русской церкви и искоренить злоупотребленія, въ чемъ отчасти и успѣлъ. Онъ просилъ короля, чтобы достоинства духовныя не были отдаваемы лицамъ свѣтскимъ, чтобы митрополитъ имѣлъ право отбирать „хлѣбы духовные" у человѣка свѣтскаго, который, получивъ духовный урядъ, въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ не принималъ „стану духовнаго". Король согласился, только съ тѣмъ измѣненіемъ, что слѣдуетъ о такихъ лицахъ представлять ему, и онъ будетъ отдавать „хлѣбы духовные" инымъ по волѣ своей господарской. На первый разъ просьба эта имѣла послѣдствіемъ то, что Троицкій монастырь и архимандрія были отобраны у Велковича и переданы митрополиту Іонѣ. При преемникѣ Іоны, митрополитѣ Онисифорѣ Дѣвочкѣ произошли новые безпорядки и замѣшательства. Онисифоръ, поддерживая мысль своего предшественника о томъ, чтобы „хлѣбы духовные" не были отдаваемы свѣтскимъ людямъ, вдался въ крайность: онъ не хотѣлъ допустить участія виленской православной общины въ церковныхъ дѣлахъ даже въ тѣхъ предѣлахъ, которые

[29]) Памятн. русской старины въ зап. кр., изд. Батюшкова, V, стр. 42.

были освящены обычаемъ и постановленіями прежнихъ митрополитовъ. Онъ запретилъ виленскимъ мѣщанамъ каждогодно свидѣтельствовать и переписывать имущество въ приходскихъ церквахъ, строителями которыхъ и попечителями они считали себя и которые снабжали эти церкви всѣмъ необходимымъ—книгами, колоколами, образами, свѣчами и т. п. Троицкій игуменъ, которому Онисифоръ передалъ управленіе монастыремъ, хотя при вступленіи своемъ въ монастырь и позволилъ мѣщанамъ переписать имущество, но потомъ не допускалъ ихъ къ ежегодной повѣркѣ переписи. По жалобѣ мѣщанъ, Стефанъ Баторій настоялъ на соблюденіи прежнихъ обычаевъ [30]). Чрезъ нѣсколько времени бурмистры, радцы и лавники православнаго исповѣданія снова жаловались королю, что вслѣдствіе „нечастаго бываньа“ митрополита въ Вильнѣ, Троицкій монастырь пришелъ въ совершенное обѣднѣніе, что строенія находятся въ упадкѣ, что въ управленіи господствуетъ безпорядокъ, и потому просили отдать монастырь въ ихъ вѣдѣніе. Король согласился, вмѣнивъ имъ въ обязанность собирать монастырскіе доходы, употреблять ихъ на содержаніе архимандрита, монаховъ и убогихъ, а также черницъ, жившихъ въ своемъ монастырѣ [31]).

Внутренніе безпорядки въ западно-русской церкви, недовѣріе и раздоръ между іерархіей и паствой—поощряли враговъ православія дѣятельнѣе приняться за приведеніе въ исполненіе давно задуманнаго плана о введеніи уніи. Въ видахъ замышляемой уніи іезуитъ Поссевинъ убѣждаетъ папу Григорія XIII основать въ Вильнѣ школу „для русскихъ“; Скарга печатаетъ сочиненіе „О единствѣ церкви Божіей и о греческомъ отъ сего единства отступленіи“ (1577

[30]) Арх. Сборн. т. VI, № 37.

[31]) Собраніе грамотъ г. Вильны ч. II, №№ 4 и 5.

г.); введенный недавно въ Западной Европѣ и въ Польшѣ новый календарь (Григоріанскій) подаетъ поводъ католическимъ властямъ, въ видѣ перваго опыта, потребовать, чтобы православные подчинились этому нововведенію римской церкви; виленскіе городскіе власти не допускаютъ православнымъ отправлять ихъ „греческіе" праздники по старому *стилю и принуждаютъ ихъ къ празднованію „святъ римскихъ"* по новому календарю.

Въ эти-то времена тяжелыхъ испытаній для западно-русской церкви пробудилась необыкновенная ревность въ лучшихъ ея сынахъ, и чѣмъ сильнѣе была опасность, тѣмъ сильнѣе стали сплочиваться всѣ истинные ревнители русской вѣры и русской народности въ отдѣльные союзы, извѣстные въ исторіи подъ именемъ братствъ. Братства или *„братчины" представляютъ явленіе общее всѣмъ областямъ* русскимъ, какъ восточнымъ, такъ и западнымъ; но въ западно-русскихъ городахъ, имѣвшихъ, подобно Вильнѣ, магдебургское право и цеховое устройство, они могли развиться съ большею силою, пріобрѣсти большое значеніе. Въ XVI вѣкѣ въ Вильнѣ было четыре русскихъ братства, имѣвшіе благочестивый обычай освящать молитвою свои труды и хранить свои суммы при извѣстныхъ церквахъ. Изъ нихъ—самое древнее бурмистровское, или панское, при церкви Пречистенской, состоявшее изъ православныхъ бурмистровъ, радцевъ и лавниковъ. Другое, столь же древнее *братство, кушнерское, основанное цехомъ, который торговалъ* мѣхами и кожами. Въ грамотѣ короля Сигизмунда I-го отъ 1538 г., подтверждающей уставъ панскаго братства, говорится, что это братство существуетъ уже 80 лѣтъ, слѣд., начало его основанія относится къ 1458 году. Потомъ слѣдуетъ братство купеческое или кожемяцкое, и братство Росское—шапочниковъ, сермяжниковъ и наговичниковъ, состав-

лявшихъ одинъ цехъ, имѣвшихъ свой домъ и свою церковь Юрьевскую въ предмѣстьѣ Роса. Всѣ эти четыре братства назывались „медовыми“, потому что имъ разрѣшено было королевскими привилеями покупать медъ, сытить его восемь разъ въ году и пить его три дня; а что оставалось не выпитымъ въ теченіи трехъ дней, то братчики имѣли право продавать въ домахъ братскихъ безъ платежа пошлинъ (канцизны). Воскъ съ тѣхъ медовъ братчики отдавали на свѣчи въ церковь, а доходъ медовый (денежный) на „потребы и оправы и на слуги церковные“, также и на благотворительныя дѣла. Уставы братствъ медовыхъ подтверждены грамотами Стефана Баторія 1582 г. [32]). Уставы братствъ подробно опредѣляютъ права и обязанности старостъ братскихъ, порядокъ братскихъ собраній и т. п. Братства, или правильнѣе говоря, братскія собранія, были своего рода клубы, въ члены котораго имѣли право записываться люди всякаго „стану“ римской вѣры и греческой; братскія собранія посѣщали какъ вписавшіеся въ братство, такъ и не вписавшіеся, но приглашенные кѣмъ-либо изъ братчиковъ на угощеніе медомъ братскимъ и для бесѣды съ братьями. Хозяевами въ братствахъ были люди „русской вѣры“. Но мало-по-малу времена и люди стали измѣняться. Латинскій фанатизмъ, обильно разсѣеваемый іезуитами, внесъ религіозную смуту и въ мирныя братскія собранія. Немногочисленные члены братствъ „римскаго закона“ захотѣли быть хозяевами и заправителями дѣлъ въ братствѣ. Р.-католическіе городскіе власти, поощряемые іезуитами и поддерживаемые правительствомъ, стали причинять всякаго рода притѣсненія и обиды купцамъ, цеховымъ людямъ и мѣщанамъ „греческой вѣры“: православныхъ намѣренно вызывали въ судъ или въ ратушу въ такіе дни, которые

[32]) Собр. грамотъ г. Вильны, ч. II, № 1 и 2.

падали на ихъ господскіе и богородичные праздники. Войтъ отнималъ товары у православныхъ купцовъ, подвергалъ ихъ побоямъ, если они осмѣливались торговать въ католическіе праздники, не соблюдая новаго календаря. Мирная бесѣда въ братствахъ съ „гостями римской вѣры“ сдѣлалась невозможною. И вотъ является у православныхъ братчиковъ мысль объ учрежденіи новаго братства, съ иными цѣлями и задачами, въ члены котораго поступали бы только люди православные, искренно преданные вѣрѣ отцовъ своихъ. Такимъ образомъ явилось въ Вильнѣ знаменитое св.-Троицкое братство, основанное мѣщанами г. Вильны „народу русскаго, закону греческаго“.

Уставъ этого братства представляетъ существенныя отличія отъ устава медовыхъ братствъ. Когда опасность со стороны іезуитскихъ происковъ, направленныхъ противъ восточной церкви, сдѣлалась ближе и настоятельнѣе, когда ряды православной аристократіи, доселѣ стоявшей за русскую вѣру, сильно порѣдѣли, когда наконецъ недостойные члены высшей церковной іерархіи, ради мірскихъ выгодъ, готовы были предать свою вѣру и церковь,—не время было думать о пирахъ и веселіи: теперь требовалось прямое самоотверженіе, прямой подвигъ. Сущность устава этого можетъ быть выражена въ слѣдующихъ главныхъ пунктахъ: 1) Средства братства образуются изъ добровольныхъ взносовъ членовъ братства, вкладовъ и пожертвованій. Каждый, желавшій вписаться въ братство, обязанъ былъ внести „уписного“ въ братскую кружку (скринку), сколько кто могъ; затѣмъ каждый вписавшійся обязанъ былъ каждую недѣлю придти въ братство послѣ ранней обѣдни и внести въ братскую кружку сколько кто могъ „на милостыню“ (на ялмужну); сверхъ того, разъ въ году, именно въ недѣлю четвертую послѣ Рождества Христова, для усиленія средствъ

братскихъ, дѣлалась общая „складанка“ (складчина) „водлугъ воли и преможенья“ каждаго изъ братчиковъ. На эти братскія деньги четыре раза въ недѣлю должна была совершаться служба Божія у братскаго алтаря „чрезъ попа и діакона братскаго“; въ пятницу, послѣ ранней обѣдни, всѣмъ соборомъ Троицкимъ совершался молебенъ „за Господаря“ (короля) и за все христіанство. Изъ этихъ доходовъ братство содержало своего священника и діакона, удѣляло также каждую недѣлю извѣстную часть изъ своихъ доходовъ— „водлугъ преможенья братскаго,—черицамъ и черницамъ на страву“ (пищу); сверхъ того, каждой церкви въ Вильнѣ, въ день ея храмоваго праздника давалось шесть грошей. Не забыты были убогіе и узники,—и на нихъ два раза въ году давалась милостыня по мѣрѣ средствъ братскихъ. Не отказывало братство въ пособіи и тѣмъ изъ своихъ членовъ, которые впали въ бѣдность, или кого постигло какое-нибудь несчастіе, болѣзнь, потеря здоровья и т. п. Въ случаѣ смерти братчика, не оставившаго средствъ на погребеніе, похороны его совершались на братскія средства. Но задача братства была бы слишкомъ узка, еслибы оно ограничилось одними только матеріальными нуждами своихъ единовѣрцевъ; были и другія болѣе настоятельныя нужды—въ духовно-нравственномъ просвѣщеніи, и потому, во 2-хъ) братство основываетъ на свои средства школу и типографію. Въ школѣ обучались безплатно дѣти бѣдныхъ родителей чтенію и письму русскому, греческому, латинскому и польскому и пѣнію. Для преподаванія школьныхъ наукъ на средства братскія содержались люди въ письмѣ ученые, особы духовныя и свѣтскія. 3) Всѣ вписавшіеся въ братство обязаны были въ точности исполнять всѣ добровольно принятыя на себя обязанности; если же кто не исполнялъ этихъ обязанностей, тотъ по суду братскому подвергался

взысканію [33]). Такимъ образомъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, новое братство не даромъ называло себя „церковнымъ“: оно гораздо тѣснѣе соединило себя съ церковію, но въ то же время болѣе отрѣшилось отъ бытовой связи съ какимъ-либо однимъ извѣстнымъ храмомъ и его причтомъ. Далѣе, новое братство гораздо шире и независимѣе отъ корпоративнаго начала развивало свою благотворительность. Наконецъ, что всего важнѣе, основатели Троицкаго братства поняли необходимость науки, просвѣщенія для охраненія церкви православной. Братство обязывается содержать школу и имѣть въ своемъ вѣдѣніи людей въ „письмѣ ученыхъ“ и печатать въ своей типографіи книги всякія стараго и новаго завѣта, потребныя для науки школьной и для церкви. Уставъ братства одобренъ грамотою Константинопольскаго патріарха Іереміи въ 1588 г., а въ слѣдующемъ году утвержденъ королемъ. Патріархъ Іеремія, утверждая уставъ, далъ братству право отлучать отъ церкви всякаго непокоряющагося истинѣ и подающаго собою соблазнъ другимъ, всякаго, кто бы сталъ клеветать или хулить братство, будь это епископъ, протопопъ, діаконъ, или міряниръ. Грамоту эту патріархъ приказалъ прочитать во всѣхъ церквахъ [34]).

Для дѣятельности братства открылось широкое поле. Прежде всего братство не могло не знать крайнюю нужду въ просвѣщеніи для борьбы съ столь сильными противниками, каковы протестанты и особенно іезуиты. Уже въ 1588 г. братство завязываетъ сношенія съ такимъ же церковнымъ братствомъ Львовскимъ, утвержденнымъ нѣсколько раньше Виленскаго (въ 1586 г.) „Вси купно братія о Христѣ храма святыя живоначальныя Троицы, граждане

[33]) Собр. грамотъ г. Вильны ч. II, стр. 9.
[34]) Собр. грамотъ г. Вильны ч. II, № 3.

Виленскіе", благодарятъ гражданъ Львовскаго братства за доставленіе начала изданной послѣднимъ славяно-греческой грамматики, просятъ, чтобы при окончаніи изданія было прислано сто или двѣсти экземпляровъ съ назначеніемъ надлежащей цѣны и притомъ отправленъ былъ дьякъ или два, которые бы могли понимать эти книги и другихъ научить.

Виленское Св.-Троицкое братство на первыхъ же порахъ пріобрѣло глубокое сочувствіе всѣхъ благомыслящихъ и искренно преданныхъ православной церкви сыновъ ея. Число братчиковъ быстро умножалось, средства его увеличивались, вмѣстѣ съ тѣмъ широко развивалась и его дѣятельность. Въ 1592 г. братство покупаетъ у мѣстнаго жителя Нарушевича домъ, называемый Гамшіевскимъ [35]); вписавшійся въ 1592 г. въ братство виленскій мѣщанинъ Кондратовичъ даритъ братству свой домъ [36]). Оба эти дома, стоявшіе рядомъ на Большой улицѣ, на лѣвой сторонѣ, идя отъ рынка (нынѣ театральная площадь) къ Острымъ воротамъ, были соединены въ одно зданіе и здѣсь была открыта школа, въ которой ученые люди, вызванные братствомъ, преподавали языки греческій, латинскій, русскій и польскій. Въ 1594 г., по духовному завѣщанію виленскаго купца Павла Снипки, братство получило третій домъ, на той же Большой улицѣ, въ той же мѣстности, какъ и два вышеозначенные [37]). Св.-Троицкое братство на первыхъ же порахъ своего существованія имѣло около 370 членовъ, въ числѣ которыхъ были знатные люди, князья, высокіе чиновники и простые ремесленники. Христіанская любовь всѣхъ объе-

---

[35]) Продажная запись Нарушевича 1591 г. Іюля 17. Summariusz документовъ Виленскаго св.-Троиц. мон., стр. 25.

[36]) Тамъ же, стр. 26. Нынѣ подъ № 322.

[37]) Собр. грамотъ г. Вильны, ч. II, № 8.

диняла для великаго дѣла служенія церкви [38]). „Сообщаемъ твоему святительству,—писали изъ Львова патріарху въ 1592 г.,—радостныя вѣсти: въ Вильнѣ братство размножается; Ѳеодоръ Скуминъ (Тышкевичъ), воевода новгородскій, и панъ Богданъ Сапѣга, воевода Минскій, со многими чиновными людьми вступили въ братство церковное [39])". Благодаря ходатайству этихъ знатныхъ особъ, братство получило отъ митрополита право пользоваться каменной трапезой въ Троицкомъ монастырѣ и позволеніе братскимъ священникамъ совершать въ извѣстные дни служеніе при большомъ алтарѣ [40]).

На первыхъ же порахъ существованія Св.-Троицкаго братства явились и недоброжелатели его, и притомъ съ такой стороны, съ какой менѣе всего можно было ожидать этого. Мы уже видѣли выше, какія побудительныя причины заставили лучшихъ православныхъ жителей Вильны выдѣлиться изъ медовыхъ братствъ и образовать новое „церковное" братство. Самое значительное и знатное изъ виленскихъ „медовыхъ" братствъ—панское, или бурмистрское, отнеслось къ успѣхамъ Троицкаго братства съ чувствами завистливаго соперничества. Въ 1594 г. бурмистры и радцы г. Вильны, узнавши, что братскіе священники, Симеонъ и Василій, въ пятницу 24 января, безъ ихъ дозволенія отслужили вечерню у большаго алтаря въ св.-Троицкой церкви, собирались также отслужить въ слѣдующій день у того же алтаря утреню и обѣдню, пошли жаловаться митрополиту, ко двору его при церкви Пречистенской. Услышавши отъ митрополита, что онъ далъ позволеніе брат-

---

[38]) Чтенія о церковн. Западно-рус. братствахъ, М. Кояловича, стр. 77.

[39]) Памятн. р. стар. Вып. V, 46.

[40]) Собр. гр. Вил. ч. II, 15.

скимъ священникамъ совершать богослуженіе въ св.-Троицкой церкви, бурмистры и радцы стали сѣтовать о нарушеніи своихъ правъ и вольностей, которыя они получили отъ короля на св.-Троицкій монастырь, и требовали отъ митрополита, чтобы онъ, безъ ихъ вѣдома и позволенія, не распоряжался ихъ собственностію. Митр. Михаилъ Рагоза, въ видахъ мира и согласія, обѣщалъ запретить братскимъ священникамъ совершать богослуженіе у большаго алтаря св.-Троицкой церкви. „Пусть лучше церковь будетъ праздная и безъ службы Божіей, чѣмъ ссоры и раздоры", отвѣчалъ онъ на сѣтованія бурмистровъ о нарушеніи ихъ правъ на св.-Троицкую церковь [41]). Между тѣмъ бурмистры и радцы виленскіе, выражавшіе недавно такую заботливость о св.-Троицкомъ монастырѣ, такъ ревностно добивавшіеся получить его въ свое завѣдываніе и теперь такъ ревниво охраняющіе свое вновь пріобрѣтенное право, нисколько не измѣнили къ лучшему положеніе монастыря. Какъ видно изъ письма митрополита къ бурмистрамъ и радцамъ отъ 1595 г., въ монастырѣ не было своего священника для совершенія службы Божіей, не было даже архимандрита, или игумена, въ монастырѣ происходили разные неурядицы и безпорядки, вводились новые обычаи, безъ вѣдома и благословенія духовной власти звонили во всѣ колокола при погребеніи иновѣрныхъ членовъ магистрата и т. п. [42]). Митрополитъ дѣлалъ бурмистрамъ выговоры, бурмистры жаловались на митрополита королю. Но не долго продолжались эти раздоры между митрополитомъ и бурмистрами. Въ слѣдующемъ году, когда слабохарактерный митрополитъ Рагоза сталъ во главѣ епископовъ, устроившихъ унію, когда главнымъ борцомъ противъ уніи и митрополита явилось св.-

[41]) Собр. гр. Вильны, ч. II, № 7.
[42]) Тамъ же, № 10.

Троицкое братство, тогда произошло примиреніе, удивительное согласіе: митрополитъ торопитъ бурмистровъ, чтобы они, какъ можно скорѣе, отняли у братства не только алтарь, но и трапезу; бурмистры въ одинъ тонъ съ митрополитомъ представляютъ королю членовъ братства, какъ бунтовщиковъ и нарушителей общественнаго спокойствія, и становятся на сторону уніи. Мы не будемъ говорить здѣсь о томъ, какъ подготовлялась унія и какъ она была введена въ западно-рускомъ краѣ. Объ этомъ предметѣ имѣются спеціальныя сочиненія. Наша цѣль выяснить, какое значеніе имѣлъ св.-Троицкій монастырь въ дѣлѣ распространенія уніи.

Безпокойное и тревожное время переживала Вильна въ 1595 г. Слухи объ уніи, объ измѣнѣ православной церкви, задуманной недостойными ея пастырями, становились все болѣе и болѣе настойчивыми. Несмотря на всѣ увѣренія митрополита о невѣрности этихъ слуховъ, никто ему не вѣрилъ, особенно когда пріѣхалъ въ Вильну изъ Новогородка писарь митрополита Григорій и разсказалъ положительно, что владыки уже поддались подъ „папежское благословенство", что два епископа, Терлецкій и Потѣй, поѣхали уже въ Римъ. Посыпались съ разныхъ сторонъ протесты противъ замышляемой измѣны древнему православію. Переписывались по этому дѣлу знаменитые вельможи, собирались и переписывались братства, раздалась съ церковныхъ каѳедръ сильная проповѣдь объ антихристѣ и послѣдней кончинѣ міра. Особенно сильно заговорили братскіе проповѣдники, между которыми больше другихъ выдвигался школьный учитель Лаврентій Зизаній. Смѣлый молодой проповѣдникъ не щадилъ никого и безпощадно раскрывалъ всѣ тайные замыслы виновниковъ уніи. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ, по примѣру протестантовъ, называлъ папу римскаго антихристомъ, а своихъ владыкъ—его слугами. Въ тоже время онъ на-

писалъ объясненіе Никейскаго Собора, въ которомъ опровергалъ главенство папы и другія нововведенія Римской церкви. Проповѣди его и объясненіе Никейскаго собора были напечатаны въ томъ же (1595) году и пущены въ народъ. Понятно, какое впечатлѣніе произвели эти проповѣди на латинянъ, на митрополита и епископовъ, замысливших унію. Опасаясь за успѣхъ своего дѣла, епископы поспѣшно собираются въ января 1596 г. въ Новогрудкѣ и составили Соборъ, на которомъ отлучили отъ церкви и предали проклятію Стефана Зизанія, какъ еретика. Вмѣстѣ съ Зизаніемъ подверглись карѣ два братскихъ священника. Осужденные протестовали противъ мнимо-соборнаго опредѣленія, заявляя, что митрополитъ не могъ быть судьею въ своемъ дѣлѣ, что, находясь въ ереси отщепенства, обвиненный торжественно предъ лицемъ всей церкви, онъ самъ являлся отвѣтчикомъ и долженъ былъ, по правиламъ вселенскихъ соборовъ, судиться предъ патріархомъ, а вмѣсто того онъ самъ, вопреки всѣмъ правиламъ церковнымъ, произноситъ свой судъ заочно, не выслушавъ оправданія. Столь же сильный протестъ заявило виленское православное духовенство: „Такъ какъ мы, люди православія греческаго, уразумѣли, что митрополитъ и епископы подкапываютъ нашу вѣру и въ неволю ее отдаютъ безъ вѣдома старшихъ своихъ (т. е. патріарховъ) и насъ меньшихъ; что безъ вѣдома пановъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, сами вчетверомъ или впятеромъ все дѣло дѣлаютъ: то мы, все духовенство греческаго исповѣданія, протестуемъ предъ Богомъ и всѣмъ народомъ христіанскимъ, что мы о такомъ отступленіи отъ своихъ старшихъ патріарховъ не мыслили, не знали и не соглашались на него, но во всемъ хотимъ стоять ненарушимо при святомъ благочестіи Восточной соборной церкви“ [43]).

[43]) Памятн. р. ст. Вып. V, 49.

Но эти протесты не имѣли никакой силы: за митрополитомъ и епископами стояла свѣтская власть. Чрезъ три мѣсяца изданъ былъ королевскій декретъ, осуждавшій Зизанія и братскихъ священниковъ на изгнаніе изъ государства. Грозный королевскій декретъ былъ прочитанъ на виленскихъ площадяхъ и прибитъ къ костеламъ и на перекресткахъ. Съ осужденными запрещалось имѣть какое бы то ни было общеніе. Въ отвѣтъ на протестъ виленскаго православнаго духовенства послѣдовало закрытіе церкви одного изъ священниковъ, должно быть, болѣе другихъ пылкаго; 24 ноября бурмистры и радцы запечатали церковь св. Юрія на Россѣ, обвиняя священника Демьяна въ растратѣ церковнаго имущества, ссылаясь на то, что онъ лишенъ священства митрополитомъ. Подобная же участь грозила другимъ священникамъ и проповѣдникамъ, которые будутъ осуждены судомъ духовнымъ; ихъ повелѣвалось предавать для наказанія уряду свѣтскому. Отнимая у Троицкаго братства руководителей, король въ тоже время приказывалъ отобрать у него алтарь въ св.-Троицкой церкви; узнавши, что нѣкоторые мѣщане виленскіе, возстающіе противъ уніи, купили себѣ землю въ городѣ и строятъ новую церковь (св.-Духовскую), король объявилъ это бунтомъ, стремленіемъ распространять ересь и смятеніе, и строго воспретилъ то, что было недавно дозволено духовнымъ соборомъ и его собственной грамотой (декретъ отъ 19 августа).

Состоялся, наконецъ, соборъ въ Брестѣ (1569 г.), на который, между прочимъ, явились представителями отъ виленскаго православнаго духовенства три священника и восемь пословъ отъ виленскаго св.-Троицкаго братства. Вмѣстѣ съ большинствомъ собравшихся въ Брестѣ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, всѣ представителя г. Вильны высказались противъ уніи и подписали соборное опредѣленіе (9 октября

1596 г.), по которому митрополитъ и пять епископовъ объявлены лишенными сана архіерейскаго, потому что задумали соединеніе церквей, которое могло быть рѣшено только вселенскимъ соборомъ. Съ своей стороны митрополитъ съ епископами-уніатами издали декретъ о лишеніи сана и проклятіи епископовъ, отвергшихъ унію, Львовскаго—Гедеона Балабана и Перемышльскаго—Михаила Копыстенскаго и ихъ сообщниковъ. Такъ совершилось раздѣленіе западно-русской церкви на православную и уніатскую.

Трудно описать то тяжелое, подавляющее впечатлѣніе, какое произвели въ Вильнѣ брестскія событія. Православная паства, измѣнически оставленная своими верховными пастырями, была поставлена въ затруднительное положеніе. Люди мнительные, боязливые и нерѣшительные, люди не готовые на самопожертвованіе и отреченіе отъ мірскихъ выгодъ, колебались, мучились совѣстію, готовы были пойти на сдѣлку съ нею, на уступку предъ опасностями. Многіе изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, протестовавшихъ прежде противъ уніи, покорились ей, когда она совершилась. Осталось на своихъ мѣстахъ духовенство виленское, не поминавшее на богослуженіи папы, но поминавшее низложеннаго соборомъ митрополита. Съ другой стороны, митрополитъ и его единомышленники утверждали, что ничего новаго не произошло, что унія ограничивается однимъ только признаніемъ папы. Это тяжелое, почти безвыходное положеніе людей подобнаго характера лучше всего обрисовываетъ слѣдующая сцена. Однажды въ январѣ 1597 г. собрались виленскіе бурмистры и радцы въ своемъ братскомъ домѣ и разсуждали о своихъ текущихъ дѣлахъ. Вдругъ, никѣмъ не приглашенный, входитъ архимандритъ св.-Троицкаго монастыря Софроній и обращается къ собранію съ такою рѣчью: „я пришелъ къ вашей милости для того, чтобы

объявить вамъ, что я больше не хочу быть архимандритомъ и настоятелемъ въ монастырѣ Троицкомъ. Я сдѣлался предметомъ всеобщей ненависти за то, что поминаю митрополита въ эктеніяхъ и на молитвахъ и прошу за него Бога. До сихъ поръ я это дѣлалъ противъ своей совѣсти и долга, но съ этого часу я не буду просить Бога за митрополита и не хочу быть старшимъ въ монастырѣ. Я скорѣе готовъ быть простымъ чернецомъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, даже собирать милостыню, чѣмъ молить Бога за нынѣшняго митрополита. Я хочу сохранить свою совѣсть въ чистотѣ". Вслѣдъ за этимъ архимандритъ положилъ ключи монастырскіе на столъ предъ бурмистрами и радцами. „Я получилъ эти ключи отъ вашей милости и опять отдаю ихъ вашей милости". Удивленные такимъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствій своего архимандрита, бурмистры осыпали его вопросами: „зачѣмъ ты это дѣлаешь? кто тебя подговорилъ?"... Но Софроній стоялъ на своемъ. „Добровольно принялъ я отъ вашей милости монастырь, добровольно его и оставляю. Прошу васъ, прикажите кому-нибудь осмотрѣть, всѣ ли вещи церковныя цѣлы. Я съ собою ничего не беру". И ушелъ, оставивъ ключи на столѣ [44]).

На мѣсто Софронія былъ назначенъ архимандритомъ Св.-Троицкаго монастыря нѣкто Іоасафъ.

Но унывало св.-Троицкое братство. Ему хорошо извѣстно было, что Львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ остался вѣрнымъ православію, и потому увѣрено было, что православная іерархія не изсякнетъ. Дѣятельность его еще болѣе усилилась. Поддерживая постоянныя сношенія съ Львовскимъ братствомъ и съ скрывавшимся Зизаніемъ, оно продолжало строить свою церковь (св.-Духовскую), не смотря на то, что королв, сперва дозволившій эту постройку,

[44]) Акты Зап. Россіи, № 116.

произнесъ потомъ строгое запрещеніе. Церковь эта строилась по желанію жены брестскаго воеводы Зеновича (урожденной Воловичъ, родной сестры Воловича, виленскаго епископа), которая оставалась упорною „схизматичкою“, и по желанію православной жены другаго „еретика“, смоленскаго воеводы Абрамовича. Законнымъ порядкомъ нельзя было помѣшать постройкѣ этой церкви; въ данномъ случаѣ не имѣло силы и королевское запрещеніе, такъ какъ Литовскіе дворяне, уравненные въ правахъ съ польскими дворянами, имѣли полное право строить на своихъ земляхъ какія угодно церкви.

Вскорѣ послѣ Брестскаго собора умеръ митрополитъ Михаилъ Рагоза. Преемникомъ его былъ главный дѣятель уніи, епископъ Владимірскій Ипатій Потѣй. Въ Вильнѣ знали его сношенія съ іезуитами, и потому опасались, что онъ будетъ вводить латинство. Братство тотчасъ ввело въ Св.-Троицкій монастырь скрывавшагося доселѣ Стефана Зизанія, который, какъ въ прежніе годы, выступилъ съ своею смѣлою проповѣдію. Разгнѣванный митрополитъ приказалъ своему намѣстнику въ Вильнѣ Пареѳеновичу запереть и запечатать церковь, „оскверненную этимъ негоднымъ человѣкомъ“.—Пареѳеновичъ, собравъ преданныхъ уніи членовъ магистрата, сдѣлалъ столь сильное и рѣшительное нападеніе на Св.-Троицкій монастырь, что Зизаній долженъ былъ спасаться чрезъ трубу [45]). Поцѣй ясно увидѣлъ теперь, откуда грозитъ ему опасность. Св.-Троицкій монастырь служилъ до сихъ поръ опорою, центромъ, вокругъ котораго группировались силы православныхъ. И вотъ Поцѣй употребляетъ всѣ усилія, чтобы не только лишить православныхъ этой опоры, но чтобы Св.-Троицкій монастырь, наоборотъ, сдѣлался отнынѣ центромъ уніатской жизни, раз-

[45]) Литовская церк. унія, Кояловича, ч. 2, стр. 65.

садникомъ уніи. И Поцѣй, какъ увидимъ ниже, достигъ своей цѣли.

Унія, какъ извѣстно, на первыхъ порахъ не имѣла искреннихъ, убѣжденныхъ приверженцевъ. Одни перешли въ унію изъ своекорыстныхъ видовъ, и такихъ людей легко могла поколебать всякая неблагопріятная для уніи перемѣна обстоятельствъ, всякое нарушеніе ихъ интересовъ; переходили также въ унію люди слабые, безхарактерные, малодушные, опасавшіеся лишиться своихъ мѣстъ, подпасть подъ гнѣвъ власти, подвергнуться изгнанію; переходили, наконецъ, въ унію тѣ, которые повѣрили, что, кромѣ поминанія папы и признанія его главенства, ничего не будетъ внесено новаго въ русскую церковь и что все останется по прежнему. Чтобы сдѣлать существованіе уніи прочнымъ, нужно было найти такихъ же ревностныхъ защитниковъ и распространителей ея, какими были іезуиты для католической церкви. Поцѣй ухватился за эту мысль и началъ проводить ее съ свойственною ему энергіею. По образцу іезуитскаго ордена, Поцѣй задумалъ учредить уніатскій монашескій орденъ. Св.-Троицкій монастырь, какъ нельзя болѣе, пригодился Поцѣю для осуществленія его плановъ. По просьбѣ Поцѣя, прежде всего была уничтожена данная св.-Троицкому братству привилегія Стефана Баторія на патронатство надъ Св.-Троицкимъ монастыремъ [46]). Этимъ актомъ Поцѣю были развязаны руки, и онъ могъ назначать въ Св.-Троицкій монастырь архимандритовъ по собственному выбору. Бѣда только въ томъ, что на первыхъ порахъ трудно было пріискать на такой высокій постъ достойныхъ и способныхъ людей, которые могли бы осуществить задуманный Поцѣемъ планъ устройства уніатскаго монашескаго ордена,— такъ бѣдна была уніатская партія способными людьми. Это

[46]) Synopsis, подъ 1601 г. Акты Зап. Рос. т. 4, № 159.

лучше всего подтверждаетъ избраніе въ архимандриты св.-Троицкаго монастыря Самуила Сенчиловича или Сенчилы. Уроженецъ г. Вильны, мѣщанскаго происхожденія, Сенчиловичъ не получилъ хорошаго образованія. Проведя молодость, по извѣстію уніатскихъ писателей, очень бурно, онъ долго скитался по разнымъ мѣстамъ и наконецъ принялъ монашество въ Супрасльскомъ монастырѣ. Изгнанный изъ Супрасля патрономъ монастыря Іеронимомъ Ходкевичемъ за противодѣйствіе уніи, Сенчило обратился съ раскаяніемъ къ Ипатію Потѣю и былъ принятъ благосклонно, а чрезъ три года былъ назначенъ архимандритомъ св.-Троицкаго монастыря. Сенчило, какъ показываетъ его біографія, не могъ быть надежнымъ помощникомъ Потѣя. Назначеніе Сенчиловича архимандритомъ св.-Троицкаго монастыря было временное. На этотъ высокій постъ давно уже подготовлялись Потѣемъ и его союзниками іезуитами будущіе дѣятели рѣшительной уніи Іосифъ Рутскій и Іосафатъ Кунцевичъ.

Рутскій принадлежалъ по своему происхожденію къ довольно знатной русской дворянской фамиліи. Къ будущей высокой роли Рутскій приготовлялся въ Римѣ. Когда онъ хотѣлъ принять католичество, его руководители и покровители, іезуиты, запретили ему явный переходъ въ римскую церковь; онъ долженъ былъ оставаться въ церкви греческой, чтобы принести тѣмъ большую пользу римскому престолу. Докончивъ образованіе въ Римѣ, познакомившись здѣсь съ устройствомъ греческихъ уніатскихъ монастырей св. Василія, Рутскій возвратился въ 1605 г. въ свое отечество, чтобы быть помощникомъ Потѣя въ задуманной имъ организаціи уніатской церкви. По прибытіи въ Вильну Рутскій поступилъ въ Св.-Троицкій монастырь простымъ инокомъ. Вскорѣ ему порученъ былъ надзоръ за молодыми людьми, готовящимися къ монашескому званію, ихъ руко-

водство и обученіе, а также завѣдываніе школой, открытою при монастырѣ. Рутскій уже нашелъ въ Троицкомъ монастырѣ Іосафата Кунцевича. Кунцевичъ, сынъ сапожника, жившаго во Владимірѣ Волынскомъ, подобно Рутскому, былъ воспитанъ іезуитами. Руководителями его были два іезуита, считавшіеся свѣтилами ордена: Фабрицій (Ковальскій), родомъ русскій, отличавшійся большою ученостью и ораторскимъ талантомъ, и Григорій (Гружевскій). Фабрициусъ преподавалъ Кунцевичу богословскія науки на русскомъ языкѣ по незнанію Кунцевичемъ латинскаго языка. Оба эти руководителя до того овладѣли душою своего юнаго питомца, что онъ, по выраженію его біографа, привыкъ открывать имъ всѣ тайны своего сердца, всѣ пути своей жизни. Когда Кунцевичъ колебался между православіемъ, католичествомъ и уніей, іезуиты указали ему путь спасенія въ уніи; съ ихъ согласія онъ поступилъ въ св.-Троицкій монастырь [47]). Съ этихъ поръ Кунцевичъ всею душею привязался къ уніи и рѣшился служить ей съ такою горячностью и самоотверженіемъ, какія только свойственны іезуитскимъ питомцамъ. По свидѣтельству біографа Кунцевича, онъ имѣлъ обычай ходить по улицамъ Вильны и убѣждать попадавшихся ему на встрѣчу ремесленниковъ, нищихъ стариковъ и старухъ, праздношатающихся большихъ и малыхъ, —идти за нимъ въ св.-Троицкій монастырь и тотчасъ же исповѣдываться. Пока онъ былъ только діакономъ, ему приходилось иногда со слезами упрашивать кого-нибудь изъ іеромонаховъ идти исповѣдывать приведенную имъ въ церковь толпу людей. Затрудненіе это исчезло, когда Кунцевича посвятили въ священническій санъ,—за то удвоилось и его усердіе: онъ просиживалъ за исповѣдію по шести ча-

[47]) Памят. Р. Ст. въ зап. кр. V, стр. 62. Кояловичъ, Лит. церк. унія, т. 2, стр. 328, прим. 174.

совъ въ день. Мало того, во время путешествія, какъ только Кунцевичъ останавливался на постояломъ дворѣ, тотчасъ же звалъ къ себѣ на исповѣдь не только хозяина и его домочадцевъ, но и гостей, проводившихъ время за кружкой вина или пива [48]). Воспитанные въ одномъ и томъ же духѣ, подготовленные на служеніе одному и тому же дѣлу, Рутскій и Кунцевичъ вскорѣ вступили въ тѣсную дружбу между собою. Такимъ образомъ, при посредствѣ этихъ двухъ безусловно преданныхъ себѣ людей, Ипатій Потѣй, или вѣрнѣе сказать, іезуиты забрали въ свои руки Св.-Троицкій монастырь. Оставляя доживать въ немъ старыхъ монаховъ, сохранившихъ старыя православныя преданія, они готовили здѣсь новое уніатское поколѣніе, воспитываемое въ духѣ безусловной покорности римскому престолу и церкви.

Вскорѣ, по прибытіи въ Св.-Троицкій монастырь, Рутскій сталъ вводить въ немъ свои порядки по задуманному имъ и его руководителями плану. Безъ вѣдома и согласія настоятеля монастыря былъ введенъ уставъ св. Василія Великаго, и всѣ новопоступающіе молодые монахи обязывались присягою исполнять ихъ. Къ изумленію настоятеля, іезуиты и кармелиты слишкомъ часто стали посѣщать монастырь. Сенчиловичъ почувствовалъ, что, не смотря на санъ архимандрита, власть ускользаетъ изъ его рукъ, что въ монастырѣ хозяйничаетъ не онъ, архимандритъ, а простой монахъ, „ксендзъ римскій". Оскорбленное самолюбіе раскрыло Сенчиловичу глаза. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что митрополитъ хочетъ измѣнить греческой церкви, что съ этою цѣлью онъ поселилъ въ Св.-Троицкомъ монастырѣ „римскаго ксендза", что такъ часто посѣщающіе монастырь

[48]) Głos krwie... стр. 9. Кояловичъ, Лит. церк. унія, т. 2, стр. 330, прим. 175.

іезуиты и кармелиты вскорѣ совсѣмъ поселятся въ монастырѣ, для чего и затѣяна постройка новыхъ келій [49]).

Предчувствія Сенчилы вскорѣ оправдались. Въ 1608 г., неожиданно для всѣхъ, этотъ „римскій ксендзъ", т. е. Іосифъ Рутскій, назначенъ былъ намѣстникомъ митрополита вмѣсто устраненнаго отъ должности безъ всякаго суда и расправы протопопа Варѳоломея Жашковскаго; все епархіальное духовенство и особенно городское виленское обязывалось подчиняться ему, какъ самому митрополиту; всѣ доходы св.-Троицкаго монастыря должны были поступать въ его руки и въ его распоряженіе. Обиженные возвышеніемъ Рутскаго, Сенчило и Жашковскій, не хотѣли далѣе слѣдовать за своимъ пастыремъ и стали убѣждать виленское духовенство, что Ипатій Поцѣй хочетъ измѣнить древнюю вѣру и обряды греческой церкви, что съ этою цѣлью онъ и назначилъ своимъ намѣстникомъ „римскаго ксендза", (Іосифа Рутскаго). Не трудно было взволновать и безъ того неспокойную совѣсть виленскихъ священниковъ, приставшихъ къ уніи или по малодушію и слабости, или по привычкѣ іерархическаго подчиненія своимъ верховнымъ пастырямъ, увѣрившимъ ихъ, что никакихъ внутреннихъ перемѣнъ въ церкви русской не послѣдуетъ. 13 августа (1608 г.) архимандритъ Сенчило съ виленскими священниками явились въ собраніе бурмистровъ и радцевъ русской лавицы съ жалобой на митрополита и Рутскаго. Вскорѣ затѣмъ (1 сентября) виленскіе священники подали отъ себя почтительное заявленіе митрополиту, что въ назначеніи Рутскаго намѣстникомъ митрополита они видятъ нарушеніе старинныхъ своихъ правъ, такъ какъ не было примѣра, чтобы архимандриты Троицкіе, а тѣмъ менѣе—монахи, имѣли когда-нибудь надъ ними старшинство. Ипатій Поцѣй, предувѣдомленный зара-

[49]) См. выше, о постройкѣ новаго каменнаго монастыря.

нѣе своими пріятелями „отъ двора“ и „съ повѣсти устной отца Рутскаго“ о начавшемся въ Вильнѣ движеніи, въ письмѣ къ виленскимъ мѣщанамъ (18 сент. 1608 г.) успокоивалъ и клятвенно увѣрялъ ихъ, что все изложенное въ жалобѣ Сенчилы на него, митрополита, и на его намѣстника Рутскаго, есть гнусная клевета недостойнаго человѣка, что ни онъ, Потѣй, ни Рутскій, никогда не помышляли о томъ, чтобы вѣру православную церкви восточной и всѣ обряды ея „на римскій кшталтъ превратити“, и что съ этою цѣлью Рутскій хотѣлъ будтобы ввести въ Троицкій монастырь іезуитовъ, для которыхъ будто бы и началъ постройку новыхъ келій, что назначеніе Рутскаго намѣстникомъ не нарушило ни чьихъ правъ, но что оно вызвано необходимостью. Сенчило, какъ главный виновникъ волненія, былъ позванъ на судъ къ митрополиту. Такъ какъ Сенчило не явился къ суду въ назначенный срокъ, то былъ составленъ противъ него заочный приговоръ. Сенчило былъ признанъ виновнымъ въ возстаніи противъ власти митрополита, въ незаконномъ обращеніи къ суду свѣтскому, въ клеветѣ на Рутскаго и въ безпорядочномъ управленіи монастыремъ. За всѣ эти вины Сенчило приговоренъ къ низверженію, къ лишенію сана и отлученію отъ церкви. Сенчиловичъ обратился къ св.-Духовскому братству съ заявленіемъ, что онъ порвалъ всякія связи съ уніатами и съ просьбою принять его въ православную общину. Протопопъ Жашковскій, вмѣстѣ съ священниками, не получая отвѣта на поданное ими митрополиту заявленіе, видя, что друзья іезуитовъ торжествуютъ, также рѣшились отстать отъ уніи и вписаться въ Св.-Духовское братство.

Православные виленцы съ радостію приняли въ свою среду заблудшихъ своихъ собратій и стали совѣщаться съ ними о мѣрахъ противодѣйствія замысламъ Потѣя и Рут-

скаго. Въ одно изъ такихъ совѣщаній, ночью съ 29-го на 30 ноября, Сенчило, Жашковскій и виленскіе священники вмѣстѣ съ духовными и свѣтскими лицами св.-Духовскаго братства собрались въ домѣ одного братчика и постановили: 1) торжественно отречься отъ повиновенія митрополиту, 2) взять въ свое владѣніе Св.-Троицкій монастырь и вытѣснить оттуда приверженцевъ Потѣя и Рутскаго. Принявъ такое постановленіе, всѣ участвовавшіе въ совѣщаніи отправились въ церковь св. Николая и скрѣпили свой союзъ присягою предъ евангеліемъ [50]).

Первую часть этой программы не трудно было исполнить, стоило только написать, подписать и подать, куда слѣдуетъ, свое заявленіе о не желаніи подчиняться митрополиту Потѣю и его намѣстнику Рутскому, какъ измѣнникамъ и отступникамъ православной Греко-восточной церкви, что и было исполнено 30 ноября (10 декабря н. с.). Труднѣе было выполнить вторую часть программы, т. е. овладѣть Троицкимъ монастыремъ и вытѣснить оттуда Рутскаго. Для большаго успѣха Сенчило и его приверженцы рѣшили привлечь на свою сторону Іоасафата Кунцевича, такъ какъ онъ внушалъ имъ уваженіе своею аскетическою жизнію. Въ отсутствіи Рутскаго, который удалился въ одно изъ монастырскихъ имѣній, заговорщики приступили къ Кунцевичу съ своими просьбами, убѣждая его пристать къ нимъ и оказать свое содѣйствіе къ возстановленію въ монастырѣ уничтоженныхъ нововведеніями Потѣя старыхъ православныхъ порядковъ. Кунцевичъ отвѣчалъ уклончиво, заявляя, что во всемъ привыкъ дѣйствовать въ согласіи съ Рутскимъ, что Рутскій не допуститъ никакихъ перемѣнъ въ монастырѣ. Кунцевичу отвѣчали, что уже придумано средство къ удаленію Рутскаго изъ Вильны, лишь бы только

[50]) Кояловичъ, Лит. ц. унія, ч. 2, стр. 303, прим. 79.

онъ, Кунцевичъ, принялъ ихъ сторону. Кунцевичъ отказался принять участіе въ заговорѣ противъ своего друга. Оставляя монастырь подъ какимъ-то предлогомъ, Сенчило приказалъ Кунцевичу, чтобы онъ отослалъ молодыхъ монаховъ, учениковъ Рутскаго, въ помѣстье къ ихъ учителю. Кунцевичъ находился въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны онъ боялся быть непослушнымъ приказанію архимандрита (Сенчилы), съ другой опасался, что, воспользовавшись отсутствіемъ Рутскаго и его приверженцевъ, „схизматики“ (православные) займутъ монастырь. Кунцевичъ, поспѣшилъ къ своимъ руководителямъ іезуитамъ за совѣтомъ. Рѣшено было немедленно послать гонца къ Рутскому съ извѣстіемъ, что уніи грозитъ опасность, что необходимо его немедленное прибытіе въ Вильну. Рутскій въ это время былъ боленъ лихорадкой. Говорятъ, что Рутскій прибылъ въ Вильну во время пароксизма и когда пропѣлъ Te Deum, лихорадка прошла. Въ тотъ же день явился въ монастырь и архимандритъ Сенчило и сдѣлалъ выговоръ Кунцевичу за непослушаніе. Кунцевичъ отвѣтилъ, что не зачѣмъ было посылать молодыхъ монаховъ къ Рутскому, когда самъ Рутскій явился въ монастырь.

Сдѣлана была и другая попытка разлучить Кунцевича съ Рутскимъ: ее взяли на себя трое знатныхъ гражданъ Виленскихъ, принадлежавшихъ къ Св. Духовскому братству. Одинъ изъ нихъ пригласилъ Іосафата подъ предлогомъ угощенія въ свой домъ, гдѣ уже находились оба другіе. Чтобы не было свидѣтелей, удалили подъ благовиднымъ предлогомъ монаха, который сопровождалъ Кунцевича, и потомъ приступили къ послѣднему съ просьбами и мольбою: „мы знаемъ, говорили они, что ты усердно любишь Бога и Его славу, что ты душею преданъ и народу и обряду своему. Наступилъ день, когда угнетенная русская церковь

должна поднять свою главу; по твоему мановенію это совершится. Клиръ на нашей сторонѣ, недостаетъ только тебя. Наша жизнь отъ тебя зависитъ, пожалѣй насъ и будь съ нами". Съ этими словами всѣ трое пали къ ногамъ Кунцевича, цѣловали ихъ. Кунцевичъ, послѣ нѣкотораго колебанія, сказалъ: „дѣло не отъ меня зависитъ, вся сила въ Рутскомъ", и остался непреклоненъ. Возвратясь въ монастырь, Кунцевичъ нашелъ Рутскаго на совѣщаніи съ другими ему преданными монахами; заговоръ сдѣлался уже извѣстнымъ, и они разсуждали, что слѣдуетъ предпринять. Кунцевичъ объявилъ встревоженному собранію, что онъ былъ въ аду и слышалъ дьявольскія рѣчи, которыми склоняли его измѣнить вѣрѣ [51]). Планъ этого заговора и его неудачи подробно изложены въ письмѣ Рутскаго къ Ипатію Потѣю отъ 14 декабря 1608 г. „Мороховскій (секретарь митрополичій) извѣщалъ вашу милость, писалъ Рутскій Потѣю, что святой уніи въ этомъ городѣ (Вильнѣ) грозила крайняя опасность отъ злыхъ людей. Опишу, какъ было дѣло. Протопопъ (Жашковскій) и всѣ священники соборные съ архимандритомъ (Сенчиломъ) вписались въ братство и поклялись занять Св. Троицкій монастырь. Они имѣли занять его такимъ образомъ. Архимандритъ (Сенчило) долженъ былъ взять къ себѣ ключи отъ церкви... До полученія извѣстія отъ вашей милости мы не отдали, хотя мы и не знали о вредныхъ ихъ предпріятіяхъ, а эти предпріятія были слѣдующаго рода. На Великое Славословіе имѣлъ выйти архимандритъ (Сенчиловичъ) въ полномъ облаченіи и взять съ собою меня; церковь имѣла быть наполненною братчиками. Архимандритъ долженъ былъ пихнуть меня въ толпу, сказавъ: „иди вонъ, еретикъ!", а толпа должна была схватить меня и, передавая другъ другу,

[51]) J. Susza. Cursus vitae R. Josaphat. Ср. Relacya... с. 3.

они имѣли выпроводить меня изъ церкви и распорядиться со мною по своему усмотрѣнію... Тоже должно было послѣдовать и съ тѣмъ, кто рѣшился бы вступиться за меня. Затѣмъ имѣло придти извѣстіе о случившемся въ нашей церкви, и она должна была поступить во владѣніе братчиковъ. Протопопъ (Жашковскій), зачинщикъ всего этого дѣла, склонилъ къ этому большую часть бурмистровъ. Мы узнали объ этомъ изъ городскаго управленія только за два дня до воскресенья, въ которое такое злодѣяніе должно было совершиться. Подвоевода далъ знать объ этомъ воеводѣ, находившемуся еще неподалеку, прося его, чтобы онъ самъ прибылъ. Воевода отвѣчалъ, очень сожалѣя обо всемъ; а поелику самъ онъ не могъ прибыть, то приказалъ своему помощнику дѣйствовать въ этомъ случаѣ со всею строгостію. Ночью мы послали гонца въ Шешоль къ ксендзу бискупу, прося его ради Бога прибыть. Онъ отказался по болѣзни, но писалъ къ суфрагану своему и приказалъ, чтобы все его вѣдомство двинулось какъ „на набатъ“ (на гвалтъ), какъ скоро послышится звонъ Сигизмунда крѣпостнаго [52]). Далѣе Рутскій описываетъ мѣры, принятыя имъ противъ заговорщиковъ. Въ субботу (5 декабря) Рутскій, вмѣстѣ съ Кунцевичемъ и Мороховскимъ, отправились въ ратушу и подали заявленіе о заговорѣ мѣщанъ виленскихъ, принадлежавшихъ къ православному братству, въ соучастіи съ Жашковскимъ и священниками отступившими отъ уніи. Главные заговорщики были указаны Іосафатомъ Кунцевичемъ и тотчасъ же были арестованы. Между тѣмъ городъ вооружился, какъ будто въ ожиданіи нашествія непріятеля. Весь день до глубокой ночи съ субботы на воскресенье магистратъ въ полномъ засѣданіи провелъ въ разбирательствѣ этого дѣла. Ратушу охраняла всю ночь от-

[52]) Арх. Сб. т. 17 стр. 199 № 88.

борная стража. Вооруженные цехи, какъ будто приготовившись къ бою, ходили шумною толпою по улицамъ; они проходили около братскихъ домовъ „съ великимъ гукомъ и стрѣляньемъ съ пулгаковъ“ и винтовокъ, съ угрозами разрушить до основанія церковь братскую (Св. Духа), причиняли всякаго рода оскорбленія и „похвалки“ попадавшимся на встрѣчу священникамъ, а одного едва не убили, если бы онъ не спасся бѣгствомъ [53]). Въ замкѣ тоже не были спокойны. Подвоеводій прислалъ свои силы на помощь магистрату. Когда предъ разсвѣтомъ раздался первый ударъ колокола, отрядъ, присланный изъ замка, прежде всѣхъ явился къ Троицкому монастырю и окружилъ церковь. Такимъ образомъ весь планъ противниковъ уніи отнять Троицкій монастырь у уніатовъ рушился.

Затѣмъ были приняты мѣры противъ Сенчилы. Еще въ субботу Мороховскій запретилъ Сенчилѣ отъ имени митрополита отправлять духовныя обязанности, запретилъ братіи повиноваться ему и требовалъ, чтобы онъ совсѣмъ оставилъ монастырь. Сенчиловичъ отвѣчалъ, что онъ получилъ монастырь на основаніи королевскаго привилея и что онъ не хочетъ слушать непристойныхъ рѣчей и неосновательныхъ приказовъ Мороховскаго. Мороховскій приходилъ вечеромъ во второй разъ и, найдя архимандрита у игуменьи женскаго монастыря, повторилъ свое требованіе и объявилъ монахинямъ, чтобы и онѣ не слушались Сенчилы, и опять ушелъ. Въ третій разъ уполномоченный митрополита явился въ понедѣльникъ (7 декабря); на требованіе оставить монастырь онъ услышалъ тотъ же отвѣтъ, что и въ первый разъ. Послѣ этого Мороховскій ушелъ; почти въ слѣдъ за нимъ ушелъ куда-то и Сенчило, оставивъ въ своей кельѣ вознаго съ понятыми. Приверженцы Рутскаго, молодые мо-

[53]) Арх. Сб. т. VI, № 62.

нахи, замѣтивши отсутствіе Сенчилы, сбѣжались къ его кельѣ и заперли ее замкомъ, думая, что въ кельѣ никого нѣтъ, и ушли прочь. Когда Сенчило воротился, онъ нашелъ свою келью запертою. Келью отперли только тогда, когда узнали, что тамъ находятся должностныя лица [54]).

Столкновеніе Рутскаго съ Сенчилой произвело сильное волненіе въ Вильнѣ. Сенчило, какъ видно, имѣлъ друзей и между бурмистрами русской лавицы, отъ имени которыхъ отправлена была просьба къ митрополиту, чтобы онъ успокоилъ волненіе. Сильнымъ негодованіемъ и желчными упреками дышетъ отвѣтное письмо Ипатія Потѣя къ виленскимъ мѣщанамъ. Вы вступаетесь за Сенчилу и за поповъ, которые меня „съ церкви выкинули и послушенство выказали. А комужъ тутъ въ бровъ? Не самому ли его королевской милости, котораго зверхностью я надъ ними маю владзу?“ Чтобы нагляднѣе показать виленскимъ мѣщанамъ, что онъ отнынѣ будетъ дѣйствовать самостоятельно и не будетъ справляться съ ихъ волею и желаніями въ дѣлахъ церковныхъ, Потѣй, въ заключеніе своего письма, извѣщаетъ мѣщанъ, что съ этого дня онъ назначаетъ настоятелемъ Троицкаго монастыря отца Рутскаго [55]).

Этотъ рѣшительный шагъ Потѣя развязалъ руки Сенчиловичу и всѣмъ православнымъ. Дѣятельность Виленскаго братства закипѣла съ новою энергіею. Братство разсылало многочисленныя грамоты ко всѣмъ своимъ членамъ и вообще ко всѣмъ литовско-русскимъ православнымъ съ извѣщеніемъ о виленскихъ событіяхъ, поддерживая въ православныхъ падавшій духъ и поощряя ихъ къ борьбѣ съ уніатами на предстоящемъ сеймѣ. Сеймъ открылся въ Варшавѣ въ началѣ 1609 г. Изъ Вильны отправились на сеймъ

[54]) Арх. Сб. т. VI, № 62.
[55]) Арх. Сбор. т. VI, № 60.

Самуилъ Сенчиловичъ, священникъ Воскресенской церкви Леонтій, іеромонахъ Павелъ, іеродіаконъ Макарій и нѣсколько свѣтскихъ депутатовъ Св.-Духовскаго братства [56]). На сеймѣ преобладала партія противуіезуитская. На Потѣя посыпались со всѣхъ сторонъ обвиненія въ томъ, что онъ, вопреки конституціи 1607 г., принуждаетъ къ уніи насильно, что церковныя имущества незаконно отнимаются у лицъ, законно ихъ получившихъ, и, что всего важнѣе, раздаются лицамъ не того вѣроисповѣданія, которому назначены, т. е. уніатамъ вмѣсто православныхъ. Сенчило съ своими товарищами находилъ сочувствіе какъ у сенаторовъ, такъ и въ посольской избѣ. Король нѣсколько разъ назначалъ комиссіи для разбора, какая сторона имѣетъ за собою право. Потѣй доказывалъ, что унія не новость, что она давно принята всѣмъ русскимъ духовенствомъ и шляхтою, что всѣ права и привиллегіи давались русскому духовенству подъ условіемъ уніи,—словомъ, развивалъ свою новоизобрѣтенную теорію. Сеймъ однако не убѣдился его доводами и утвердилъ конституцію 1607 г., т. е. признаръ права церкви православной, и сверхъ того постановилъ: оставаться каждой сторонѣ при томъ, что имѣетъ; всѣ споры православныхъ съ уніатами о церквахъ, имѣніяхъ, взаимныхъ обидахъ и т. п. разрѣшать судомъ трибунальнымъ; виновныхъ въ какомъ-либо насиліи или нарушеніи правъ противной стороны подвергать штрафу въ 10,000 злотыхъ. Постановленія этого сейма наносили жестокій ударъ уніи. Особенно непріятнымъ былъ для уніатовъ послѣдній пунктъ этого постановленія; они предвидѣли, что если споры ихъ съ православными будутъ разбираться выборными свѣтскими судьями главнаго трибунальскаго суда, то для нихъ утрачены будутъ и Троицкій монастырь, и всѣ виленскія цер-

[56]) Акт. Зап. Рос. т. 4, № 179.

кви. Потѣй и поддерживавшая его іезуитская партія, предвидя грозившую уніи опасность, прибѣгли къ наглому обману,—исказили при напечатаніи сеймовую конституцію, именно, вмѣсто словъ: вольно всякому (обиженному) искать правды передъ трибуналомъ конституціи (constitutionis), т. е. установленнымъ сеймовою конституціею, напечатали: вольно всякому искать правды передъ трибуналомъ compositi judicii, т. е. передъ трибуналомъ смѣшаннаго суда, составленнаго изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ [57]). Одинъ изъ депутатовъ сейма, князь Богданъ Огинскій, членъ Св.-Духовскаго братства, протестовалъ противъ этого „припишка" къ сеймовой конституціи, прописавъ въ своей протестаціи постановленіе сейма въ первоначальномъ видѣ, какъ оно было принято съ общаго согласія. Потѣй и его приверженцы принимали и другія мѣры къ ослабленію силы сеймовой конституціи. Такъ какъ сеймъ постановилъ, чтобы обѣ стороны оставались при томъ, что имѣли до сихъ поръ, то Потѣй, поддерживаемый королемъ, постарался до утвержденія и обнародованія сеймовой конституціи захватить у православныхъ побольше церквей. Съ этою цѣлью онъ еще до окончанія сейма выхлопоталъ у короля постановленіе о низложеніи Сенчилы и назначеніи на его мѣсто архимандритомъ Троицкаго монастыря Рутскаго. Рутскій еще до окончанія сейма пріѣхалъ въ Вильну съ королевскими грамотами (листами) къ виленскому магистрату, въ которыхъ приказывалось бурмистрамъ принять новаго архимандрита, отобрать у священниковъ, непослушныхъ митрополиту, ихъ церкви, отдать эти церкви тѣмъ священникамъ, которыхъ митрополитъ поставитъ на мѣсто непослушныхъ и своевольныхъ [58]). (Гра-

[57]) Литов. цер. унія, Кояловича, т. 2, стр. 73.

[58]) Relacya... Rozd. 4. Лит. ц. унія, Кояловича, прим. 90. Арх. Сбор. т. VI, № 65 и 66.

моты отъ 10 (20) февраля). Королевскимъ декретомъ (отъ 11 февр.) дворянинъ Янъ Буйвилъ уполномочивался ввести Рутскаго во владѣніе Троицкимъ монастыремъ. Королевскій чиновникъ явился въ монастырь вмѣстѣ съ Рутскимъ 25 февраля (7 марта) въ довольно раннюю пору (около осьми часовъ утра) и объявилъ монахамъ королевскую волю о назначеніи Рутскаго архимандритомъ на мѣсто низложеннаго митрополитомъ Самуила Сенчилы и прочиталъ имъ королевскія грамоты и листъ, писанный къ нему королемъ. Со стороны монаховъ нельзя было и ожидать какого-нибудь сопротивленія; большинство изъ нихъ, какъ мы видѣли, были питомцы Рутскаго, подобно Кунцевичу, преданные ему душою и тѣломъ. Монахи приняли Рутскаго и впустили въ монастырь. Но едва королевскій чиновникъ вышелъ изъ церкви съ Рутскимъ, какъ его окружила многочисленная толпа народа и во главѣ ея православные члены ратуши Иванъ Тупека, Иванъ Яцкевичъ, Петръ Копоть и мн. др., и объявили ему, что они посланы русскими бурмистрами воспрепятствовать передачѣ монастыря Рутскому, такъ какъ, по грамотѣ короля Сигизмунда, право подаванья въ монастырѣ принадлежитъ имъ, бурмистрамъ. Королевскій чиновникъ отвѣчалъ собравшимся, что при вводѣ во владѣніе монастыремъ Рутскаго никто не заявлялъ ему протеста,— что онъ исполнилъ королевскую волю и затѣмъ уже не имѣетъ никакой власти [59]). Толпа стала понемногу расходиться; королевскій чиновникъ вмѣстѣ съ вознымъ и понятыми были приглашены монахами на обѣдъ. Не успѣли хозяева и гости усѣсться за столъ, какъ пришло извѣстіе, что на монастырскомъ дворѣ, подлѣ церкви, собралась громадная толпа народа и во главѣ ея тѣже члены ратуши, явившіеся въ этотъ разъ съ тремя возными. Королевскій

[59]) Сбор. грамотъ г. Вильны ч. 2, № 18.

чиновникъ вышелъ также съ возными и понятыми и спросилъ собравшихся, зачѣмъ они явились сюда. Иванъ Тупека съ товарищами отвѣчали, что они пришли сюда для того, чтобы въ присутствіи приглашенныхъ ими возныхъ и постороннихъ свидѣтелей повторить тоже, что они и въ первый разъ сказали, т. е. что они протестуютъ противъ ввода Рутскаго и не уступятъ ему монастыря, такъ какъ магистратъ не былъ извѣщенъ о выѣздѣ Буйвила для исполненія акта ввода Рутскаго. Буйвилъ отвѣчалъ, что онъ сдѣлалъ свое дѣло согласно съ королевскими грамотами, что онъ уже не имѣетъ никакой власти и зашелъ въ монастырь только въ качествѣ гостя. Монахи, сопровождавшіе Буйвила, заявили, что королевскія грамоты о назначеніи Рутскаго архимандритомъ были показаны въ ратушѣ и тамъ читаны и потому не нужно было никакого особаго оповѣщенія. Когда Буйвилъ въ двѣнадцатомъ часу выѣзжалъ изъ монастыря, у воротъ монастырскихъ его встрѣтили опять тѣже члены ратуши съ возными и еще съ большею толпою народа и въ третій разъ повторили свой протестъ о незаконномъ вводѣ Рутскаго, предъявляя при этомъ свои документы, т. е. королевскія грамоты на подаванье монастыря. Стараясь отдѣлаться, Буйвилъ твердилъ, что не его дѣло разсматривать и обсуждать привиллегіи: „я подалъ монастырь и церковь Рутскому по приказанію его милости короля и съ тѣмъ отъѣзжаю, а вы, если имѣете какое право, ищите его судебнымъ порядкомъ“. Громадная толпа народа, раздраженнаго до крайности беззаконными дѣйствіями уніатовъ и самого короля, предводимая людьми, вполнѣ убѣжденными въ правотѣ своего дѣла, держала себя весьма сдержанно, спокойно выслушала объясненіе королевскаго чиновника и не причинила ему никакого оскорбленія ни словомъ, ни дѣйствіемъ, на что не преминулъ бы онъ указать въ

своемъ вводномъ листѣ, въ которомъ самъ разсказываетъ все это дѣло.

Раздраженіе православныхъ виленцевъ противъ главныхъ виновниковъ этихъ беззаконій,—Рутскаго и Потѣя, все болѣе и болѣе усиливалось. 26-го февраля (9 марта) Рутскій жаловался въ гродскомъ судѣ, что нѣкто Максимъ Шембель выразилъ „похвалку" на его жизнь, говоря: „выгоню Рутскаго изъ монастыря, застрѣлю его изъ пулгака и самъ свою голову положу; сдѣлаю службу русскому народу тѣмъ, что сглажу съ сего свѣта непріятеля русской вѣры" [60]). Раздраженіе это едва не дошло до открытаго возстанія, когда Рутскій явился въ магистратъ съ королевскими грамотами о назначеніи его архимандритомъ Троицкаго монастыря и о передачѣ ему всѣхъ виленскихъ церквей, требуя, чтобы магистратъ безъ замедленія привелъ въ исполненіе королевскій приказъ. Очередные радцы лавицы русской Иванъ Ивановъ Тупека и Исаакъ Кононовичъ, члены Св.-Духовскаго братства, потеряли обычное свое спокойствіе. Взявши у Рутскаго королевскія грамоты, они неуважительно помыкали ими по столу, клали сверху ихъ какія то свои грамоты, писанныя на пергаменѣ, и затѣмъ отвѣтъ свой откладывали со дня на день. Между тѣмъ содержаніе королевскихъ грамотъ сдѣлалось извѣстно народу, сами бурмистры читали ихъ православному люду, жалуясь на короля, что онъ такъ несправедливо поступалъ съ своими вѣрноподданными. Наконецъ, въ день, назначенный Рутскому для отвѣта, собралась къ ратушѣ громадная толпа народа; выломавъ двери, она ворвалась въ радецкую избу и съ крикомъ требовала, чтобы никто не смѣлъ отдавать церквей измѣнику митрополиту. Бурмистры и радцы не только не принимали мѣръ противъ взволнованной толпы, но нѣко-

[60]) Памят. Рус. Стар., Батюшкова, вып. V, стр. 68.

торые изъ нихъ потворствовали толпѣ, а одинъ изъ нихъ сдѣлалъ даже такое замѣчаніе: Гданскъ [61]) (Данцигъ) уже далъ себя знать королю, можетъ случиться съ нимъ тоже самое и въ Вильнѣ [62]). Бурмистры и радцы не только не хотѣли взять на себя обязанности отбиранія церквей, но даже отказались внести въ свои книги предъявленный Рутскимъ листъ короля.

Между тѣмъ прибылъ съ сейма Сенчило и еще болѣе усилилъ народное волненіе. Онъ явился въ Св.-Троицкій монастырь въ сопровожденіи большой толпы и заявилъ Рутскому свой протестъ о незаконномъ занятіи монастыря, такъ какъ онъ, Сенчило, отрицаетъ власть митрополита Потѣя и не признаетъ его распоряженій. Рутскій, конечно, не обратилъ никакого вниманія на этотъ протестъ и не пустилъ въ монастырь Сенчилу.

Въ виду такихъ явныхъ беззаконій и насилій со стороны уніатовъ, православнымъ ничего болѣе не оставалось, какъ добиваться возстановленія своихъ правъ судомъ. 11 (21) Марта въ главный трибуналъ поданы были жалобы: 1) Виленскаго православнаго братства на митрополита Ипатія Потѣя; 2) другая жалоба того же братства на Іосифа Рутскаго; 3) отъ Самуила Сенчилы нѣсколько жалобъ на Іосифа Рутскаго и 4) жалоба очередныхъ радцевъ отъ имени лавицы русской на того же Іосифа Рутскаго. Отъ имени Виленскаго церковнаго братства явились въ судъ старосты братства князь Богданъ Огинскій и дворянинъ Ар-

[61]) Въ 1593 г. въ Данцигѣ вспыхнуло возстаніе по поводу приказанія Сигизмунда III отобрать у протестантовъ одну церковь и вообще по поводу преслѣдованія протестантовъ; только вмѣшательство магистрата спасло католиковъ отъ ярости народной, отъ полнаго истребленія.

[62]) Relacya rozdz. 5. Лит. цер. унія, Кояловича, ч. 2 прим. 93.

польфъ Вырыковскій. Братство жаловалось между прочимъ на то, что „ксендзъ“ Іосифъ Вельяминъ Рутскій, „будучи властнымъ костела и вѣры римское наслѣдовцою и выхованцомъ“, съ вѣдома и согласія митрополита Ипатія Потѣя, незаконно завладѣлъ Св.-Троицкимъ монастыремъ съ тою цѣлію, чтобы всѣ права и вольности, предоставленныя людямъ стародавняго закона греческаго „зъ грунту вывернути, а тую церковь и монастырь Светое Троицы подъ владзу и рейментъ преложоныхъ духовныхъ костела римскаго поддати могъ“. Жаловалось братство также и на то, что въ протестахъ православныхъ о незаконномъ занятіи Троицкаго монастыря Рутскій въ своихъ жалобахъ, поданныхъ въ гродскій судъ, усматриваетъ какіе-то замыслы на „бунтъ и розрухи“; что церковь Св.-Троицкая и монастырь отняты у православныхъ, по распоряженію Ипатія Потѣя, на томъ основаніи, что церковь эта и монастырь издавна были въ уніи съ костеломъ римскимъ, между тѣмъ какъ всѣмъ и каждому извѣстно, что церковь Св. Троицы и монастырь при ней основаны и фундованы людьми не римской, а греческой вѣры и для людей, находившихся въ „послушенствѣ и подъ благословенствомъ“ пастырей церкви Восточной, и что, потому, всѣ права на эту церковь и монастырь принадлежатъ имъ, православнымъ, а не уніатамъ. Самуилъ Сенчило обвинялъ Ипатія Потѣя и Рутскаго въ нарушеніи сеймовой конституціи, которая утвердила всѣ права „религіи старожитной греческой“ и оставила за людьми, исповѣдующими и признающими духовную власть патріарха Константинопольскаго, всѣ монастыри, церкви и имѣнія, принадлежащія ихъ церкви. Иванъ Тупека съ товарищами отъ имени радцевъ лавицы русской жаловались на Рутскаго въ томъ, что онъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, а должно быть, введя въ заблужденіе канцелярію королевскую лож-

нымъ показаніемъ, выхлопоталъ себѣ привилей на Св.-Троицкій монастырь и, не смотря на протестъ городскаго уряда, овладѣлъ монастыремъ. Ипатій Потѣй и Рутскій были позваны на судъ; срокъ разбирательства дѣла назначенъ былъ на 10 (20) Мая 1609 г. [63]).

Въ назначенный для разбирательства день уполномоченный Потѣя и Рутскаго потребовалъ, чтобы ихъ дѣло, согласно сеймовой конституціи, разсматривалось смѣшаннымъ судомъ (compositi judicii), т. е. состоящимъ изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Произошелъ споръ между судьями относительно „компетентности". Латинская партія ни за что не хотѣла выпускать этого дѣла изъ своихъ рукъ изъ опасенія, что свѣтскій трибуналъ, въ которомъ изъ сорока депутатовъ только тринадцать было католиковъ, а остальные были „еретики", непремѣнно рѣшитъ дѣло въ пользу православныхъ. Засѣданіе трибунала состоялось исключительно изъ „ксендзовъ"—депутатовъ, изъ свѣтскихъ членовъ трибунала никто не явился въ засѣданіе суда, не смотря на троекратное приглашеніе. Дѣло было разсмотрѣно и приговоръ произнесенъ отъ имени смѣшаннаго суда, хотя на самомъ дѣлѣ не было никакого „смѣшенія" судей, а напротивъ произошло полное разъединеніе между ними. Состоялось также засѣданіе и свѣтскаго трибунала по тому же дѣлу; приговоръ его былъ противоположенъ приговору трибунала духовнаго и, конечно, въ пользу православныхъ. Судьи признали, что поддавшись власти римскаго папы, Ипатій Потѣй пересталъ принадлежать къ православной Восточной церкви и, слѣдовательно, утратилъ всякое право юрисдикціи какъ относительно духовенства, такъ и относительно „подаванья" церквей, монастырей и т. п. „Ксендзъ" Рутскій, также принадлежа римской церкви, не могъ быть

[63]) Арх. Сборн. т. VI, № 70, стр. 137.

архимандритомъ Троицкаго монастыря, издревле православнаго. Вслѣдствіе сего Ипатій Потѣй и Іосифъ Рутскій, на основаніи конституціи, присуждались къ уплатѣ 10.000 злотыхъ за нарушеніе правъ православной церкви. Трибуналъ духовныхъ судей, наоборотъ, присудилъ къ этой пенѣ Самуила Сенчилу и братчиковъ, вполнѣ оправдывая во всѣхъ обвиненіяхъ Ипатія Потѣя и Рутскаго. Троицкій монастырь законно принадлежитъ Рутскому, который еще до сейма назначенъ властію митрополита архимандритомъ этого монастыря и утвержденъ королевскою грамотою еще до окончанія сейма. Братчики новой Св.-Духовской церкви напрасно называютъ себя Виленскимъ братствомъ св. Троицы, потому что противная сторона представила списокъ дѣйствительныхъ членовъ братства, собирающихся въ томъ монастырѣ. Бурмистры и радцы русской лавицы утратили право на Троицкій монастырь, потому что право подаванья принадлежитъ королю; онъ передалъ это право бурмистрамъ, онъ же и отнялъ у нихъ это право. Постановленіе это было препровождено въ главный трибуналъ для внесенія въ трибунальныя книги, но не было принято, какъ незаконно составленное. Духовный судъ постановилъ препроводить это дѣло въ королевскій задворный или ассесорскій судъ [64]). Король пріостановилъ исполненіе приговора свѣтскаго трибунала, пользуясь предоставленнымъ ему на то правомъ; но онъ не дожидался новаго трибунала, которому по закону слѣдовало бы предоставить переизслѣдованіе дѣла, а передалъ его въ свой королевскій задворный судъ, или, что все равно, самъ взялся разбирать это дѣло.

Въ концѣ іюля 1609 г. королевскій дворъ прибылъ въ Вильну, гдѣ и состоялся задворный судъ, такъ какъ онъ имѣлъ свои засѣданія тамъ, гдѣ находился королевскій

[64]) Арх. Сбор. № 70.

дворъ. Задворный судъ, находившійся подъ личнымъ вліяніемъ и давленіемъ Сигизмунда III, рѣшилъ дѣло въ пользу уніатовъ. За Ипатіемъ Потѣемъ признано право распоряжаться всѣми церквами греческой вѣры, которыя поэтому и должны быть возвращены въ его распоряженіе, а протопопъ Жашковскій признанъ бунтовщикомъ противъ законной власти; такимъ же бунтовщикомъ признанъ и Самуилъ Сенчило за то, что онъ осмѣлился возстать противъ духовной власти и жаловался на нее предъ судомъ свѣтскимъ; декретъ трибунальнаго суда, возстановлявшій права Сенчилы на Троицкій монастырь, объявленъ неправильнымъ, кассированнымъ и уничтоженнымъ; на Сенчилу съ братчиками наложенъ штрафъ въ 10.000 злотыхъ и выдана на него банниція (изгнаніе изъ отечества); члены магистрата Иванъ Тупека и Исаакъ Кононовичъ, признанные виновными въ бунтѣ и въ оскорбленіи его величества, осуждены на смертную казнь; король впрочемъ смягчилъ ихъ участь, замѣнивши смертную казнь лишеніемъ занимаемыхъ ими должностей и воспрещеніемъ и впредь занимать какую нибудь общественную должность [65]).

Оставалось теперь привести въ исполненіе приговоръ задворнаго суда объ отобраніи виленскихъ церквей у тѣхъ священниковъ, которые не хотѣли признать уніи. Протопопъ Жашковскій, по свидѣтельству уніатскихъ писателей, приготовился къ сопротивленію. Онъ собралъ всѣ драгоцѣнныя вещи виленскихъ церквей въ церковь св. Николая (перенесенія мощей), при которой онъ самъ жилъ; между другими сокровищами изъ Пречистенскаго собора сюда перенесена была и спрятана чудотворная икона Божіей Матери [66]). Когда къ Жашковскому прибыли бурмистры и потре-

[65]) Арх. Сбор. № 71.

[66]) Объ этой иконѣ см. выше, стр.

бовали, чтобы онъ выдалъ имъ эту икону для перенесенія ея въ Св.-Троицкій монастырь, онъ не хотѣлъ выдать ея, не смотря на то, что король съ королевой и королевичемъ Владиславомъ хотѣлъ нарочно прибыть въ Св.-Троицкую церковь съ цѣлію „послушать русское богослуженіе и поклониться этой чудотворной иконѣ [67]). Къ 1-му августа (1609 г.) всѣ одиннадцать православныхъ церквей были взяты на „имя короля" и переданы Ипатію Потѣю. Потѣй тотчасъ же отправился въ Св.-Никольскую церковь поклониться чудотворной иконѣ Божіей Матери. Изъ церкви Никольской онъ прямо отправился въ домъ католическаго епископа для свиданія съ папскимъ нунціемъ и для выраженія ему благодарности за услуги, оказанныя уніи въ дѣлѣ отнятія у православныхъ церквей. Разставшись съ нунціемъ, торжествующій архипастырь возвращался домой. Въ китайчатой сутаннѣ, съ золотымъ крестомъ и цѣпью на шеѣ, съ тростью въ правой рукѣ, онъ шелъ по Большой улицѣ и уже приближался къ ратушѣ (теперь театръ); вдругъ бросается на него сзади какой-то неизвѣстный человѣкъ, выхватываетъ саблю изъ-подъ епанчи и наноситъ ударъ въ шею. Нападеніе было такъ стремительно и неожиданно, что никто изъ свиты митрополита не успѣлъ защитить его. Потѣя спасла толстая цѣпь архіерейскаго креста и его лѣвая рука, которою онъ защищалъ свою шею и отъ которой тутъ же отлетѣло два пальца. Убійца тотчасъ же былъ схваченъ. Потѣй былъ перенесенъ въ ближайшій домъ; къ нему тотчасъ же явились король и знатные паны съ изъявленіемъ соболѣзнованія. Рутскій подобралъ отсѣченные пальцы Потѣя, положилъ ихъ на престолѣ въ св.-Троицкой церкви и отслужилъ благодарственный молебенъ. Въ память

[67]) Relacya rozdz. 6. Кояловичъ, Лит. цер. унія, т. 2-й, стр. 310, прим. 97.

этого событія сдѣлана была серебряная дощечка съ надписью, выбранною изъ 117 псалма самимъ Потѣемъ: „Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя". Дощечка эта была повѣшена на иконѣ Божіей Матери [68]).

Схваченный убійца былъ преданъ суду. Онъ оказался гайдукомъ (лакеемъ) одного пріѣзжаго пана. Всѣ попытки судей открыть въ этомъ дѣлѣ общій заговоръ православныхъ остались тщетными. Подъ страшной пыткой палача, преступникъ не только не указалъ именъ подуститолей, но утверждалъ, что рѣшился на преступленіе самъ по себѣ, безъ всякаго подговора, изъ одной ревности по вѣрѣ, изъ ненависти къ митрополиту за то, что онъ отнялъ у православныхъ церкви [69]). Тѣмъ не менѣе случай этотъ въ связи съ обстоятельствами, которыя вызвали его, сильно подѣйствовалъ на православныхъ. Теперь они ясно увидѣли, что нѣтъ возможности возстановить въ Вильнѣ прежнее положеніе, когда православіе господствовало, а унія существовала, какъ призракъ. Уніаты укрѣпились здѣсь прочно, необходимо было съ грустью признать этотъ фактъ и думать уже не объ уничтоженіи уніи, а о спасеніи православія. Виленское православное братство не растерялось и въ этомъ несчастномъ положеніи. Потерявши всякую надежду на возвращеніе Св.-Троицкаго монастыря, оно поселилось окончательно при недавно отстроенной Св.-Духовской церкви [70]). Здѣсь-то и сгруппировались опять православные. Но уніаты не оставили ихъ въ покоѣ и на новомъ ихъ мѣстѣ. 17 Августа (1609 г.) Ипатіемъ Потѣемъ и Іосифомъ Рутскимъ подана была жалоба королю, что доходы братскіе, назначенные древними королевскими грамотами въ

[68]) Арх. Сб. т. X, стр. 334.
[69]) Памятн. р. ст. Батюшкова. Вып. V, стр. 73.
[70]) Собр. гр. Вильны, ч. II, № 23 и 24.

пользу Троицкаго монастыря, отняты у него и обращаются въ пользу новой, незаконно построенной церкви Св. Духа. Поэтому опять начались безконечные позвы въ судъ и королевскія предписанія магистрату заставить всѣ цеховыя братства обращать свои доходы въ пользу Троицкаго монастыря, а не Духовскаго. Процессъ этотъ былъ веденъ далеко не съ такою энергіей, съ какою велось дѣло объ отнятіи у православныхъ виленскихъ церквей. Не устройство новаго братства теперь занимало умы главныхъ дѣятелей уніи,—главнѣйшею ихъ заботою теперь было упрочить будущее благоустройство уніи. Не для братства Потѣй и Рутскій вели столь продолжительную и упорную борьбу съ православными за обладаніе Троицкимъ монастыремъ: Троицкій монастырь, какъ мы уже видѣли выше, нуженъ былъ Потѣю и Рутскому для совершенно иныхъ цѣлей. Предшествующій горькій опытъ убѣдилъ Потѣя, что оставлять унію, такъ сказать, на распутіи между православіемъ и католичествомъ было неудобно; чтобы сдѣлать ея существованіе несомнѣннымъ и прочнымъ, нужно было удалить ее какъ можно болѣе отъ православной церкви и какъ можно болѣе сблизить съ католическою. Не смотря на торжественныя его завѣренія, что, кромѣ признанія главенства папы римскаго, унія ничего новаго не вводитъ, въ сочиненіяхъ своихъ, издаваемыхъ въ свѣтъ, онъ проводилъ совершенно иныя мысли. Такъ, въ 1608 г. онъ напечаталъ въ Вильнѣ книжку подъ заглавіемъ „Гармонія", въ которой хвалилъ все то, что держитъ римская церковь, и порицалъ все то, что держитъ православная восточная церковь; въ томъ же году издалъ онъ „12 артыкуловъ" [71]), которые уніатская цер-

[71]) Вотъ эти артикулы: 1-й,—о похоженю Духа Святаго отъ Отца и *Сына*; 2-й,—Соборъ Флорентійскій и Тридентскій папежскій держати; 3-й,—въ прѣсномъ хлѣбѣ подъ од-

ковъ должна была принять въ руководство и въ основу своего вѣроученія и церковной практики. Въ этихъ „артыкулахъ“ вполнѣ опредѣлился взглядъ Потѣя, чѣмъ должна быть унія и для чего она измышлена имъ и его друзьями іезуитами. Чтобы распространять унію въ этомъ направленіи, въ этомъ духѣ, нужны были дѣятели благонадежные, подготовленные. Возникалъ самъ собою вопросъ: кому поручить выполненіе столь трудной задачи—бѣлому, или монашествующему духовенству? Потѣй рѣшилъ его въ пользу послѣдняго, потому что бѣлое духовенство, по своему разрозненному положенію, никогда не составляло, да и не могло составить сильной, могущественной, плотной корпораціи, способной къ выполненію трудной задачи.

Незавидно было состояніе западно-русскаго иночества въ описываемое нами время. Большая часть монастырей находились въ рукахъ людей своекорыстныхъ и недостойныхъ,

---

ною особою, яко въ квасномъ хлѣбѣ подъ двума особами заровно сакраментъ (таинство) пріймовать и вызнавать; 4-й,—чистецъ огневый—(чистилище) по смерти душамъ грѣшнымъ вызнавать; 5),—папежа бискупа римскаго всего свѣта старшимъ княжатемъ и намѣстникомъ Христовымъ и головою церкви вызнавати; 6-й,—Письмо Светое водлугъ выкладовъ папежскихъ держати и проповѣдати; 7-й,—церковныхъ святостей семъ въ костелѣ римскомъ, а не въ церкви соборной вызнавати; 8-й,—свята урочистыя (праздники нарочитые) водлѣ постановеня римскаго светити и держати; 9-й,—вси поданя (преданія) костела римскаго и каждую речь зособна, што папежъ розказуетъ, пріймовать; 10-й,—литургію нашу церковную и мшу папежскую заровно пріймовать; 11-й,—отпусты зъ милостивымъ лѣтомъ (юбилейный годъ) отъ папежа на збавене свое пріймовать; 12-й,—римскій костелъ всихъ церквей маткою и научителькою вызнавать, безъ котораго нихто збавенъ (спасенъ) быти не можетъ.—Арх. Сб. т. VI, стр. 126, № 62.

которые, выпросивши себѣ у короля привилей на управленіе монастыремъ, болѣе всего заботились о своихъ матеріальныхъ выгодахъ, объ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, а не „объ умноженіи славы Божіей“, какъ говорилось въ данномъ имъ королемъ привилеѣ. Монастыри приходили въ упадокъ. Лучшіе изъ иноковъ искали пріюта въ бѣднѣйшихъ, пустынныхъ монастыряхъ, большинство же или бродили по міру безъ всякой цѣли и нужды, или же оставались на старыхъ мѣстахъ, подражая своимъ *старшимъ*, т. е. игуменамъ и архимандритамъ, вели безпорядочную жизнь, „на соблазнъ міру, а намъ на униженіе“, замѣчаетъ одинъ уніатскій писатель. Большая часть монастырей, или, лучше сказать, ихъ настоятелей, перешли въ унію изъ-за матеріальныхъ выгодъ, по принужденію, изъ страха лишиться „насущнаго хлѣба“. Дурное состояніе западно-русскаго иночества не смутило Потѣя; онъ рѣшился образовать изъ него живую, дѣятельную силу и двинуть ее на борьбу съ православными. Слишкомъ занятый внѣшними дѣлами уніи, Потѣй не могъ взять на себя этой трудной задачи. Ему нуженъ былъ помощникъ, и притомъ столь же дѣятельный и неутомимый, каковъ былъ онъ самъ. Такой помощникъ давно уже былъ подготовленъ друзьями Потѣя—іезуитами. Это былъ уже знакомый намъ воспитанникъ іезуитовъ Іосифъ Рутскій, для котораго съ такою энергіей и съ такою вопіющею несправедливостью былъ отнятъ у православныхъ Св.-Троицкій монастырь. Рутскій принялся за преобразованіе уніатскаго монашества съ свойственною ему энергіей и настойчивостію почти съ первыхъ же дней своего поступленія въ Св.-Троицкій монастырь. Не смотря на то, что онъ былъ простымъ монахомъ, ему порученъ былъ, какъ мы видѣли выше, надзоръ за молодыми людьми, готовящимися къ монашеству, ихъ руководство и обученіе; безъ вѣдома и

согласія настоятеля монастыря архимандрита Сенчилы, онъ вводитъ въ монастырь уставъ св. Василія Великаго и заставляетъ молодыхъ новопоступающихъ иноковъ давать присягу исполнять этотъ уставъ. Дѣятельность Рутскаго, какъ преобразователя уніатскаго монашества, съ 1609 г. состояла главнымъ образомъ въ устройствѣ Троицкаго монастыря, въ постройкѣ новаго болѣе обширнаго каменнаго зданія монастыря и въ обдумываніи плана организаціи будущаго уніатскаго монашескаго ордена, извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ базиліанскаго ордена. Планъ организаціи базиліанскаго ордена окончательно созрѣлъ и приведенъ въ исполненіе въ 1616 г. Сущность этого плана слѣдующая. Все уніатское монашество освобождается изъ-подъ власти епархіальныхъ архіереевъ и составляетъ одну корпорацію, одно общество, подчиненное власти протоархимандрита, свободно избраннаго на конгрегаціи, или общемъ съѣздѣ депутатовъ отъ монастырей, и изъ среды самого же общества. Общество избираетъ своимъ покровителемъ (патрономъ) св. Василія Великаго, почему и называется братствомъ или орденомъ св. Василія В. (orden S. Basilii Magni, zakon S. Bazylego W., Bazylianie). Всѣ монастыри, входящіе въ составъ ордена, во внутренней своей жизни слѣдуютъ общежительному уставу своего патрона (Св. Василія В.). Сообразно съ правилами этого устава составляются новыя правила и постановленія, сообразныя съ духомъ времени и потребностями ордена. Главная цѣль, къ которой должна быть направлена дѣятельность ордена,—распространеніе уніи и, конечно, по тому пути, какой предназначили ей главные ея творцы. Для достиженія этой цѣли орденъ долженъ заботиться объ умноженіи числа своихъ членовъ и о распространеніи своего вліянія на свѣтское общество посредствомъ замѣщенія своими членами всѣхъ высшихъ церковно-іерархическихъ мѣстъ и

должностей, а главное,—посредствомъ общественнаго воспитанія, которое отнынѣ должно сосредоточиться въ рукахъ ордена. Для большаго успѣха въ своихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ орденъ долженъ избрать себѣ въ помощники и руководители іезуитовъ и всегда дѣйствовать въ союзѣ съ ними. Вотъ планъ, по которому устроивался и дѣйствовалъ орденъ базиліанскій въ теченіи слишкомъ двухъ вѣковъ. Въ 1617 г. Рутскій, уже въ санѣ митрополита, имѣлъ возможность собрать первую базиліанскую конгрегацію, или капитулу, въ своей резиденціи митрополичьей—Новогородкѣ (Новогрудокъ—Минск. губ.). Собралъ онъ, по его собственнымъ словамъ, тѣхъ, кого только могъ собрать, т. е. настоятелей всѣхъ монастырей, перешедшихъ въ унію и нѣкоторыхъ болѣе надежныхъ иноковъ, подвизавшихся вмѣстѣ съ нимъ въ Св.-Троицкомъ монастырѣ. На этой конгрегаціи, засѣданія которой происходили подъ предсѣдательствомъ самого Рутскаго, предложенъ былъ и раскрытъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ планъ реформы уніатскаго монашества. Хотя на съѣздъ явились люди, конечно, преданные Рутскому, тѣмъ не менѣе задуманная имъ реформа возбудила во многихъ изъ нихъ, по словамъ Рутскаго, разныя „недоумѣнія и сомнѣнія“. И не удивительно. На съѣздѣ были многіе изъ тѣхъ, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ (1609 г. іюля 25) торжественно заявляли свое раскаяніе въ заблужденіи, въ которое они были „втянуты“ злонамѣренными людьми, успѣвшими увѣрить ихъ, будто митрополитъ Ипатій Потѣй и его помощникъ (Рутскій) имѣлъ „за тою единостью съ костеломъ римскимъ всю вѣру православную, отъ отцевъ святыхъ греческое церкви намъ преданую, зъ грунту выворочати и церемоніи старожитные церкви восточное отмѣняти и въ нивошто оборочати и ихъ (монаховъ) до незвыклыхъ (небывалыхъ, не практиковавшагося доселѣ)

речей примушати"; что все это наглая клевета, измышленная изъ ненависти къ митрополиту и къ святой уніи, о чемъ они сочли долгомъ торжественно заявить всему православному міру [72]). Вспомнили они также неоднократныя завѣренія Потѣя и Рутскаго, что разсѣваемые Сенчилой и нѣкоторыми другими членами православнаго братства слухи о сношеніяхъ ихъ съ іезуитами, которымъ Рутскій хотѣлъ будто бы отдать Троицкій монастырь и вмѣсто устава св. Василія В. ввести правила іезуитскаго ордена, есть наглая клевета. И что же пришлось имъ услышать теперь и притомъ изъ устъ того же самаго Рутскаго, который вмѣстѣ съ ними подписывалъ вышеупомянутое заявленіе? На первомъ же засѣданіи Рутскій заявилъ собравшимся, что имъ, для успѣшнаго веденія дѣлъ, необходимо избрать въ руководители оо. іезуитовъ, что онъ уже сносился по этому предмету съ провинціаломъ іезуитскимъ и вслѣдствіе усильной его просьбы провинціалъ прислалъ двухъ ученыхъ богослововъ, преданныхъ русскому обряду, которые будутъ присутствовать на каждомъ засѣданіи и руководить совѣщаніями. Услышали они также изъ устъ того же Рутскаго, что для умноженія ордена людьми способными необходимо устроить новиціаты по образцу іезуитскихъ новиціатовъ и что такой новиціатъ уже устроенъ имъ въ Виленскомъ Св.-Троицкомъ монастырѣ и что въ наставники и руководители питомцевъ новиціата приглашены имъ два іезуита. Недоумѣвали многіе изъ старыхъ монаховъ и по поводу другихъ „новшествъ", предложенныхъ Рутскимъ на этой конгрегаціи,—новшествъ, никогда не практиковавшихся въ восточной церкви [73]). Недоумѣвающихъ Рутскій успокоилъ заявленіемъ, что все это дѣлается для „умноженія славы Божіей", т. е. для распро-

[72]) Арх. Сборн. т. VI, № 74.
[73]) Sessya 1, п. 7. Н.

страненія уніи (стереотипная фраза въ устахъ уніатскихъ дѣятелей) и для „истребленія схизмы“.

Сношенія Рутскаго съ монашескими орденами римской церкви по предмету задуманной реформы уніатскаго монашества начались почти съ самаго начала уніи. По свидѣтельству секретнаго прошенія, поданнаго базиліанами папѣ въ 1624 г., Рутскій, уже при выходѣ изъ греко-римской коллегіи, предпринялъ намѣреніе помочь, по своей возможности, обряду греко-католическому и касательно этого далъ обѣтъ въ Римѣ. „Съ этою цѣлію, пишутъ базиліане папѣ, онъ обошелъ всѣ главнѣйшія мѣста Россіи и былъ даже въ самой Московіи и столицѣ ея Москвѣ. Онъ нашелъ, что не иначе можетъ помочь, какъ только сдѣлавшись монахомъ обряда греческаго. Прежде чѣмъ приступить къ этому, онъ отправился въ Римъ и, послѣ многихъ бесѣдъ со многими духовными людьми, съ вѣдома и согласія верховнаго первосвященника Павла V, вошелъ въ соглашеніе съ мужемъ особенной святости и учености отцемъ Петромъ кармелитомъ босымъ и съ генераломъ его ордена, чтобы этотъ отецъ послалъ съ нимъ въ Россію четырехъ монаховъ своего ордена, которые бы приняли обрядъ греческій и монашескую одежду св. Василія и были бы учителями нашими въ духовной жизни и реформаторами ордена Св. Василія, тогда очень неупорядоченнаго. Заключивъ такое условіе, онъ отправился въ Литву, и въ Вильнѣ, въ монастырѣ Пресв. Троицы, принялъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, монашескую одежду Св. Василія Великаго. Здѣсь онъ жилъ съ другими новиціями, предаваясь благочестивому ознакомленію съ хорошо устроенными орденами латинскаго обряда, съ которыми онъ познакомился, когда еще былъ свѣтскимъ, и съ которыми имѣлъ тогда въ Вильнѣ сношеніе. Но поелику тогда въ орденѣ отцевъ босоногихъ не было поляковъ, кромѣ

развѣ одного, то посему разсѣялась эта миссія. А между тѣмъ умеръ помянутый отецъ Петръ, насъ же окружили многочисленныя бѣдствія, какъ внѣшнія—отъ схизматиковъ, такъ и внутреннія—отъ нашихъ старыхъ монаховъ, которые какъ только узнали о нашемъ предположеніи, возбудили противъ насъ сильное подозрѣніе, будто этимъ способомъ мы хотимъ уничтожить обрядъ греческій... Между тѣмъ въ нашъ монастырь (Троицкій) поступало много юношей, преимущественно изъ учениковъ іезуитскихъ школъ, которымъ мы приказывали заниматься науками въ тѣхъ же школахъ, освобождая ихъ отъ монашескихъ обязанностей. Такимъ образомъ въ одно тѣло мы соединили около ста человѣкъ,—и стали умножаться наши монастыри [74]).

Базиліане очевидно стѣснялись изложить папѣ настоящую причину несостоявшейся „просвѣтительной" миссіи кармелитовъ босоногихъ. Невѣроятно, будто эта миссія разсѣялась потому, что „тогда въ орденѣ отцевъ кармелитовъ не было поляковъ, кромѣ развѣ одного"... Ученыхъ и достойныхъ кармелитовъ, знающихъ польскій языкъ, можно было найти и въ Польшѣ. Рутскій самъ сознается предъ собравшимися въ 1617 г. въ Новогрудкѣ базиліанами, что онъ обращался въ Краковъ къ кармелитамъ босоногимъ, но не могъ воспользоваться ихъ услугами, потому что „Провидѣніе предназначило базиліанамъ нѣчто иное", т. е. что кармелитскій орденъ, по духу своему и направленію, не соотвѣтствовалъ тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ учреждался уніатскій базиліанскій орденъ. Ближе всѣхъ подходилъ къ этой цѣли іезуитскій орденъ. Вотъ почему Рутскій обратился къ услугамъ этого ордена. Іезуиты такъ умѣли обворожить базиліанъ, что послѣдніе заключили съ ними въ 1621 г. союзъ. Въ силу этого союза базиліане получили дозволеніе

[74]) Труды Кіевской д. академіи 1870 г. Май, стр. 451.

посылать своихъ молодыхъ монаховъ въ іезуитскія коллегіи въ Брунсбергѣ, Пултускѣ, Калишѣ и въ Вильнѣ. Іезуиты были въ восторгѣ. Въ союзѣ своемъ съ базиліанами они видѣли одно изъ лучшихъ средствъ къ полному сближенію уніи съ латинствомъ, а затѣмъ—окончательный переходъ въ латинство. Вотъ почему они такъ охотно посылали своихъ учителей въ базиліанскіе новиціаты, и съ такою же охотою принимали на первыхъ порахъ въ высшія свои школы базиліанскихъ воспитанниковъ. Плоды іезуитскаго воспитанія извѣстны. Стоило иновѣрцу пробыть только два—три года въ іезуитской школѣ, чтобы потерять любовь и уваженіе къ своей родинѣ, отречься отъ своихъ прежнихъ вѣрованій и убѣжденій и сдѣлаться, по крайней мѣрѣ въ душѣ, по убѣжденію, истымъ католикомъ—фанатикомъ. Тоже самое случилось и съ базиліанами. На первыхъ же порахъ базиліане старались доказать своимъ „союзникамъ" (іезуитамъ), что они соединились съ ними „не на словахъ только, а и на дѣлѣ", и потому во всемъ старались подражать имъ и угождать. Такъ, на первыхъ же порахъ существованія уніи, когда возникло сомнѣніе въ томъ, могутъ-ли участвовать русскіе уніаты вообще и въ частности базиліане въ даруемыхъ папою католикамъ индульгенціяхъ, базиліане тотчасъ же испрашивали эти индульгенціи для себя. Въ этихъ видахъ въ 1615 г. испрошены были базиліанами для своихъ воспитанниковъ индульгенціи, предоставленныя воспитанникамъ іезуитовъ [75]); испрошены были также полная индульгенція базиліанамъ въ день Св. Василія Великаго и на случай смерти каждаго изъ базиліанъ [76]), полная индульгенція базиліанскимъ монахамъ, занимающимся

[75]) Bullae et brevia Summorum Pontificorum, Почаевъ 1767 г. ч. 2, стр. 30—31.

[76]) Булла 16 декаб. 1615 г.

въ теченіи 8 дней духовными упражненіями, по примѣру таковой же индульгенціи, дарованной папою іезуитамъ [77]). Въ угоду тѣмъ же своимъ „союзникамъ“ базиліане стали вводить въ богослуженіе церемоніи и обряды примѣнительно къ церемоніямъ римскаго мшала [78]), и вообще привнесли по своему произволу въ богослуженіе многое, неприличное греческому обряду, такъ что ихъ „церемоніи сдѣлались ни греческія, ни латинскія“. Дошло дѣло наконецъ до того, что базиліане стали часто переходить въ обрядъ латинскій. Словомъ, іезуиты такъ быстро и такъ усердно повели базиліанъ къ латинству, что тѣ сами ужаснулись при видѣ тѣхъ вредныхъ послѣдствій для уніи, какія произошли отъ ихъ сближенія съ латинянами вообще и, въ частности, съ іезуитами. Православные теперь наглядно убѣдились, что всѣ недавнія завѣренія виновниковъ уніи, будто они ничего *новаго* не вводятъ, суть не что иное, какъ наглый обманъ для привлеченія въ унію людей простодушныхъ,—и еще болѣе отшатнулись отъ уніи. Напрасно Левъ Креуза, второй послѣ Рутскаго архимандритъ Виленскаго Троицкаго монастыря, старался оправдать предъ православными своихъ троицкихъ базиліанъ за ихъ сношенія съ іезуитами, увѣряя, что вся связь ихъ съ іезуитами состоитъ въ томъ, что они (базиліане), не имѣя своихъ школъ, посылаютъ молодыхъ монаховъ въ іезуитскія коллегіи. „Самъ здравый разсудокъ говоритъ человѣку, писалъ Креуза въ своей „Оборонѣ уніи“, что если онъ не имѣетъ чего нибудь у себя дома, ищетъ того у сосѣда. Наша братія нуждается въ наукѣ, дома у

---

[77]) Бреве 7 іюля 1627 г.

[78]) Виленская конгрегація 1650 г. Ser. 6. Рукопись изъ библіотеки М. О. Кояловича. Всѣ приводимыя ниже ссылки на акты базиліанскихъ конгрегацій заимствованы изъ той же рукописи.

себя мы ея еще не имѣемъ,—что жъ удивительнаго въ томъ, что мы обращаемся за нею къ тѣмъ, которые имѣютъ ее; при томъ же мы обращаемся за наукою не къ врагамъ, а къ братьямъ своимъ, сосѣдямъ нашимъ и обывателямъ того же города. Не такъ, какъ другіе, которые выписываютъ учителей для своихъ школъ изъ Гданска, Крулевца,... и имъ поручаютъ своихъ дѣтей"! (упрекъ православнымъ за ихъ сношенія съ протестантами) [79]). Православные не вѣрили этимъ оправданіямъ.

Пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ къ себѣ базиліанъ, іезуиты стали со свойственною имъ энергіей и послѣдовательностію примѣнять къ дѣлу свой взглядъ на унію: унія, для распространенія которой они заключили союзъ съ базиліанами, не можетъ и не должна существовать, какъ отдѣльное самостоятельное вѣроисповѣданіе, а непремѣнно должна рано или поздно слиться съ латинствомъ. И потому союзъ ихъ и тѣсная дружба съ базиліанами не могли долго продолжаться. Не въ характерѣ іезуитовъ было терпѣть подлѣ себя людей, расходившихся съ ними даже въ обычаяхъ церковныхъ и обрядахъ, не говоря уже о религіозныхъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ. Такой поворотъ въ политикѣ іезуитовъ, въ отношеніяхъ ихъ къ базиліанамъ начался уже во второй половинѣ XVI ст. Съ этого времени іезуиты открыто стали совращать въ латинство не только мірянъ—уніатовъ, но и самихъ базиліанъ, обучавшихся въ іезуитскихъ школахъ и папскихъ алюмнатахъ, находившихся въ вѣдѣніи іезуитовъ. Въ актахъ базиліанскихъ конгрегацій находимъ весьма частыя заявленія о притѣсненіяхъ и обидахъ, какія терпѣли базиліане отъ прежнихъ своихъ союзниковъ. Такъ въ 1666 г., на Брестской конгрегаціи,

[79]) Jnformatio J. Rutski de Ruthenis unitis. Гарасевичъ, nnalesA ecclesiae Ruthenicae, стр. 291.

базиліане жаловались папскому нунцію, председательствовавшему на этомъ съѣздѣ, что отцы іезуиты въ папскихъ алюмнатахъ съ презрѣніемъ относятся къ базиліанскимъ воспитанникамъ, даже имѣющимъ священный санъ, и всѣми мѣрами стараются унизить ихъ, приказываютъ имъ исполнять унизительныя для ихъ сана услуги воспитанникамъ изъ шляхетскихъ и сенаторскихъ фамилій... насмѣхаются надъ обрядами греческаго богослуженія. „И вообще, сказали базиліане въ заключеніе своей жалобы, отцы іезуиты такъ обращаются съ русскими воспитанниками греческаго обряда съ тою цѣлію, чтобы они скорѣе перешли въ латинскій обрядъ, не смотря на явное запрещеніе папы Урбана VIII. Для насъ, уніатовъ,—это униженіе, а схизматикамъ подаетъ поводъ все болѣе и болѣе утверждаться въ той мысли, что мы, униты, нарочно соединились съ римскою церковью съ тою именно цѣлію, чтобы совершенно уничтожить Русь... Пусть бы лучше совращали отцы іезуиты въ латинскій обрядъ схизматиковъ и еретиковъ, а не насъ—унитовъ *католиковъ*; ибо симъ даютъ намъ понять, что они не считаютъ насъ *истинными* католиками“ [80]). Отцамъ іезуитамъ ничего не оставалось теперь, какъ молча потирать руки отъ радости, что такъ скоро и такъ легко они достигли главной своей цѣли—сдѣлать *истыми* католиками (по духу, по убѣжденію) тѣхъ, которые держали въ своихъ рукахъ судьбы уніи и интересы ея считали неразрывными съ своими интересами [81]). Базиліане сами признали себя „истин-

---

[80]) Конгрегація Жировицкая, 1661 г. Зас. 9; Конгрегація Брестская, 1666 г., Зас. 6.

[81]) Proponował imść (Яковъ Сума, епископъ хелмскій) te rzeczy, które są do dobra całey Jednosci promocyi byli naypożytecznieysze, potym które do dobra samego zakonu (ордена базиліанскаго) należały, ponieważ bowiem Zakon i Jednosc są

ными католиками". И дѣйствительно, въ концѣ XVII в. базиліане ничѣмъ почти не отличались отъ католическихъ монаховъ даже по внѣшности. Они забыли настоящее свое происхожденіе, забыли свой родной языкъ, лучше знали „латынь и польщизну", чѣмъ русскій языкъ, такъ что трудно было найти хорошихъ переписчиковъ славянскихъ рукописей, и одинъ изъ лучшихъ базиліановъ этого времени долженъ былъ пропѣть „вѣчную память Руси" [82]). И неудивительно; по свидѣтельству Іосифа Сѣмашки, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII ст. базиліанскій орденъ состоялъ на двѣ трети изъ лицъ латинскаго исповѣданія. Такъ какъ базиліане ничѣмъ не отличались отъ латинскихъ монаховъ, то въ ихъ орденъ охотно поступали римскіе католики разныхъ званій и состояній. Теперь базиліане не только не смущались тѣмъ, что въ ихъ средѣ были люди, отличавшіеся отъ нихъ своимъ костюмомъ, не свойственнымъ монахамъ чина Св. Василія Великаго, не ростившіе также волосъ на головѣ и на бородѣ,—они сами теперь облеклись въ латинскій „габитъ" и перестали ростить волосы на головѣ и бородѣ. Водворилось теперь полное общеніе между базиліанами и разными католическими монашескими орденами. Ни одно торжество, ни одинъ „фестъ" у того или

złączone, iednego dobro z drugiego dobra pochodzi i złe iednego iest drugiego złe... Конгрегація Брестская 1666 г. Зас. 2.

[82]) Самуилъ Пилиховскій († 1693 г.). Составитель базиліанскаго «Помянника» сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія объ этой довольно замѣчательной личности: «Богословъ, знатокъ греческаго и славянскаго языковъ. Человѣкъ весьма трудолюбивый: много переписалъ книгъ, былъ корректоромъ въ типографіи въ Вильнѣ (при Св.-Троицкомъ монастырѣ), издалъ Служебникъ, приготовилъ къ печати требникъ. Постоянная его поговорка была: „вѣчная память Руси"!—„Поминникъ",—рукопись изъ библіотеки М. О. Кояловича.

другаго ордена католическаго не обходился безъ участія базиліановъ, и наоборотъ, ни одно торжество у базиліановъ не обходилось безъ участія монаховъ того или другаго католическаго ордена. Въ „Дневникѣ“ Виленскаго Св.-Троицкаго монастыря находимъ нѣсколько описаній подобныхъ торжествъ. Виленскіе базиліане съ особенною торжественностію праздновали память Іосафата Кунцевича, ознаменовавшаго себя разными аскетическими подвигами и необыкновенною ревностію къ уніи еще въ Виленскомъ св.-Троицкомъ монастырѣ. Въ честь этого *единственнаго* уніатскаго *святаго* былъ устроенъ въ Св.-Троицкой церкви особый алтарь. Первое самое пышное и весьма оригинальное торжество въ честь Іосафата (Кунцевича) было устроено троицкими базиліанами и іезуитами чрезъ 24 года послѣ его кончины (1642 г.). Торжество началось военнымъ парадомъ за городомъ, при пушечныхъ выстрѣлахъ. Послѣ парада, войска, въ сопровожденіи толпы народа, торжественнымъ маршемъ направились къ костелу Св. Станислава. Тамъ встрѣтило ихъ латинское духовенство съ епископомъ. Вдоль улицы отъ костела до Троицкаго монастыря, куда должна была направиться процессія, по обѣимъ сторонамъ стояли ряды участвовавшихъ въ комедіантскомъ представленіи при этомъ торжествѣ. Комедіанты были раздѣлены на три отдѣленія: первое представляло войско Іосафата, царя Іудейскаго; вооруженіе воиновъ, щиты, знамена были украшены эмблемами побѣды. Другое отдѣленіе изображало *индійскаго*(?)Іосафата и имѣло соотвѣтственное одѣяніе и оружіе. Въ третьемъ отдѣленіи находились воспитанники іезуитской академіи и городской магистратъ въ парадныхъ одеждахъ. Они сопровождали колесницу, на которой поставлено было изображеніе торжествующаго „мученика“ посреди хора юношей, одѣтыхъ на подобіе музъ и пѣвшихъ хвалебные

гимны при звукахъ трубъ и тимпановъ. На половинѣ дороги къ Троицкому монастырю были устроены тріумфальныя ворота, въ которыхъ встрѣтили процессію базиліане и вмѣстѣ съ прочими вошли въ Св.-Троицкую церковь. Ректоръ Академіи, при звукахъ вокальной и инструментальной музыки, совершилъ литургію предъ алтаремъ въ честь Іосафата. Въ концѣ обѣдни два ксендза произнесли похвальныя рѣчи въ честь мученика Іосафата [83]). Торжество въ честь Іосафата совершалось въ Троицкомъ монастырѣ ежегодно. Въ послѣдующіе годы это торжество отличалось болѣе скромнымъ и болѣе религіознымъ характеромъ. Въ позднѣйшемъ описаніи этого торжества уже не находимъ ни войскъ Іосафата, царя Іудейскаго, ни колесницы съ изображеніемъ торжествующаго мученика. Вотъ какъ совершалось это торжество въ 1777 г. Торжество началось съ вечера 25 сентября. Въ этотъ день всѣ Троицкіе базиліане собрались въ церковь къ вечернѣ, по окончаніи которой была произнесена проповѣдь; послѣ проповѣди совершился крестный ходъ къ алтарю Іосафата съ пѣніемъ пѣсни, составленной въ честь Іосафата. Церемонія въ этотъ день завершилась акаѳистомъ Іосафату, при участіи музыкальнаго оркестра, помѣщавшагося на хорахъ. Въ слѣдующій день, т. е. 26 сентября, съ раннято утра все виленское римско-католическое духовенство, какъ бѣлое, такъ и монашествующее, собралось въ замкѣ. Въ 9 часовъ утра процессія направилась изъ замка по Замковой (Большой) улицѣ къ Троицкому монастырю въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шли попарно монахи бернардинскаго ордена, за ними августіане, послѣ нихъ—кармелиты босоногіе, далѣе—францишкане и доминиканцы, за ними клирики, за клириками—викарные ксендзы и капонецъ—каноники; процессію велъ латинскій епи-

[83]) Кукольникъ, Истор. Замѣтки о Литвѣ, стр. 148.

скопъ Зенкевичъ, несшій на головѣ своей частицу останковъ Іосафата. Огромныя толпы народа шли впереди и сзади процессіи. Базиліане, одни въ полномъ церковномъ облаченіи, другіе только въ мантіяхъ, встрѣтили процессію у монастырскихъ воротъ. Настоятель монастыря привѣтствовалъ епископа рѣчью на латинскомъ языкѣ, на которую тотъ отвѣчалъ такою же рѣчью. Послѣ взаимныхъ привѣтствій процессія вошла въ церковь. Посреди церкви было устроено значительное возвышеніе съ нѣсколькими ступенями, гдѣ были поставлены мощи Іосафата. Вокругъ этого возвышенія стояли стулья, на которыхъ усѣлись каноники и епископъ. Тотчасъ же началась *читанная* уніатская обѣдня; послѣ этой обѣдни началась латинская *миша* (мисса), которую совершалъ каноникъ Чавскій, проповѣдь говорилъ каноникъ Вавржецкій. Послѣ богослуженія почетнѣйшее латинское духовенство и именитые граждане Вильны были приглашены настоятелемъ на закуску. Въ 4 часа опять собрались въ церковь къ вечернѣ, по окончаніи которой говорилъ проповѣдь ксендзъ Мейшнеръ. Послѣ проповѣди совершенъ былъ крестный ходъ къ алтарю Іосафата, у котораго служащій ксендзъ читалъ „литанію", и всѣ за нимъ повторяли. Послѣ литаніи крестный ходъ направился къ главному алтарю, гдѣ былъ пропѣтъ тропарь „Спаси люди твоя, Господи". Затѣмъ закрыстіянъ (ризничій) давалъ всѣмъ присутствующимъ цѣловать мощи Іосафата. Въ этотъ день, т. е. 26 сентября, праздновали память Іосафата Кунцевича собственно латиняне, замѣчаетъ авторъ Дневника; по уніатскому же календарю положено было праздновать день кончины Іосафата 27 сентября. Базиліане праздновали этотъ день одни, безъ участія латинянъ, и безъ всякаго торжества [84]).

---

[84]) Археогр. Сборникъ т. X, стр. 324.

Съ подобною же торжественностію совершался у Троицкихъ базиліанъ и латинскій праздникъ Непорочнаго Зачатія Пресвятыя Дѣвы Маріи. Торжество начиналось 19 декабря. Въ 3 часа по полудни, послѣ 12 выстрѣловъ изъ пушекъ, „играли" мшу (обѣдню); затѣмъ, послѣ 6 выстрѣловъ изъ пушекъ, начиналась вечерня; во время пѣнія „Свѣте тихій" сдѣлано 6 выстрѣловъ изъ пушекъ, послѣ проповѣди—столько же выстрѣловъ. Богослуженіе завершилось въ этотъ день процессіей и акаѳистомъ (литаніей) предъ образомъ Божіей Матери, тоже при выстрѣлахъ изъ пушекъ. Въ слѣдующій день, 20 декабря, предъ началомъ утрени сдѣлано 6 выстрѣловъ изъ пушекъ; на утрени, во время „Величанія", чтенія евангелія и акаѳиста, раздавались частые выстрѣлы изъ пушекъ. Послѣ утрени началась у алтаря Божіей Матери нарочитая обѣдня (wotywa), во время которой безпрестанно раздавались выстрѣлы изъ пушекъ. Въ 10 часовъ совершали латинскую мшу бернардины; во время мши, до проповѣди, сдѣлано было 20 выстрѣловъ изъ пушекъ, а во время проповѣди и чтенія евангелія раздавались безпрестанные выстрѣлы изъ пушекъ. По окончаніи богослуженія старшій изъ бернардиновъ пригласилъ къ себѣ на угощеніе троицкихъ базиліановъ, бурмистровъ и другихъ почетныхъ гражданъ. Торжество въ этотъ день завершилось вечерней службой въ Бернардинскомъ костелѣ, который по этому случаю былъ великолѣпно освѣщенъ. Послѣ богослуженія, старшій троицкихъ базиліановъ пригласилъ къ себѣ на угощеніе бернардиновъ и другихъ почетныхъ гостей и угощалъ ихъ до поздней ночи [85]).

Подобнымъ же образомъ, хотя и не съ такою торжественностію, праздновали Троицкіе базиліане день Св. Василія Великаго. Торжество начиналось съ вечера, 31 де-

[85]) Арх. Сбор. т. X, стр. 326.

кабря. Въ этотъ день, послѣ вечерни, которую служилъ „старшій“ монастыря, и проповѣди, совершалась процессія къ сосѣднему костелу Всѣхъ Святыхъ кармелитовъ босоногихъ, гдѣ снова совершалась вечерня (литанія). На другой день, т. е. 1-го января, послѣ утрени всѣ троицкіе базиліане совершали такъ называемое „возобновленіе четырехъ обѣтовъ [86]); послѣ этой церемоніи „старшій“ совершалъ обѣдню у алтаря Св. Василія Великаго. Въ 9 часовъ совершалъ „мшу“ приглашенный на торжество опатъ Старотрокскаго бенедиктинскаго монастыря въ сослуженіи съ троицкими базиліанами, а послѣ мши говорилъ проповѣдь бенедиктинецъ того же Старотрокскаго монастыря. Послѣ богослуженія старшій пригласилъ къ себѣ на угощеніе „опата съ казнодѣемъ“ и всѣхъ земскихъ судей, присутствовавшихъ при богослуженіи. Во время угощенія играла музыка. Въ 4 часа вечерню совершалъ бенедиктинецъ „казнодѣй“, а проповѣдь говорилъ каноникъ регулярный августіанскаго монастыря. Торжество завершилось процессіею къ кармелитскому монастырю Всѣхъ Святыхъ [87]). Въ „Дневникѣ“ па-

[86]) Хотя монашескіе обѣты давались базиліанами при поступленіи въ орденъ на *всю жизнь*, но для большаго преуспѣянія въ благочестіи и преданности интересамъ ордена, базиліане постановили, чтобы обѣты монашескіе повторялись ежегодно всѣми членами ордена. Обрядъ повторенія обѣтовъ совершался слѣдующимъ образомъ: въ день Св. Василія Великаго настоятель монастыря, собравши всю братію въ церковь, говорилъ краткое поученіе. Послѣ поученія онъ становился на колѣни предъ св. дарами, которые стояли на престолѣ, и читалъ про себя форму повторенія обѣтовъ. Затѣмъ онъ становился у образа Св. Василія Великаго, стоявшаго по лѣвой сторонѣ престола и читалъ туже форму всей братіи. См. мою статью: Исторія базиліан. ордена, Христ. Чт. за 1864 г. т. 1, стр. 36.

[87]) Такъ совершалось торжество у Троицкихъ базиліанъ въ 1767 г.

ходимъ много подобныхъ описаній торжествъ въ дни разныхъ римско-католическихъ праздниковъ, какъ напримѣръ, 7 Марта, въ день Св. Ѳомы Аквината (у кармелитовъ босоногихъ и у доминиканов), 21 марта, въ день Св. Бенедикта (у бенедиктиновъ), 23 марта, въ день празднованія годовщины основанія въ Вильнѣ папою Григоріемъ XIII, въ 1582 г., Алюмната, и др.

Посмотримъ теперь, каковы были отношенія Троицкихъ базиліанъ въ разсматриваемый нами періодъ времени, къ ближайшимъ ихъ сосѣдямъ, жившимъ только чрезъ улицу, въ Св.-Духовомъ монастырѣ,—къ православнымъ инокамъ „чина Св. Василія Великаго“ [88]). О тѣсной дружбѣ между Троицкими базиліанами и Св.-духовскими „василіанами“ не могло быть и рѣчи; напротивъ, троицкіе базиліане относились къ нимъ, какъ и вообще ко всѣмъ „схизматикамъ“, съ такою же, если не съ большею ненавистію и презрѣніемъ, какъ и латиняне. Въ „Дневникѣ“ Троицкаго монастыря отмѣченъ одинъ фактъ, ярко обрисовывающій эти отношенія. „Утромъ (14 февраля 1778 г.), разсказываетъ авторъ Дневника, чернецъ схизматикъ зашелъ въ нашу цер-

[88]) Въ Россійской церкви издавна извѣстны были правила монашеской жизни Св. Василія Великаго. Передъ уніей и въ самомъ началѣ ея, когда упадокъ монашеской жизни въ западно-русскихъ монастыряхъ привелъ къ мысли преобразовать ихъ на началахъ строгаго общежитія, лучшіе православные люди вѣрнѣйшимъ къ тому средствомъ считали введеніе въ западно-русскихъ монастыряхъ общежительныхъ правилъ Св. Василія Великаго. Сохранился до нашего времени и самый уставъ общежительный „отъ преданій Св. Василія Великаго“, составленный въ 1624 г. православнымъ игуменомъ Дубенскаго Спасскаго монастыря Антоніемъ Рудницкимъ, по волѣ князя Александра Заславскаго и благословенію Сергія Тисмянскаго, епископа Мукачевскаго. Труды Кіев. д. Академіи, 1870 г. т. II, стр. 443.

ковь (Св.-Троицкую) и хотѣлъ видѣть образъ Божіей Матери и съ этою цѣлію усердно просилъ церковника (закрыстіанчика), чтобы онъ открылъ этотъ образъ [89]). Церковникъ, не желая удовлетворить просьбу схизматика безъ дозволенія старшаго, отослалъ его къ помощнику старшаго (викарію). Чернецъ отправился въ монастырь, но входъ въ него оказался запертымъ. Долго пришлось ему звонить, но никто не отпиралъ двери; наконецъ онъ такъ сильно позвонилъ и при этомъ раскричался, что вызвалъ своимъ крикомъ изъ келіи самаго викарія. Викарій, пригласивши чернеца къ себѣ въ келію, сталъ убѣждать его, что нельзя открывать образа, и съ такимъ отвѣтомъ выпроводилъ его изъ келіи. Но такъ какъ чернецъ по выходѣ изъ келіи сталъ кричать и браниться, то викарій опять пригласилъ его къ себѣ въ келію, и какъ только онъ вошелъ, тотчасъ же заперъ его на замокъ, и самъ вышелъ въ корридоръ, приказалъ дать звонокъ, чтобы собирались монахи, желая, кажется, наказать чернца. Когда собрались по звонку монахи, викарій сталъ жаловаться имъ, что чернецъ съ крикомъ вломился въ его келію и приказывалъ усадить себя за столъ и подчивать водкой. Опасаясь однако какихъ нибудь дурныхъ послѣдствій, монахи порѣшили не дѣлать чернецу ничего худаго и тотчасъ же выпустили его изъ кельи. Послѣ этой исторіи викарій послалъ въ монастырь (Св.-Духовскій) двухъ схоластиковъ богослововъ, ксендза Шонскаго и ксендза Смерецкаго, съ жалобой на чернеца. Пришли они въ монастырь и стали спрашивать, гдѣ келія намѣстника, а по нашему—викарія. Когда имъ указали эту келію, они вошли и увидѣли въ ней тогоже самаго чернеца

---

[89]) У чудотворнаго образа Божіей Матери былъ устроенъ базиліанами особый алтарь, по католическому обычаю, и закрывался засовкою. См. выше.

и никого больше,—*онъ-то и былъ намѣстникъ монастыря.* Увидя въ своей келіи базиліановъ, онъ тотчасъ заперъ дверь на замокъ и хотѣлъ было расправиться съ ними. Перепугались наши ксендзы и стали извиняться. Удовольствовавшись ихъ извиненіемъ, онъ не только не сдѣлалъ имъ ничего худаго, но даже весьма любезно угостилъ ихъ и, мирно и бесѣдовавши съ ними, отпустилъ ихъ. Сильно жаловался онъ (намѣстникъ) на нашего ксендза викарія, *что онъ нанесъ ему такое оскорбленіе, и клялся, что если* бы викарій привелъ въ исполненіе угрозу свою высѣчь его плетьми (dyscyplinami), то онъ убилъ-бы его ножемъ, который находился у него въ карманѣ. Такъ разсказывали наши схоластики по своемъ возвращеніи отъ намѣстника [90]).

Обратимся къ событіямъ 1609 г., когда въ Вильнѣ отняты были у православныхъ всѣ церкви и отданы въ распоряженіе архимандрита Троицкаго монастыря Іосифа Рутскаго. Въ рукахъ православныхъ осталась единственная, недавно построенная ими, Св.-Духовская церковь. Тяжело и безотрадно было положеніе православныхъ. Священники и *вообще духовенство, протестовавшіе противъ уніи въ 1609,* были разогнаны и принуждены были или влачить скитальческую жизнь, подобно протопопу Жашковскому, или, какъ сдѣлалъ архимандритъ Сенчило, искать прощенія, милости и средствъ къ существованію у властей уніатскихъ [91]). Оставалась горсть людей, перебравшихся окончательно изъ Троицкаго монастыря на противоположную сторону Большой улицы, оставалось Св.-Духовское братство, сильное тайнымъ сочувствіемъ *большинства русскаго населенія, опасное своимъ* непреклоннымъ, неутомимымъ, героическимъ духомъ. Торжествующая унія, соревнуя фанатическимъ дѣйствіямъ іезуи-

[90]) Арх. Сбор., т. X, стр. 328.
[91]) Тамъ же, т. VI, № 79.

товъ, торопилась всяческими средствами сокрушить и эту организованную силу, мужественно отстаивавшую исконную вѣру русскаго народа. На эту то силу и обрушились теперь тяжелые удары. Главная сила православныхъ въ борьбѣ за свою вѣру и церковь была сила нравственная, сила убѣжденія, мысли и слова, выражавшаяся въ произведеніяхъ, которыя выходили изъ братской Св.-Духовской типографіи. Въ 1597 г. здѣсь былъ напечатанъ Апокрисисъ (альбо отповѣдь на книжки о соборѣ Берестейскомъ именомъ людей старожитной религіи греческой), въ которомъ раскрыта и блистательно доказана неправда Брестскаго Собора. На это сочиненіе уніаты не могли представить достойнаго отвѣта и принуждены были прибѣгать ко лжи, соединенной съ грубою бранью. Въ 1608 г. явился изъ братской типографіи „Антиграфъ", предавшій новому разбору и новому посрамленію хитросплетенія Потѣя и Скарги на защиту уніи. Въ 1610 г. явился „Ѳриносъ", т. е. Плачъ Восточной церкви на отступленіе нѣкоторыхъ сыновъ ея отъ древняго греческаго исповѣданія и отъ повиновенія патріарху Константинопольскому, сочиненіе іеромонаха Св.-Духова монастыря Мелетія Смотрицкаго. Лучшею похвалою этому сочиненію служитъ отзывъ объ этомъ сочиненіи самихъ уніатовъ, что здѣсь „каждое слово—жестокая рана, каждая мысль—смертельный ядъ", разумѣется, для уніи. Сочиненіе это пользовалось, по свидѣтельству самихъ уніатовъ, безконечнымъ уваженіемъ не только православныхъ, но и еретиковъ (протестантовъ); его передавали по завѣщанію, какъ сокровище; одинъ „еретикъ" велѣлъ положить книгу съ собою во гробъ. Такимъ образомъ, типографія составляла для православнаго братства одно изъ сильнѣйшихъ орудій въ его борьбѣ съ уніей: уніаты постарались вырвать изъ его рукъ это орудіе. По королевскому повелѣнію, братская типографія

была запечатана и шрифты отобраны [92]); замолкло на нѣсколько лѣтъ энергическое слово Мелетія Смотрицкаго; на главныхъ представителей братства, на богатыхъ купцовъ: Семена Красовскаго, Константина Остафеевича и Прокофія Королькевича, наложенъ тяжелый денежный штрафъ (3,000 копъ грошей). Этого было мало. Потѣю и Рутскому хотѣлось во что бы то ни стало покончить съ братствомъ, главною опорою котораго, по отнятіи Св.-Троицкаго монастыря, была Св.-Духовская церковь. Хотя унія не могла представить никакихъ притязаній на Св.-Духовскую церковь, такъ какъ она выстроена была людьми, которые еще до построенія церкви заявили, что они не признаютъ уніи, какъ незаконнаго нововведенія, тѣмъ не менѣе Рутскій дѣлалъ попытку овладѣть этою церковью съ устроившимся при ней монастыремъ; онъ ходилъ по судамъ и требовалъ, чтобы ему выданы были денежныя суммы, завѣщанныя братской Св.-Духовской церкви. Попытка эта не удалась. Нужно было искать другихъ средствъ къ уничтоженію врага. Достойные ученики Лойолы никогда не задумывались въ выборѣ средствъ, когда дѣло шло о „славѣ Божіей". Не задумался въ выборѣ этихъ средствъ и Рутскій съ помощникомъ своимъ Троицкимъ игуменомъ Іосафатомъ Кунцевичемъ. Виленское православное братство, какъ извѣстно, состояло главнымъ образомъ изъ богатыхъ купцовъ и мѣщанъ ремесленниковъ. Половина мѣстъ въ городской администраціи и судѣ по закону принадлежала людямъ русской вѣры; званіе бурмистра и райцы, само по себѣ пользовавшееся высокимъ почетомъ, предоставляло сверхъ того шляхетство. Рутскій и Кунцевичъ ухватились за пущенную въ ходъ Потѣемъ и поддержанную польскимъ правительствомъ мысль, что унія съ давнихъ поръ существовала въ Западной Руси и что, слѣдовательно,

[92]) Арх. Сбор., т. X, стр. 233.

вездѣ, гдѣ въ законѣ говорится о людяхъ „русской вѣры", нужно разумѣть людей, *признающихъ унію*. Въ силу этого толкованія отняты были у православныхъ всѣ церкви въ Вильнѣ, въ силу того же толкованія стали изгонять теперь изъ магистрата и ратуши всѣхъ не признающихъ унію. Не нужно быть глубокимъ знатокомъ человѣческаго сердца, чтобы понять, насколько дѣйствительна была эта мѣра къ совращенію въ унію самыхъ искреннихъ приверженцевъ исконной православной вѣры. Вотъ что писалъ въ Римъ одинъ изъ позднѣйшихъ митрополитовъ уніатскихъ объ этой мѣрѣ: „Когда откроется въ Вильнѣ вакантная должность бурмистра или райцы, то болѣе богатые изъ схизматиковъ добровольно обращаются въ унію изъ страстнаго желанія достигнуть этой почести; жены и дѣти ихъ, отрекшись отъ схизмы, являются на исповѣдь къ оо. базиліанамъ (Троицкимъ), принимаютъ у нихъ св. причастіе и представляютъ письменное удостовѣреніе о своемъ обращеніи магистрату, который послѣ этого и допускаетъ новообращеннаго на вакантную должность Виленскаго городскаго управленія. И такіе обращенные бываютъ иногда ревностнѣе къ уніи, чѣмъ природные уніаты" [93]). Другая мѣра была разсчитана уже не на честолюбіе людей богатыхъ, а просто на потребность имѣть кусокъ хлѣба для себя, жены и дѣтей—бѣдняковъ, живущихъ трудами рукъ своихъ. Постановлено было—никого не допускать въ купеческія братства и ремесленные цехи иначе, какъ подъ условіемъ сходить предварительно на исповѣдь въ Троицкій монастырь и принести удостовѣреніе въ принадлежности къ уніи [94]). Обѣ эти мѣры, при-

[93]) Изъ донесенія Гавріила Коленды Коллегіи de propaganda fide (1667 г.). Theiner, Vetera monum. Polon. III, 600. Памят. Рус. Ст. Батюшкова, VI, 14.

[94]) Harasiewicz, Annales ecclesiae Ruthen. pag. 294. Донесеніе Рутскаго въ Коллегію de propaganda fide 1624.

думанныя Іосафатомъ Кунцевичемъ, въ его игуменство въ Св.-Троицкомъ монастырѣ, нанесли страшный ударъ противной сторонѣ, особенно послѣдняя мѣра. Удаленіе изъ цеха, по магдебургскому праву, лишало ремесленника права заниматься всякой ремесленной работой; для многихъ лишеніе этого права равносильно было лишенію права на жизнь, или, по крайней мѣрѣ, на заработокъ, достаточный для прокормленія семьи. Чтобы не умереть голодною смертью, многіе волей не волей шли на исповѣдь къ базиліанскому чудотворцу и возвращались отъ него съ требуемою „апробаціей". Неизвѣстно, какъ удалось Кунцевичу провести эту въ высшей степени дѣйствительную мѣру. Помогли, вѣроятно, католики, но несомнѣнно были у него приверженцы и между вліятельными русскими,—которые свои личные честолюбивые интересы поставили выше тѣхъ интересовъ, которые до сихъ поръ защищали они съ такимъ самоотверженіемъ и энергіей. Таковы были Петръ Коптевичъ и Левъ Мамоничъ, виленскіе райцы, и Игнатій Дубовичъ, виленскій мѣщанинъ. Изъ протестаціи, поданной въ 1614 г. въ гродскій судъ членами Св.-Духовскаго братства, мы видимъ, что эти „перебѣжчики" полагали „на землѣ Св.-Духовской церкви королевскій мандатъ", позывая жалующихся (правосл. братство) къ королевскому задворному суду по дѣлу о какихъ-то „друкахъ" (типографія) и „братскихъ привилеяхъ" [95]). Дѣло, очевидно, шло о братской типографіи и братскихъ привилеяхъ, на которые, по толкованію Потѣя, имѣетъ право *Св.-Троицкое* (уніатское) братство, а не Св.-Духовское. Игнатій Дубовичъ, одинъ изъ богатѣйшихъ виленскихъ купцовъ, впослѣдствіи виленской бурмистръ, дѣлается ревностнымъ приверженцемъ уніи и почитателемъ Троицкихъ базиліанъ, въ пользу которыхъ пожертвовалъ 12,200 копъ

[95]) Арх. Сб. т. X, стр. 233.

грошей литовскихъ. Сынъ Игнатія Дубовича Алексѣй вступаетъ въ общину Троицкихъ базиліановъ въ качествѣ простаго монаха, а впослѣдствіи дѣлается архимандритомъ Св.-Троицкаго монастыря и однимъ изъ видныхъ дѣятелей уніи и защитниковъ правъ базиліанскаго ордена. Такими-то мѣрами и средствами, „для умноженія славы Божіей", троицкіе базиліане „уловляли" души православныхъ виленцевъ, и притомъ уловляли съ такимъ усердіемъ и успѣхомъ, что главный „ловецъ" (игуменъ Іосафатъ Кунцевичъ) прозванъ былъ современниками „душехватомъ".

Что же сдѣлалось съ тѣми 13-ью церквами въ Вильнѣ, которыя съ такимъ вопіющимъ насиліемъ и неправдою были отняты у православныхъ и отданы въ вѣдѣніе Троицкихъ базиліанъ? Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ жалоба, поданная въ 1778 г. свѣтскимъ клиромъ базиліанскому провинціалу на виленскихъ базиліанъ. Въ этой жалобѣ между прочимъ говорится, что изъ 13 церквей, отданныхъ въ вѣдѣніе базиліанъ, 10 церквей, по ихъ нерадѣнію, разрушились и на мѣстѣ ихъ построены дома частныхъ лицъ, а 3 доведены до крайняго убожества и разоренія. Что же отвѣчали Троицкіе базиліане на эту жалобу свѣтскаго клира? Какъ это, такъ и другія, взводимыя на нихъ обвиненія, базиліане назвали клеветою и неправдою, происшедшею отъ „незнанія исторіи и невѣжества свѣтскаго клира, вслѣдствіе чего (т. е. невѣжества) у него отнята была всякая власть въ управленіи дѣлами церковными и передана базиліанамъ, людямъ ученымъ и свѣдущимъ въ дѣлахъ церковныхъ". Базиліане троицкіе не отрицали факта опустошенія и разрушенія виленскихъ церквей, отрицали только взводимое на нихъ обвиненіе, будто они были причиною опустошенія и разрушенія этихъ церквей. Причиною разрушенія этихъ церквей были, по заявленію базиліанъ,

разныя неблагопріятныя обстоятельства, войны и частые пожары, опустошавшіе городъ Вильну; самою же главною причиною разоренія этихъ церквей были, по словамъ базиліанъ, безпрестанные споры схизматиковъ съ уніатскими монахами и нападенія на церковныя зданія, часто повторявшіяся съ 1595 г. до 1609 г., когда совокупными усиліями митрополита и троицкихъ базиліанъ, при содѣйствіи королевской власти, была обуздана дерзость схизматиковъ. Наконецъ, еслибы свѣтской клиръ, по словамъ Троицкихъ базиліанъ, хорошо зналъ исторію, какъ была введена и распространяема унія, онъ не сталъ бы укорять базиліанъ въ разореніи и разрушеніи виленскихъ церквей, напротивъ, сталъ бы превозносить ихъ похвалами за то, что они (базиліане) еще при митрополитѣ Михаилѣ Рагозѣ и затѣмъ — при Ипатіи Потѣѣ, Іосифѣ Рутскомъ и его преемникахъ митрополитахъ приняли на себя, вслѣдствіе крайняго невѣжества свѣтскаго клира, заботы по управленію уніатскими церквами.

Обратимся же къ исторіи, въ незнаніи которой троицкіе базиліане укоряли свѣтскій клиръ. Противники уже давно сошли со сцены, и безпристрастный судъ исторіи можетъ произнести въ настоящее время свой нелицепріятный приговоръ, дѣйствительно-ли троицкіе базиліане были главными виновниками опустошенія, запустѣнія и затѣмъ разрушенія виленскихъ церквей. Какъ на одну изъ главныхъ причинъ разрушенія виленскихъ церквей базиліане указываютъ на частые пожары, опустошавшіе г. Вильну. Дѣйствительно, въ 1610 г., т. е. чрезъ годъ послѣ отнятія у православныхъ всѣхъ церквей, страшный пожаръ опустошилъ большую часть Вильны; кромѣ множества частныхъ домовъ сгорѣло много общественныхъ зданій, въ томъ числѣ 5 церквей: 1) Спасская, находившаяся при Спасскихъ во-

ротахъ, рядомъ съ Пречистенскимъ соборомъ, который тоже значительно пострадалъ; 2) во имя Рождества Христова (каменная), находившаяся противъ Спасской церкви, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея; 3) Покровская (каменная), гдѣ нынѣ ученическая квартира (конвиктъ), при самомъ концѣ Пречистенской улицы, на пересѣкающей ее Покровской; 4) во имя Іоанна Крестителя (каменная), вблизи Покровской, на лѣвой сторонѣ Покровской улицы, гдѣ нынѣ домъ Яловцына (б. Пясецкихъ); 5) во имя св. Николая (его успенія—деревянная) съ каменной колокольней. Ни одна изъ этихъ церквей не была возстановлена, не смотря на то, что, по особому королевскому приказу, всѣ доходы медовыхъ братствъ отъ безпошлиннаго сыченія и продажи меда поступали въ общую кассу на возобновленіе погорѣвшихъ церквей; на тотъ же предметъ были обращаемы иногда штрафы и пени, налагаемые по судебному приговору, какъ напр., штрафъ въ 3.000 копъ грошей, наложенный на вышеупомянутыхъ нами православныхъ братчиковъ, виленскихъ купцовъ Красовскаго, Остафеевича и Королькевича [96]). Обгорѣлыя стѣны каменной колокольни Николо-успенской церкви были отданы въ 1612 г. одному виленскому мѣщанину для устройства жилаго дома съ ежегодною платою семи копъ грошей и съ правомъ открывать въ этомъ домѣ „шинкъ медовый, пивный, горѣлчаный и вшелякаго напою“, и такое позволеніе дано, конечно, съ благою цѣлію—„абы шкоды церквамъ Божіимъ не было“ [97]). Кромѣ вышеупомянутыхъ церквей въ вѣдѣніи Троицкихъ базиліанъ находились еще слѣдующія церкви: Воскресенская, на углу Стеклянной улицы, доведенная до такого запустѣнія, что уніатскіе власти въ концѣ XVIII ст. отдали ее ксендзу Мокржецкому для пе-

[96]) Арх. Сборн. т. VI, № 131.
[97]) Тамъ же, № 85.

рестройки въ жилой домъ [98]). Церковь во имя св. Косьмы и Даміана въ XVII ст. уже не существовала: въ 1677 г. запустѣлый ея погостъ отданъ былъ августіанамъ, которые построили здѣсь монастырь, занятый въ 1808 г. подъ главную семинарію. Церковь св. Петра, на Большой улицѣ, у самыхъ Кревскихъ (нынѣ Острыхъ) воротъ, по лѣвой сторонѣ, въ предѣлахъ юрисдики Св.-Троицкаго монастыря, въ XVII ст. находилась въ развалинахъ. Въ предмѣстьи Росса, гдѣ нынѣ домъ Яржембскаго (б. Зайцева) находилась Юрьевская кладбищенская церковь, построенная виленскими мѣщанами въ 1532 г. Въ 1655 г. церковь эта сгорѣла и больше не возобновлялась. Той же участи запустѣнія подверглась и древняя каѳедра православныхъ митрополитовъ—Успенскій Соборъ, извѣстный съ давнихъ временъ подъ именемъ Пречистенской митрополитальной церкви. Въ 1609 г. церковь эта, тотчасъ же по отнятіи ея у православныхъ, лишилась драгоцѣннаго дара, завѣщаннаго ей супругою польскаго короля и великаго князя литовскаго Александра Еленою, дочерью московскаго князя Іоанна III, чудотворной иконы Божіей Матери. Икона эта отдана была митрополитомъ Потѣемъ Св.-Троицкому монастырю. Въ 1639 г. церковь эта лишилась одного изъ главнѣйшихъ источниковъ содержанія церковнаго причта—имѣнія Свиранъ, пожалованнаго въ 1522 г. Кн. Константиномъ Острожскимъ на вѣчныя времена Пречистенской церкви „на содержаніе 4 священниковъ и двухъ діаконовъ“. Имѣніе это, находившееся въ Виленскомъ повѣтѣ, по распоряженію митрополита Іосифа Рутскаго, отдано было Св.-Троицкому монастырю въ обмѣнъ на Руту (въ Новогрудскомъ воеводствѣ, мин. г.), пожалованную Рутскимъ Троицкому монастырю

---

[98]) Арх. Сбор. т. VI, № 95. Пам. Р. Ст. V, стр. 83.

въ 1613 г. [99]). Что же отвѣчали Троицкіе базиліане на жалобы свѣтскаго клира объ отнятіи у Пречистенскаго собора Свиранъ? „Справедливѣе было бы, отвѣчали они, обвинять свѣтскій клиръ, что онъ отнялъ (eripuit) у базиліанъ большое имѣніе Руту, отдавши въ замѣнъ его базиліанамъ ничтожные Свираны, заключающіе въ себѣ около 3 морговъ земли, такъ что съ нихъ едва получалось 3 имперіала дохода въ пользу Пречистенской церкви". Насколько правды въ этомъ отвѣтѣ, можно судить по тому, что замѣна Руты на Свираны совершена Рутскимъ, благодѣтелемъ Св.-Троицкаго монастыря, который предварительно „совѣтовался" съ братіею монастыря и затѣмъ, съ общаго ихъ согласія, совершилъ обмѣнъ Руты на Свираны потому, „ижъ съ большимъ пожиткомъ (выгода, польза) монастырю то будетъ, гдыся Свираны митрополіе съ ихъ монастырскими [100]) злу-

---

[99]) Арх. Сбор. т. X. № 24.

[100]) Имѣніе Свираны (въ 21 верстѣ отъ Вильны) нѣкогда принадлежало князьямъ Гольшанскимъ. Часть Свиранъ, съ фольварками Крошты и Шешоли, досталась Константину Острожскому въ качествѣ приданаго, которое онъ получилъ за женою своею Татьяною изъ князей Гольшанскихъ. Эта часть Свиранъ, пожалованная въ 1522 г. кн. Константиномъ Острожскимъ Пречистенскому собору, отдана была Рутскимъ въ обмѣнъ на Руту. Другая часть тѣхъ же Свиранъ, состоящая изъ фольварка Земойтели, была пожалована въ 1538 г. епископомъ Виленскимъ Павломъ Гольшанскимъ недавно построенному виленскимъ архидіакономъ Іосифомъ Ясенскимъ въ Рукойняхъ костелу съ цѣлію отвлечь окрестныхъ «правовѣрныхъ» жителей отъ посѣщенія «божницъ» (bożnic obcey religii),—(такъ окрещены, конечно, православные храмы) и обращенія ихъ къ истинной католической вѣрѣ. (Подлинная запись на латинскомъ языкѣ, на пергаменѣ, хранится въ монастырскомъ архивѣ). Эта часть Свиранъ, т. е. фольваркъ Земойтели, по ея отдаленности отъ Рукойни, доставлявшая

чать". Пожалованы были тѣмъ же княземъ К. Острожскимъ Пречистенскому Собору имѣніе Крошты и Шешоли (въ 21 верстѣ отъ Вильны); повѣренный въ дѣлахъ митрополита, базиліанинъ Кодлубай, викарій настоятеля Троицкаго монастыря, продалъ ихъ, съ согласія короля Владислава IV, за 50 тысячъ злотыхъ польскихъ, тогда какъ имѣніе это могло быть продано за 100 тысячъ злотыхъ. Въ вознагражденіе за это имѣніе Пречистенскій соборъ ничего не получилъ. Сумма, вырученная отъ продажи Крошть и Шешоль, по словамъ Троицкихъ базиліанъ, отдана митрополиту на его нужды [101]). Пострадавшая вмѣстѣ съ другими церквами во время пожара въ 1610 г. Пречистенская церковь не была возстановлена въ прежнемъ своемъ величіи и оставалась безъ крыши и въ 1652 г. не смотря на то, что Троицкіе базиліане принимали всѣ мѣры къ исправному взносу медовыми братствами доходовъ отъ безпошлиннаго сыченія и продажи меда и пива. Весь доходъ этотъ, въ силу королевскаго мандата (отъ 1611 г. Авг. 1) долженъ былъ идти, какъ мы видѣли выше, на возобнов-

---

незначительный доходъ Рукойнскому плебану, была продана въ 1628 г. Виленскимъ епископомъ Евстафіемъ Воловичемъ Троицкимъ базиліанамъ за 1400 копъ грошей. (Подлинная продажная запись хранится въ монаст. архивѣ). Остальная часть Свиранъ, по смерти епископа Павла Гольшанскаго перешла, въ качествѣ выморочнаго имѣнія, въ королевскую казну и затѣмъ, въ 1561 г. была пожалована королемъ Сигизмундомъ Августомъ Ивану Семеновичу Заржецкому, скарбному королевскому, виленскому ключнику (съ прибавкой отъ Мѣдникской волости деревни Колесе). Въ 1620 г. эта часть Свиранъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ деревень, была куплена Троицкими базиліанами у королевскаго дворянина Александра Колецкаго за 3300 копъ грошей. (Подлинная продажная запись на пергаменѣ хранится въ монаст. архивѣ).

[101]) Арх. Сбор. т. X, стр. 336.

леніе погорѣвшихъ церквей, а по возобновленіи ихъ—въ пользу Св.-Троицкаго монастыря. Въ 1614 г., Троицкіе базиліане, не возобновивши ни одной изъ погорѣвшихъ церквей, уже хлопочутъ, чтобы одна половина доходовъ медовыхъ братствъ была обращаема на возобновленіе церквей, а другая въ пользу ихъ монастыря, и получаютъ на то разрѣшеніе короля [102]). Во избѣжаніе неоднократно возникавшихъ недоразумѣній и пререканій между базиліанами и медовыми братствами, въ 1646 г. заключенъ былъ обѣими сторонами слѣдующій договоръ: медовые братства обязались давать ежегодно изъ братскихъ доходовъ Св.-Троицкому монастырю 100 копъ грошей, съ тѣмъ чтобы монастырь отнынѣ самъ покупалъ вино, воскъ, содержалъ звонарей и вообще исполнялъ все то, что донынѣ исполняли братства; сверхъ того, братства обязались ежегодно, въ опредѣленные дни, давать монастырю 66 гарнцевъ пива. Соборнымъ церквамъ братства обязались давать 80 копъ грошей; изъ этой суммы митрополитъ обязуется давать Пречистенскому собору 100 злотыхъ и двумъ церквамъ въ Рынкѣ (Воскресенской и Николо-Пересенской) 100 злотыхъ. Въ силу королевскихъ привилеевъ, предоставляющихъ Троицкимъ базиліанамъ контроль надъ братскими доходами, старосты братствъ обязаны ежегодно давать отчетъ Троицкому архимандриту въ присутствіи протопопа. Для постояннаго контроля надъ дѣйствіями братскихъ старостъ, избираемыхъ въ братскихъ собраніяхъ (sessia) изъ людей зажиточныхъ, назначается „провизоръ", который долженъ присутствовать при сыченіи меда, знать число мѣдницъ и бочекъ меда, послѣ каждаго сыченія меда извѣщать о томъ

---

[102]) Листъ короля Сигизмунда III отъ 1614 г. Авг. 7, къ Виленскимъ бурмистрамъ. Подлинный въ монаст. архивѣ. Summariusz, стр. 7.

троицкаго архимандрита и протопопа. Убытки, понесенные братствами отъ неправильныхъ дѣйствій старостъ, магистратъ поискиваетъ на имуществѣ виновныхъ. Если по уплатѣ вышеозначенной суммы окажется излишекъ доходовъ, то весь этотъ остатокъ долженъ быть обращаемъ на возобновленіе погорѣвшихъ церквей. Договоръ этотъ скрѣпленъ подписями митрополита Антонія Сѣлявы и бурмистровъ [103]). Изъ вышеизложеннаго видно, насколько базиліане заботились о возобновленіи погорѣвшихъ церквей. Древній величественный храмъ, нѣкогда гордость православныхъ виленцевъ, Пречистенскій Соборъ, какъ мы видѣли выше, обновленный послѣ пожара 1610 г. настолько, что въ немъ можно было совершать богослуженіе, стоялъ безъ крыши еще и въ 1652 г. по неимѣнію на то средствъ, такъ какъ медовые братства не отдавали будто бы кому слѣдуетъ своихъ доходовъ отъ сыченія меда на возобновленіе погорѣвшихъ церквей. Въ этомъ убогомъ видѣ Пречистенскій Соборъ дождался новаго пожара, опустошившаго Вильну въ 1748 г. Огонь истребилъ все, что можно было истребить внутри и внѣ собора. Намѣстникъ митрополичій (оффиціалъ), базиліанинъ Бѣницкій, довершилъ опустошеніе, выломавши желѣзныя связи, скрѣплявшія стѣны и окна, и употребивши ихъ на оковку своего экипажа [104]). Въ 1785 г. соборъ возобновленъ былъ уніатскимъ митрополитомъ Смогоржевскимъ въ убогомъ видѣ, съ крышею въ два ската, безъ купола и башенъ. По упраздненіи въ 1795 г. уніатской митрополіи въ Россіи, была уничтожена и митрополичья каѳедра въ Вильнѣ; причтъ ея былъ распущенъ и упраздненъ, а имѣнія отданы Св.-Троицкому монастырю. Богослуженіе въ Пречистенской церкви совершалось базиліанами Троицкими до

[103]) Арх. Сбор. т. X, № 32.
[104]) Арх. Сбор. т. X, стр. 332.

1810 г. [105]). Въ 1808 г., по ходатайству извѣстнаго польскаго магната Адама Чарторыйскаго, Пречистенскій соборъ съ митрополичьими палатами отданъ былъ Виленскому университету и обращенъ въ анатомическій театръ и ветеринарную клинику. По упраздненіи университета въ обезображенномъ до неузнаваемости зданіи древней святыни была устроена кузница, хлѣвъ для свиней и нѣсколько чулановъ для склада разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей содержателя кузницы.

Перейдемъ теперь къ судьбѣ древнѣйшей въ Вильнѣ православной церкви Пятницкой, основанной въ 1345 г. супругою в. кн. Литовскаго Ольгерда Маріею Ярославною Витебскаю во имя великомученицы Параскевіи, именуемой въ простомъ народѣ Пятницей. Въ 1609 г. церковь эта вмѣстѣ съ другими виленскими церквами была отнята у православныхъ. Въ 1610 г. церковь эта сгорѣла. Въ слѣдующемъ (1611) году, по просьбѣ митрополита Потѣя, церковь эта со всѣмъ принадлежащимъ къ ней имуществомъ, съ богадѣльней, домами, плацами и другими оброчными статьями, особою королевскою грамотою была отдана въ полную собственность Троицкимъ базиліанъ, съ тѣмъ чтобы они на свои собственныя средства возобновили этотъ храмъ [106]). Получивши во владѣніе эту церковь, базиліане, по словамъ уже извѣстнаго намъ автора „Меморіала“ Св.-Троицкаго монастыря, тотчасъ же приступили къ возобновленію того, что могло приносить постоянный доходъ, т. е. къ возобновленію каменныхъ домовъ; вмѣсто деревянныхъ домиковъ, о которыхъ упоминается въ королевской грамотѣ, построили каменные—„для большей прибыли“; съ тою же цѣлію—богадѣльню обратили въ жилой домъ. Въ это время,

[105]) Памятн. Р. Стар. V, стр. 91.
[106]) Собр. грамотъ г. Вильны, ч. II, № 24.

по словамъ тогоже автора „Меморіала“, монастырь „починилъ“ (reperował) будто бы и самую церковь. Возобновленная базиліанами Пятницкая церковь была, будтобы, опустошена пожаромъ во время занятія Вильны въ 1655 г. русскими войсками царя Алексѣя Михайловича. Это свидѣтельство базиліанскаго писателя ни на чемъ не основано. Всѣ новѣйшія изслѣдованія о взятіи Вильны въ 1655 г. доказываютъ, что ни одна изъ существовавшихъ въ это время церквей въ Вильнѣ не пострадала отъ пожара, или *отъ разграбленія* [107]). *Почти всѣ онѣ, какъ мы видѣли* выше, представляли собою жалкій видъ запустѣнія, и въ такомъ видѣ застали ихъ русскія войска въ 1655 г. Ложность этого свидѣтельства подтверждается свидѣтельствомъ автора „Лиѳоса“, митрополита Петра Могилы. Въ этомъ сочиненіи, изданномъ въ 1644 г., т. е. за 11 лѣтъ до взятія Вильны русскими войсками, Петръ Могила обличалъ уніатовъ между прочимъ въ томъ, что на мѣстѣ Пятницкой церкви они построили кабакъ, а строенія, воздвигнутыя православными съ благотворительною цѣлію, отдали подъ публичный домъ [108]). Обличеніе это никѣмъ изъ современниковъ не было опровергнуто; не опровергаетъ этого обличенія и авторъ „Меморіала“ напротивъ, онъ еще болѣе рѣзкими выраженіями описываетъ запустѣніе Пятницкой церкви, начавшееся, будто бы, со времени нашествія Москвы. „Со времени нашествія Москвы, говоритъ онъ, церковь (Пятницкая) стояла пустая, безъ оконъ, безъ дверей и безъ всякой ограды, кое-какъ покрытая сверху. Это святое мѣсто было такъ запущено, что жильцы сосѣднихъ домовъ скла-

---

[107]) Памятн. Р. Старины, VI, стр. 53.

[108]) Pódz do Wilna, a pytaj się, kto teraz mieszka na placu, gdzie cerkiew założenia Parascewii S. męczeniczki była?.. Karczma y nierządny dom tam iest. Lithos, albo kamień p. 366.

дывали тамъ дрова и другія вещи; посреди церкви варили себѣ пищу, а нѣкоторые находили себѣ здѣсь и ночлежный пріютъ, къ великому соблазну для многихъ. Не смотря на такую мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ старшіе монастыря (Св.-Троицкаго) и не помышляли о возобновленіи Пятницкой церкви". Въ такомъ состояніи находилась Пятницкая церковь до 1698 г. Состоявшаяся въ этомъ году конгрегація базиліанская въ Бытенѣ вмѣнила въ обязанность Св.-Троицкому монастырю возстановить эту древнѣйшую въ Вильнѣ русскую святыню. „Принялись мы, говоритъ авторъ Меморіала, за исполненіе этого святаго дѣла въ 1700 г. Пока мы сдѣлали новую крышу съ новымъ куполомъ и крестомъ, пока положили новыя балки и оштукатурили всѣ внутреннія стѣны, пока устроили новый алтарь и новый полъ, пока также вывезли мусоръ, возобновленіе церкви затянулось до 1702 г. Кончились работы эти послѣ римскаго праздника Божіяго Тѣла, предъ нашей „десятухой", т. е. предъ десятой пятницей послѣ Пасхи. Мы были такъ счастливы, что, по милости Божіей, въ туже пятницу, празднуя память св. Параскевіи, освятили эту церковь въ присутствіи многихъ знатныхъ особъ и совершали въ ней первое послѣ московскаго нашествія торжественное богослуженіе, къ великой радости всѣхъ присутствовавшихъ". Возобновленіе Пятницкой церкви, по словамъ того же автора Меморіала, стоило всего 1.000 злотыхъ (150 р.): Изъ своихъ средствъ монастырь употребилъ не болѣе 250 злотыхъ, остальная сумма была пожертвована разными лицами [109]).

---

[109]) Арх. Сбор. т. X, стр. 98. Въ 1748 г. Пятницкая церковь опять была опустошена пожаромъ. И на этотъ разъ ее постигла, вѣроятно, таже участь, что и послѣ перваго пожара въ 1610 г. Въ нынѣшнемъ столѣтіи она находилась въ

Примѣръ Пятницкой церкви наглядно доказываетъ, что не недостатокъ средствъ былъ причиною запустѣнія и наконецъ разрушенія всѣхъ почти древнихъ православныхъ храмовъ въ Вильнѣ, а крайнее нерадѣніе Троицкихъ базиліанъ, въ чемъ, какъ мы видѣли выше, укорялъ ихъ свѣтскій уніатскій клиръ.

До времени уніи, какъ мы видѣли выше, Св.-Троицкій монастырь былъ неоднократно предметомъ споровъ и раздоровъ между свѣтскими и духовными лицами изъ-за права владѣнія и подаванія этого монастыря. Споры эти вытекали изъ права патронатства. Верховный патронатъ въ западнорусской церкви принадлежалъ королю. Король имѣлъ право раздавать церковныя бенефиціи кому хотѣлъ, конечно, по-преимуществу лицамъ заслуженнымъ, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ.

Къ числу такихъ бенефицій „королевскаго подаванья" съ давнихъ временъ принадлежалъ и св.-Троицкій монастырь, и ему пришлось испытать, какъ мы уже отчасти видѣли это въ своемъ мѣстѣ, всѣ тѣ невзгоды и неурядицы, какимъ подвергались монастыри „королевскаго подаватья", т. е. архимандріи. Такъ, намъ извѣстно, что въ XVI в. Св.-Троицкій монастырь отданъ былъ королевскимъ привилеемъ литовскому подскарбію Сильвестру Бѣлькевичу (впослѣдствіи кіевскому митрополиту), хотя онъ не имѣлъ еще духовнаго сана. Съ 1563 г. право „подаваня" Св.-Троицкаго монастыря, въ силу королевскихъ привилеевъ, принадлежало виленскимъ мѣщанамъ, въ лицѣ ихъ представи-

---

такомъ же жалкомъ положеніи, въ какомъ находилась до возобновленія въ 1700 г. Застроенная со всѣхъ сторонъ домами, безъ крыши, съ полуразвалившимися стѣнами, она сдѣлалась мѣстомъ для склада всякихъ нечистотъ... Въ такомъ видѣ она существовала до 1863 г.

телей—бурмистровъ и радцовъ. И при этихъ „патронахъ“ и „дозорцахъ“ Св.-Троицкій монастырь оставался иногда долгое время безъ архимандрита, по нерадѣнію патроновъ, какъ это было, напримѣръ, при митрополитѣ Михаилѣ Рагозѣ, который неоднократно напоминалъ бурмистрамъ и словесно, въ бытность свою въ Вильнѣ, и письменно, чтобы они поторопились избрать и представить ему для посвященія „чиноначальника архимандрита“ [110]). По нерадѣнію такихъ патроновъ и архимандритовъ Св.-Троицкій монастырь утратилъ первый значительный свой фундушъ, Пурвиники и Свинтыники, пожалованный ему княземъ Матѳеемъ Никитичемъ Головчинскимъ.

Преобразователь уніатскаго монашества, Іосифъ Рутскій, принялъ рѣшительныя мѣры къ устраненію такихъ порядковъ, неблагопріятныхъ для процвѣтанія и благосостоянія монастырей. На первой же базиліанской конгрегаціи, въ Новогрудкѣ, въ 1617 г., онъ предложилъ испросить у короля привилей, по которому бы всѣ высшія іерархическія мѣста и должности были отдаваемы только монахамъ базиліанскаго ордена и притомъ съ „согласія и по рекомендаціи“ ордена. По просьбѣ Рутскаго, такой привилей данъ былъ Владиславомъ IV въ 1635 г. [111]). Въ этомъ привилеѣ Владиславъ IV, за себя и за своихъ предковъ, обѣщался—архіепископствъ, архимандрій и игуменствъ никому другому не давать, какъ только монахамъ базиліанскаго ордена. Съ своей стороны базиліане старались предупредить и ограничить непомѣрныя стремленія монаховъ къ „исканію“ доходныхъ бенефицій и неизбѣжныя при этомъ интриги и заискиванія у сильныхъ сего міра. Съ этою цѣлію, на той же

[110]) Собр. грамотъ г. Вильны, ч. II, № 10.

[111]) Островскій, Dzieje i prawa kosciola Polskiego, т. III, p. 236.

Новогрудской конгрегаціи, было постановлено, чтобы всѣ члены ордена, при постриженіи въ монашество, сверхъ трехъ обычныхъ монашескихъ обѣтовъ, давали *четвертый* обѣтъ „о недомогательствѣ высшихъ іерархическихъ мѣстъ и должностей". Вслѣдствіе изъятія базиліанскаго ордена изъ подъ власти митрополита и епископовъ и подчиненія его власти одного орденскаго начальника протоархимандрита, долженъ былъ измѣниться и порядокъ назначенія настоятелей монастырей, которые отнынѣ назначались протоархимандритомъ и притомъ только на четыре года. Настоятели монастырей вообще назывались „старшими", или „суперіорами". Суперіоры болѣе извѣстныхъ монастырей имѣли право называться и „архимандритами", но этотъ почетный титулъ не давалъ имъ никакихъ особенныхъ правъ въ монастырѣ, и они во всемъ подчинялись власти протоархимандрита. Къ числу такихъ монастырей принадлежалъ со временъ Рутскаго и Св.-Троицкій монастырь. Рутскій въ знакъ особенной милости и уваженія къ Св.-Троицкому монастырю, съ которымъ было связано столько дорогихъ для него воспоминаній, хотѣлъ хоть чѣмъ нибудь отличить этотъ монастырь отъ другихъ базиліанскихъ монастырей. Хорошо зная человѣческую натуру и предвидя, что никакія „обѣты" не удержатъ монаховъ отъ честолюбивыхъ „исканій" доходныхъ должностей и бенефицій, Рутскій выхлопоталъ у короля особый привилей, въ силу котораго Св.-Троицкимъ базиліанамъ предоставлялось право избирать старшаго, какъ изъ своей среды, такъ и изъ монаховъ базиліянъ другихъ монастырей, или на четыре года, согласно постановленіямъ ордена, или, какъ они найдутъ болѣе удобнымъ—и на болѣе продолжительное время; старшій этотъ титулуется виленскимъ архимандритомъ и пользуется доходами съ монастырскихъ имѣній на одинаковыхъ правахъ съ братіею, ничего не обращая

въ свою пользу. Тѣмъ же привилеемъ король подтвердилъ всѣ права и привилегіи Св.-Троицкаго братства (уніатскаго), а имущества братства и самихъ братчиковъ подчинилъ управленію и распоряженію монастыря [112]), „не такъ, какъ было при схизмѣ", замѣчаетъ авторъ Меморіала. Рутскій выразилъ и въ болѣе вещественныхъ знакахъ свою благодарность и признательность Св.-Троицкому монастырю, въ которомъ, по его словамъ, „Богъ поволалъ его до закону святаго по чину св. Василія Великаго", а вмѣстѣ съ нимъ „повабилъ и многихъ иныхъ разнаго возрасту людей, мужей и младенцевъ, съ которыми въ томъ станѣ ангельскомъ жилъ онъ во святой общинѣ". Эта „святая община", въ которой, во времена Рутскаго, числилось, какъ мы видѣли выше, болѣе ста человѣкъ, нуждалась въ средствахъ содержанія. Удовлетворяя этой нуждѣ первой базиліанской общины, Рутскій отказался отъ всего своего наслѣдства и на вѣчныя времена записалъ, въ 1613 г., Св.-Троицкому монастырю родовое имѣніе свое Руту въ Новогородскомъ воеводствѣ, въ благодарность Богу за то, что „онъ своимъ неисповѣдимымъ промысломъ потягнулъ его отъ еретической вѣры къ святой вѣрѣ каѳолической и къ церкви своей".

Благодаря такимъ ревностнымъ заботамъ Рутскаго о благоустройствѣ Св.-Троицкаго монастыря, сочувствіе къ нему, равно какъ и къ состоявшей при немъ женской базиліанской общинѣ, быстро расло: многіе знатные и богатые люди, еще при жизни своей, старались выказать свое уваженіе и усердіе къ Св.-Троицкой обители, какъ напримѣръ, Евстаѳій Корсакъ, войскій воеводства Полотскаго и Янушъ Скуминъ Тышкевичъ, виленскій воевода. Авторъ „Меморіала" превозноситъ великими похвалами того и другаго. Евстаѳій Корсакъ, по его словамъ, будучи греко-

112) Собр. грамотъ Вильны, ч. II, № 39.

унитскаго католическаго исповѣданія, изъ любви къ этому святому мѣсту (Св.-Троицкому монастырю) и собравшимся въ немъ подъ управленіемъ Рутскаго, уже послѣ благословеннаго мученика Іосафата, ревнителей славы Божіей, чтобы они своею ученостью и примѣрною жизнью были свѣтилами для схизматиковъ и тѣмъ поощряли ихъ къ присоединенію къ св. уніи, желая и самъ быть погребеннымъ въ этой (Св.-Троицкой) церкви,—для умноженія славы Божіей, завѣщалъ въ 1625 г. монахамъ чина св. Василія Великаго, живущимъ въ Св.-Троицкомъ монастырѣ, свое имѣнье Залѣсье Островно". Такими же похвалами превозноситъ онъ и Януша Скумина Тышкевича. „Этотъ знатный вельможа русскаго обряда, ревностный распространитель уніи и такой же защитникъ нашего ордена отъ преслѣдованій схизматиковъ, питалъ особенное благорасположеніе къ нашему монастырю". Алексѣй Дубовичъ, сынъ извѣстнаго въ то время богача, виленскаго бурмистра Игнатія Дубовича, ведшаго заграничную торговлю, поступилъ въ монахи и былъ впослѣдствіи архимандритомъ Св.-Троицкаго монастыря, оставивъ Св.-Троицкому монастырю значительное наслѣдство—имѣніе Меречь и Мѣдники Гедейштанскіе, въ воеводствѣ Виленскомъ. „Все это происходило, замѣчаетъ авторъ Меморіала, отъ хорошаго управленія, введеннаго Рутскимъ, когда неограниченное управленіе было уничтожено, заботы о личныхъ интересахъ изъ монастыря были изгнаны; архимандриты, живя по правиламъ монашескимъ и довольствуясь обыкновенною монашескою порціею, всѣми мѣрами пеклись объ общемъ благѣ".

Не долго однако продолжались эти „хорошіе порядки". Не смотря на всѣ заботы Рутскаго оградить самостоятельность Св.-Троицкаго монастыря, съ какою цѣлію, какъ мы видѣли выше, онъ выхлопоталъ у короля особый привилей

на „свободное избраніе старшаго“, Св.-Троицкій монастырь не избѣгъ участи другихъ такихъ же богатыхъ уніатскихъ монастырей, которые, въ качествѣ архимандрій, были отдаваемы разнымъ лицамъ въ пожизненное владѣніе. Случилось разъ даже такъ, что Св.-Троицкій монастырь имѣлъ въ одно и тоже время двухъ пожизненныхъ архимандритовъ: епископа Полоцкаго Бѣлозора и епископа Пинскаго Жолкевскаго. Происходило это отъ разныхъ неурядицъ въ Польшѣ и въ самомъ базиліанскомъ орденѣ. Хотя со времени учрежденія базиліанскаго ордена, въ силу особаго королевскаго привилея, какъ митрополитъ, такъ и епископы избирались исключительно изъ членовъ базиліанскаго ордена, тѣмъ не менѣе многіе изъ уніатскихъ епископовъ и митрополитовъ, опираясь на постановленія восточной церкви о подчиненности монаховъ мѣстнымъ епископамъ, имѣли право не допускать соединенія съ орденомъ своихъ епархіальныхъ монастырей и распоряжаться ими по своему усмотрѣнію. Этимъ объясняется постоянная борьба базиліанскаго ордена, отстаивавшаго свою независимость отъ епископовъ, съ митрополитами и епископами, не желавшими отказываться отъ своихъ правъ надъ монахами и монастырями. Борьба эта, начавшаяся вскорѣ послѣ смерти Рутскаго, продолжалась почти безпрерывно до уничтоженія базиліанскаго ордена въ первой четверти нынѣшняго столѣтія [113]). Вслѣдствіе такихъ отношеній между орденомъ и высшей уніатской іерархіей, не только епископы, но и простые монахи базиліане, при содѣйствіи митрополита, выпрашивали себѣ въ королевской канцеляріи привилеи на тотъ или другой монастырь,

---

113) Отношенія базиліанскаго ордена къ высшей уніатской іерархіи подробно изложены въ моей статьѣ: „Исторія базиліанскаго ордена въ уніи“. Христ. Чтеніе за 1864 г. ч. 1, стр. 45—75.

а подчасъ и на нѣсколько монастырей, и управляли ими на правахъ пожизненныхъ архимандритовъ, безконтрольно пользуясь монастырскимъ имуществомъ и доходами съ монастырскихъ имѣній. Не всегда такіе архимандриты и жили въ своемъ монастырѣ. Для управленія монастырскими имѣніями они назначали особыхъ управляющихъ, а для управленія собственно монастыремъ назначали своихъ намѣстниковъ, или предоставляли монахамъ право самимъ избирать себѣ старшаго, по орденскимъ правиламъ, на четыре года. Такіе старшіе находились въ полной зависимости отъ архимандрита. Случалось даже такъ, что такіе архимандриты изгоняли изъ монастырей монаховъ и поселяли тамъ своихъ родственниковъ съ женами ихъ и дѣтьми. Такіе неурядицы въ базиліанскомъ орденѣ начались при слабохарактерномъ митрополитѣ Антоніи Селявѣ и продолжались при его преемникахъ. Въ 1653 г. Варлаамъ Козинскій, не довольствуясь архимандріей Пустынской, выхлопоталъ себѣ привилей и на Виленскую архимандрію еще при жизни другаго архимандрита, провинціала Терлецкаго, тоже имѣвшаго привилей на Виленскую архимандрію, наѣхалъ на монастырь почти въ день смерти Терлецкаго, заграбилъ все имущество покойнаго и самъ уѣхалъ, оставивъ покойника непогребеннымъ [114]). Послѣ Варлаама Козинскаго епископъ Пинскій Марціанъ Бѣлозоръ выхлопоталъ себѣ привилеи на Виленскій и Лавришевскій монастыри. Изъ Лавришевскаго монастыря онъ выгналъ монаховъ и посадилъ тамъ брата своего съ женою и дѣтьми [115]), а Виленскому монастырю (Св.-Троицкому) предоставилъ право избирать себѣ старшаго на четыре года. Пользуясь правами архимандрита, Бѣлозоръ безконтрольно пользовался имуществомъ Св.-Троицкаго мо-

114) Конгрегація Жировицкая 1661 г. Ses. 6.
115) Конгрегація Новогрудская, 1671 г.

настыря. Такъ, онъ взялъ въ свою пользу изъ церковной суммы 7.000 злотыхъ польск., 2500 злотыхъ изъ суммы Можейковской, 3000 злотыхъ изъ суммъ акаѳистовой, пожертвованной монастырю его роднымъ братомъ; заложилъ въ нѣсколькихъ тысячахъ золотую саблю, украшенную драгоцѣнными камнями, пожертвованную монастырю Скуминомъ Тышкевичемъ и другія дорогія вещи (ризы, чаши). Выведенные изъ терпѣнія такими незаконными дѣйствіями своихъ прелатовъ, базиліане отправили въ Римъ съ жалобой Якова Сушу. Вслѣдствіе этой жалобы конгрегація распространенія вѣры приказала папскому нунцію созвать базиліанскую конгрегацію для принятія мѣръ къ прекращенію неурядицъ въ орденѣ. На состоявшейся по этому случаю конгрегаціи въ Брестѣ въ 1666 г., нунціемъ было предложено митрополиту Гавріилу Колендѣ уничтожить всѣ *новыя* архимандріи. На конгрегаціи, созванной въ слѣдующемъ (1667) году въ Вильнѣ, по предложенію митрополита, дѣйствительно были уничтожены новыя архимандріи, въ томъ числѣ и Виленская. Марціанъ Бѣлозоръ вынужденъ былъ отказаться отъ своихъ правъ на Виленскую архимандрію, но не хотѣлъ возвратить Троицкому монастырю взятыхъ имъ суммъ и вещей [116]). Троицкіе базиліане заявили объ этомъ митрополиту. Митрополитъ Левъ Заленскій пригрозилъ Бѣлозору, что онъ не получитъ инвеституры на Полоцкую архіепископію, пока не дастъ росписки въ томъ, что онъ возвратитъ Троицкому монастырю взятыя имъ суммы и вещи. Росписку Бѣлозоръ далъ, но взятаго не возвратилъ [117]). Преемникъ Бѣлозора по Пинской епископіи Ан-

---

116) Акты Виленской конгрегаціи 1667 г.

117) Заявленіе отъ имени виленскихъ базиліанъ, представленное Бяльской конгрегаціи 1709 г. О саблѣ см. Арх. Сбор. т. X, стр. 44.

тонинъ Жолкевскій, подражая своему предшественнику, выхлопоталъ и себѣ привилей на Виленскую архимандрію, не смотря на то, что привилей, данный на туже архимандрію Марціану Бѣлозору, возведенному съ Пинской епископіи на Полоцкую архіепископію, не былъ уничтоженъ. Такимъ образомъ оказалось, что два лица, въ одно и тоже время, имѣли королевскіе привилеи на Виленскую архимандрію. Въ 1697 г., въ мѣсяцѣ мартѣ, епископъ Жолкевскій прислалъ въ Св.-Троицкій монастырь своего повѣреннаго съ копіею полученнаго имъ привилея и съ письмомъ къ старшему монастыря, заявляя, что монастырь, въ силу этого привилея, принадлежитъ ему и что старшій монастыря Симеонъ Огурцевичъ отнынѣ будетъ считаться его намѣстникомъ. Этотъ поступокъ крайне возмутилъ и озлобилъ Троицкихъ базиліанъ. Между ними и епископомъ Жолкевскимъ завязалась упорная борьба, продолжавшаяся въ теченіи пяти лѣтъ и окончившаяся со смертію Жолкевскаго. Вотъ какъ описываетъ ходъ этой довольно интересной борьбы авторъ „Меморіала“ Янъ Олешевскій, жившій въ это время въ Св.-Троицкомъ монастырѣ и исполнявшій должность сначала прокуратора по дѣламъ базиліанскаго ордена, а потомъ консультора, и бывшій, какъ видно, главнымъ дѣятелемъ, со стороны троицкихъ базиліанъ въ этой борьбѣ. „Всѣ монахи (троицкіе базиліане), разсказываетъ Олешевскій, видя, что Жолкевскій, вопреки праву монастыря на свободное избраніе старшаго, осмѣлился, на погибель монастыря, заявить свои права на неограниченное управленіе монастыремъ, воспротивились этому привилею и послали къ Жолкевскому единодушно подписанное всѣми заявленіе о томъ, что они не хотятъ признать его архимандритомъ, такъ какъ онъ хочетъ владѣть этимъ мѣстомъ не по свободному избранію, а на основаніи незаконно полученнаго имъ привилея. Послѣ от-

правленія посланца, мы всѣ единодушно тотчасъ же написали въ консульторіатъ, подробно изложивши всѣ несчастія, которыя долженъ будетъ переносить нашъ монастырь вслѣдствіе нарушенія права свободнаго избранія, приведя въ примѣръ такъ много разоренныхъ архимандрій, которыя представляютъ живое доказательство того, что и нашъ монастырь придетъ въ такое же разрушеніе, если власть архимандрита не будетъ ограничена свободнымъ его избраніемъ. Затѣмъ мы писали къ митрополиту Льву Заленскому, прося его, чтобы онъ, ненарушая даннаго намъ королевскаго привилея на право свободнаго избранія, соблаговолилъ уничтожить данную имъ Жолкевскому инвеституру на архимандрію. При этомъ мы ссылались не только на данный монастырю привилей на свободное избраніе, но и на постановленіе Жировицкой конгрегаціи 1675 г., по которому Виленская архимандрія была совершенно уничтожена. Подобное же письмо отправилъ къ митрополиту и консульторіатъ, который, заботясь о сохраненіи правъ и вольностей нашего монастыря, просилъ митрополита, чтобы мы были освобождены отъ несправедливыхъ притязаній Жолкевскаго. Но митрополитъ, не давши никакого удовлетворенія, рѣшеніе этого дѣла отложилъ до будущей конгрегаціи, такъ что оно оставалось безъ движенія почти полтора года. Наступаетъ затѣмъ въ августѣ 1698 г. Бытенская конгрегація, на которую мы отправили депутатовъ, поручивъ имъ въ нашей инструкціи настоятельно требовать на конгрегаціи сохраненія за нами права свободнаго избранія и уничтоженія незаконно выхлопотаннаго привилея. Когда было доложено это конгрегаціи, епископъ пинскій также крѣпко отстаивалъ привилей свой, жаловался также, что и о. Бѣлозоръ, защищая свои права на владѣніе Виленскимъ монастыремъ, не впустилъ его въ этотъ монастырь. Послѣ этихъ заявленій, конгрегація по-

становила, чтобы монастырь былъ подчиненъ Жолкевскому въ такомъ только случаѣ, если о. Бѣлозоръ откажется отъ своихъ правъ на этотъ монастырь, о чемъ и порѣшили тотчасъ же написать къ нему отъ имени конгрегаціи. Бѣлозоръ отвѣчалъ, что какъ прежде онъ никогда не уступалъ этой архимандріи Жолкевскому, такъ и теперь не уступитъ и вмѣстѣ съ монахами крѣпко будетъ защищать ее. Жолкевскій, не обращая на это никакого вниманія, приглашаетъ Мелетія Дорошковскаго, Лещинскаго архимандрита, котораго митрополитъ назначилъ коммиссаромъ для передачи Жолкевскому монастыря и принадлежащихъ ему имѣній. Въ такихъ обстоятельствахъ, опасаясь, чтобы окончательно не погибла свобода монастыря, мы должны были заключить союзъ и договоръ съ Бѣлозоромъ и въ крайней нуждѣ признать его дѣйствительнымъ архимандритомъ. Бѣлозоръ прислалъ изъ Полоцка для защиты Свирагъ нѣсколько человѣкъ изъ своей челяди, которые, запершись съ стрѣлками, защищались во дворѣ; мы же, монахи, приказавъ запереть на замокъ и укрѣпить калитку, встрѣтили Дорошковскаго на крыльцѣ предъ калиткой и, не допустивъ передачи монастыря Жолкевскому во владѣніе, отправили его съ письменнымъ заявленіемъ, всѣми нами подписаннымъ. Все это происходило тотчасъ по вступленіи на старшинство Марціана Кульчицкаго, прибывшаго въ Вильну въ 1698 г. послѣ Бытенской конгрегаціи. Итакъ, когда мы такимъ образомъ воспротивились настойчивому требованію Жолкевскаго передать ему монастырь, онъ (Жолкевскій) подалъ жалобу митрополиту на Бѣлозора о мнимомъ изгнаніи его изъ архимандріи. Когда это дѣло разбиралось въ Вильнѣ, со стороны архіепископа полоцкаго было заявлено, что такъ какъ Жолкевскій обвиняетъ его въ уголовномъ преступленіи, то, на основаніи постановленій св. отцовъ, дѣло это

подлежитъ суду не митрополита, но или провинціальнаго собора, или же святѣйшаго отца, который одинъ только имѣетъ власть осудить епископа на заключеніе въ тюрьму за преступленіе, какъ напр. изгнаніе изъ спокойнаго владѣнія, другой же какой нибудь духовной власти законъ не предоставилъ права произносить такихъ приговоровъ. Не смотря на таковое заявленіе, дѣло это признано подсуднымъ митрополиту, и Бѣлозору приказано приступить къ судоговоренію. Съ нашей стороны также было подано письменное заявленіе о томъ, что мы принимаемъ участіе въ этомъ процессѣ, предоставляя себѣ право позвать еп. Жолкевскаго въ подлежащій судъ за его посягательство на предоставленное намъ право свободнаго избранія (старшаго). Когда Бѣлозоръ пожелалъ на такое постановленіе митрополичьяго суда апеллировать къ апостольскому суду, ему не только не дозволили апелляціи, но еще разъ позвали къ суду для выслушанія изданнаго противъ него декрета. Когда по этому позву позванный остался при вторичномъ своемъ заявленіи и при первой апелляціи, митрополитъ, не входя въ дальнѣйшее разбирательство этого дѣла, вѣроятно потому, что оно встрѣтило затрудненіе въ нунціатурѣ, оставилъ свой декретъ безъ послѣдствій и отсрочилъ дѣло на полгода. Между тѣмъ онъ писалъ въ Римъ о томъ, какъ ему далѣе поступать относительно тяжущихся сторонъ. Мы съ своей стороны, подавши протестаціи о притѣсненіи, писали туда же въ Римъ. Когда дѣло это, надѣлавшее столько шуму, имѣло быть возобновлено митрополитомъ, скоро послѣдовала смерть Жолкевскаго, который умеръ въ 1702 г.; вскорѣ послѣ него умеръ также и о. Мелетій Дорошковскій, лещинскій архимандритъ. Такъ окончилась эта тяжба, стоившая монастырю немалыхъ издержекъ. Чтобы монастырь могъ и на будущее время своимъ потомкамъ оставить на-

мять объ этой тяжбѣ, мы въ томъ же 1702 г. въ защиту этого св. мѣста, отдали для напечатанія нашу „Оборону“, доказывая законами, записями и разными фундаціями, что всѣ вклады и фундуши, какими владѣетъ монастырь, пожалованы ему не королями, а разными благодѣтелями, и потому подлежатъ земскому праву. Вслѣдствіе этого, короли, не имѣя надъ этимъ монастыремъ права колляціи, а только право патроната, не могутъ имѣть и права донаціи, особенно въ томъ монастырѣ, которому предоставлено право свободнаго избранія старшаго или титулярнаго архимандрита. „Оборона“ эта была представлена Новогродской конгрегаціи 1703 г., и всѣмъ присутствовавшимъ, какъ-то: митрополиту, епископамъ, архимандритамъ и простымъ монахамъ были розданы экземпляры ея. Таже конгрегація, сообразно съ давними правами и привилеями нашего монастыря и постановленіями конгрегацій, одобрила и утвердила свободное избраніе титулярнаго архимандрита, или старшаго. Все это упомянуто здѣсь для того, чтобы преемникамъ нашимъ оставить объ этой тяжбѣ надлежащія свѣденія, чтобы они, по нашему примѣру, ревностно отстаивая права свободнаго избранія, могли бы давать отпоръ тѣмъ, которые жадно стремясь къ прелатурѣ, старались бы владѣть этимъ мѣстомъ не по праву свободнаго избранія, а съ помощью незаконно полученныхъ привилеевъ“.

Такія неурядицы не могли, конечно, способствовать *благосостоянію и процвѣтанію Св.-Троицкаго монастыря* въ томъ духѣ и направленіи, какое дано ему было Рутскимъ и его преемниками—Іосафатомъ Кунцевичемъ, Львомъ Кревзой, Алексѣемъ Дубовичемъ и др.—Въ настоящее время, говоритъ авторъ Меморіала [118]), все пошло иначе. Сердце надрывается, когда посмотришь, какъ далеки мы въ по-

118) „Меморіалъ“ составленъ въ 1701 г.

дражаніи святой ревности нашихъ первыхъ отцевъ (Рутскаго и др.). Въ Вильнѣ разные цехи наполнены нашими отступниками; схизма поперегъ стала уніатамъ, такъ что нашимъ нельзя быть не только старшими (т. е. бурмистрами, радцами, старостами цеховыми), но даже и въ чэлядь цехи не допускаютъ уніатовъ, и до сихъ поръ никто изъ прелатовъ (т. е. митрополиты и епископы), или изъ нашихъ (т. е. архимандритовъ Св.-Троицкаго монастыря) не протестовалъ противъ этого. Фундація Головчинскихъ,—Свинтыники и Пурвиники,—оставлены безъ вниманія вотъ уже около 50 лѣтъ, не смотря на множество декретовъ въ нашу пользу. Много начато дѣлъ о нашихъ имѣніяхъ, какъ-то: о Свиранахъ, о Залѣсьѣ и другихъ легаціяхъ и суммахъ, но дѣла эти ведутся съ такимъ равнодушіемъ, какъ будто-бы то, что клонилось къ упадку, касалось чужихъ, а не нашихъ интересовъ. Хозяйство въ нашихъ имѣніяхъ идетъ весьма дурно; строенія запущены и разрушаются; монастырь не реставрируетъ и своихъ зданій: какъ первые отцы наши сколотили намъ кой-какой монастырышко на пожертвованныя деньги, въ такомъ видѣ онъ и теперь существуетъ. Духовный порядокъ также часто нарушается между нами и часъ отъ часу все уменьшается число достойныхъ людей, такъ что и простые монахи и братія едва-едва держатся. Кто можетъ описать всѣ эти бѣдствія и неудачи, эту утрату прежняго порядка и благопроцвѣтанія? Нѣтъ между нами ни одного такого, кто бы могъ найти средство привесть монастырь въ прежній порядокъ. Причина этой кары Божіей на насъ заключается, кажется, въ томъ, что мы, бросивши хорошіе порядки, установленные Рутскимъ, взялись за собственныя выдумки и, заносчиво соревнуя другъ другу въ соискательствѣ высшихъ должностей въ орденѣ, привели въ монастырь лишь безпорядокъ и замѣшательство, и обра-

тились къ прежнимъ схизматицкимъ обычаямъ, пагубнымъ для этого мѣста. Такъ, напр., у нихъ (православныхъ) можно было всякому, кто бы только не пожелалъ, выпрашивать у королей привилеи на управленіе этимъ монастыремъ, какъ собственностью:—такъ начинаютъ дѣлать и теперь. Нѣкоторые изъ нашихъ прелатовъ, уничтоживши дарованное намъ королями право свободнаго избранія настоятеля, безъ нашего вѣдома, получаютъ привилеи на земскія фундаціи,—на имѣнія, записанныя монахамъ, а не архимандритамъ, и для общаго пользованія; дѣлаются самовластными господами и пожизненными распорядителями ихъ, и содержа при себѣ множество свѣтскихъ лицъ, заботятся болѣе о своихъ частныхъ интересахъ, а не о славѣ Божіей. Въ имѣніяхъ монастырскихъ держатъ своихъ управляющихъ, монастыремъ же управляетъ то орденъ, то архимандритъ чрезъ своего старшаго, или намѣстника, избираемаго на четыре года. Монастырь много терпѣлъ и терпитъ отъ этого двойнаго управленія, такъ какъ, съ одной стороны, управитель долженъ совмѣстно заботиться и объ интересахъ архимандрита и объ интересахъ монастыря; съ другой стороны, кратковременное четырехлѣтнее управленіе и власть архимандрита подрываютъ значеніе старшаго и отбиваютъ у него всякую охоту сдѣлать что-нибудь полезное для монастыря. Только слава одна, что четыре года исправлялъ обязанность старшаго! Не сдѣлавши ничего хорошаго ни для церкви, ни для монастыря, онъ передавалъ ихъ своему преемнику еще въ большемъ безпорядкѣ.—Преемникъ, также извиняясь тѣмъ, что ничего не могъ сдѣлать изъ-за архимандрита, въ свою очередь оставлялъ монастырь на волю Божію".

Отпоръ, данный троицкими базиліанами Бѣлозору и Жолкевскому, надолго отбилъ охоту у прелатовъ уніатскихъ

посягать на независимость Св.-Троицкаго монастыря. Въ 1767 г. еще разъ сдѣлана была попытка со стороны уніатскихъ епископовъ Млодовскаго, Смогоржевскаго и Шептицкаго возстановить архимандріи Виленскую, Минскую, Тороканскую, Лавришевскую и Пустынскую—Мстиславскую, съ каковою цѣлью упомянутые епископы выхлопотали было и привилеи для своихъ кліентовъ, которыхъ они хотѣли посвятить въ архимандриты для вышеупомянутыхъ монастырей. Какъ только узнали объ этомъ базиліане, тотчасъ же подали протестацію въ нунціатуру, откуда послано строгое предостереженіе епископамъ, чтобы они не смѣли приводить въ исполненіе своихъ незаконныхъ распоряженій. Такимъ образомъ, замѣчаетъ авторъ базиліанскаго „Дневника", благодаря вмѣшательству въ это дѣло нунціатуры, *новые* наши архимандриты „сѣли какъ раки на мели",— такъ и остались „номинальными" архимандритами безъ архимандрій, не успѣвши даже получить посвященія епископскаго въ санъ архимандрита, за исключеніемъ нашего протоархимандрита ксендза Бѣлинскаго, котораго епископъ Шептицкій поторопился посвятить, до полученія запрещенія изъ нунціатуры, на Лавришевскую архимандрію [119]). Это была, кажется, послѣдняя попытка на возстановленіе Виленской архимандріи. Троицкіе базиліане зажили съ этихъ поръ мирною жизнію.

Къ числу „хорошихъ порядковъ", введенныхъ Рутскимъ въ Св.-Троицкомъ монастырѣ, нужно отнести учрежденіе здѣсь перваго базиліанскаго новиціата. Намъ уже извѣстна цѣль, съ какою задумано было Рутскимъ преобразованіе уніатскаго монашества въ правильно организованное, по образцу латинскихъ монашескихъ орденовъ, общество подъ именемъ Базиліанскаго ордена. Ордену этому предназнача-

119) Дневникъ Св.-Троицкаго монастыря, стр. 317.

лась такая же миссія въ уніатской церкви, какую принялъ на себя и такъ блестяще выполнилъ въ римской церкви іезуитскій орденъ. Іезуитскій орденъ достигъ всесвѣтной славы и могущества посредствомъ науки и воспитанія юношества, такимъ же путемъ хотѣлъ возвысить и прославить свой орденъ на Руси Рутскій. „Орденъ нашъ, говорилъ Рутскій на первой базиліанской конгрегаціи, не иначе можетъ преобразоваться, какъ только если дано будетъ имъ (т. е. монахамъ) воспитаніе и просвѣщеніе монашеское какъ въ духѣ, такъ и въ наукахъ". Эта цѣль достигалась учрежденіемъ новиціатовъ и школъ.

Намекъ на основаніе перваго базиліанскаго новиціата въ Троицкомъ монастырѣ находимъ въ секретномъ донесеніи базиліановъ папѣ 1624 г., гдѣ говорится, что по возвращеніи Рутскаго изъ Рима и водворенія, вмѣстѣ съ другими, въ Виленскомъ Троицкомъ монастырѣ, здѣсь жилъ новицій (т. е. Рутскій) съ другими новиціями [120]). Этотъ первый „новицій" (Рутскій) былъ и первымъ „магистромъ" другихъ новиціевъ, которыхъ онъ подготовлялъ къ будущей ихъ дѣятельности подъ руководствомъ двухъ опытныхъ іезуитовъ, какъ это мы видѣли выше. Такъ какъ Рутскій поступилъ въ Св.-Троицкій монастырь въ 1605 г., то и начало новиціата при Троицкомъ монастырѣ нужно отнести къ этому году. Изъ Св.-Троицкаго монастыря, по словамъ Якова Суши, распространялись колоніи базиліанскихъ юношей и по другимъ мѣстамъ. Такія колоніи Рутскій основалъ сначала въ Новогрудкѣ, потомъ въ Минскѣ, Жировицахъ и въ Бытенѣ [121]). Подтверждаетъ это свидѣтельство Якова Суши

---

120) Труды Кіев. д. Акад. 1870 г. т. 11, стр. 458.

121) Письмо Якова Суши къ секретарю конгрегаціи распространенія вѣры. См. Труды Кіев. д. Акад. 1870 г., т. II, стр. 458.

о Св.-Троицкомъ монастырѣ, какъ разсадникѣ базиліанскаго ордена, и авторъ Меморіала. „Монастырь этотъ ревностными стараніями благочестиваго отца (Рутскаго), будучи украшенъ достойными людьми и хорошими порядками, сдѣлался разсадникомъ и опорою всего ордена, такъ что, по отдѣленіи нашихъ отъ дизунитовъ, когда почти всѣ монастыри были пусты, онъ одинъ, изобилуя людьми, крѣпко противостоялъ схизмѣ, разсылая братію свою по другимъ монастырямъ и насколько возможно удерживая за собою опустѣлыя мѣста". Новиціатъ при Св.-Троицкомъ монастырѣ продолжалъ свое существованіе до взятія Вильны русскими войсками въ 1655 г. Одною изъ главныхъ причинъ прекращенія существованія Виленскаго новиціата были неурядицы въ Троицкомъ монастырѣ во время управленія имъ „привиллегированными" архимандритами. На Брестской конгрегаціи, состоявшейся въ 1666 г. подъ предсѣдательствомъ нунція, по поводу нестроеній въ базиліанскомъ орденѣ, нунцій прямо заявилъ, что причина закрытія новиціата (въ Вильнѣ)—умноженіе архимандрій новыхъ, доходы которыхъ обращаются въ пользу архимандритовъ, а не монаховъ. Если же будетъ уничтоженъ новиціатъ, сказалъ нунцій, и науки,—эти два источника, которыми питается и возрастаетъ орденъ,—то неизбѣжно придется уничтожить и самый орденъ" [122]). Митрополитъ Антоній Сѣлява, особенно способствовавшій размноженію новыхъ архимандрій и тѣмъ способствовавшій закрытію новиціата въ Вильнѣ, завѣщалъ на Виленскій новиціатъ 25,000 злотыхъ съ тѣмъ, чтобы 1) никто не осмѣливался, подъ угрозою страшнаго суда Божія, обращать эту сумму на что-нибудь другое, кромѣ воспитанія новиціевъ; 2) чтобы на проценты отъ этой суммы содержались въ новиціатѣ десять юношей новиціевъ, имѣю-

[122]) Конгрегація Брестская 1666 г. сесс. 1.

щихъ вступить въ орденъ, и два старшихъ надъ ними монаха; 3) чтобы въ часовнѣ новиціатской каждую четверть года была совершаема заупокойная литургія [123]). Сумма эта, отданная еще при жизни Сѣлявы подъ залогъ Марціану Воловичу, виленскому земскому писарю, была уплочена монастырю послѣ долгихъ споровъ и процессовъ въ первыхъ годахъ XVIII ст. Новиціатъ Виленскій не былъ возстановленъ еще и въ 1713 г., такъ какъ конгрегація, бывшая въ этомъ году въ Вильнѣ, напоминала Троицкимъ базиліанамъ, чтобы они возстановили его, если это будетъ возможно [124]).

Кромѣ новиціата при Св.-Троицкомъ монастырѣ существовала до позднѣйшихъ временъ „Богословская школа" (studia theologica monastica), предназначенная исключительно для обученія монаховъ. О существованіи этой школы упоминается въ монастырскомъ „Дневникѣ" подъ 1760 г. Въ этомъ году, по случаю пожара въ Вильнѣ, истребившаго между прочимъ и Троицкій монастырь, кромѣ церкви, школа была перенесена временно въ Жировицкій монастырь, а по возобновленіи Троицкаго монастыря въ 1761 г. опять перенесена была на свое мѣсто. Съ 1750 г. троицкіе базиліане содержали еще „конвиктъ" для четырехъ бѣднѣйшихъ шляхтичей (изъ фамиліи Саваневскихъ, Пигловскихъ или Коллонтаевъ), на содержаніе которыхъ пожертвовано было графомъ Гавріиломъ Шанковскимъ—Саваневскимъ имѣніе Шанкополь или Войчаны, въ Виленскомъ воеводствѣ, въ Мѣдникской парафіи. Конвиктъ этотъ долженъ былъ находиться подъ управленіемъ „презеса", избираемаго старшимъ изъ Троицкихъ базиліанъ. Презесъ долженъ былъ

---

[123]) Подлинная запись хранится въ монаст. архивѣ. Summariusz стр. 14—15. Арх. Сб. т. X, стр. 67.

[124]) Конгрегація Виленская 1713 г. сес. 5.

обучать пауперовъ латинскому и польскому языкамъ и скорописи. Сверхъ этихъ четырехъ „конвикторовъ“ виленскіе базиліане содержали на монастырскія средства 16 „пауперовъ“ (pauperi), т. е. дѣтей бѣднѣйшей шляхты. Конвикторы обучались въ „повѣтовой“ школѣ, открытой виленскими базиліанами при Св.-Троицкомъ монастырѣ, по распоряженію унитскаго начальства, вскорѣ послѣ закрытія временнаго военнаго госпиталя, устроеннаго въ 1830 г. въ Св.-Троицкомъ монастырѣ для холерныхъ солдатъ. Пауперовъ обучалъ особый учитель элементарнымъ наукамъ; болѣе успѣвающіе пауперы посѣщали классы повѣтовой школы. (Дѣло за 1830 г. № 21) [125]).

Для дальнѣйшаго образованія виленскіе базиліане посылали своихъ молодыхъ монаховъ въ Папскій Алюмнатъ и въ Главную Семинарію въ Вильнѣ. Папскій Алюмнатъ основанъ въ Вильнѣ папою Григоріемъ XIII въ 1582 году, стараніемъ Поссевина, для русскаго юношества, готовящагося къ духовному званію. Алюмнатъ помѣщался въ особомъ зданіи, рядомъ съ р.-католическою епархіальною семинаріею, въ Епископской улицѣ, недалеко отъ епископскаго палаца (нынѣ ген.-губ. дворецъ). Какъ Алюмнатъ, такъ и семинарія находились въ вѣдѣніи іезуитовъ. На особыя средства, отпускаемыя папами, въ Алюмнатѣ воспитывались 20 клириковъ уніатскихъ: 4 изъ базиліанскаго ордена и 16 изъ бѣлаго духовенства. По уничтоженіи іезуитскаго ордена въ 1773 г., папскій Алюмнатъ въ Вильнѣ перешелъ въ вѣденіе Троицкихъ базиліанъ [126]). Базиліане, систематически стремившіеся къ нравственному и умственному приниженію бѣлаго уніатскаго духовенства, довели до крайняго упадка и этотъ почти единственный разсадникъ про-

[125]) Инвентарь 1837 г. стр. 229.

[126]) Балинскій, Dawna Akademia Wileńska, стр. 81.

свѣщенія для бѣлаго уніатскаго духовенства. Вотъ что между прочимъ отвѣчалъ Брестскій уніатскій капитулъ на одинъ изъ запросныхъ пунктовъ епископа Іосафата Булгака: „Памятникомъ притѣсненій и грабежей, причиненныхъ свѣтскому (уніатскому) клиру орденомъ (базиліанскимъ) служитъ папскій Алюмнатъ въ Вильнѣ, въ которомъ воспитывались дѣти священниковъ изъ разныхъ епархій. Бывшій ректоръ Алюмната, нынѣ архимандритъ Лещинскаго монастыря, съ цѣлью закрыть и этотъ единственный разсадникъ просвѣщенія, репортовалъ послу св. отца въ Варшавѣ, что по случаю неполученія изъ Рима денегъ на содержаніе Алюмната, онъ сдѣлалъ заемъ въ 60 т. злотыхъ, для покрытія котораго онъ не находилъ лучшаго средства, какъ продать зданіе Алюмната и распустить клириковъ. Это было въ 1799 г. Когда дѣло о продажѣ этого дома поступило въ Сенатъ, оному ректору приказано было дать отчетъ, на что онъ употребилъ занятую имъ сумму. Онъ этого не исполнилъ, потому что Алюмнатъ не былъ обремененъ никакими долгами. За это онъ не наказанъ и понынѣ, а домъ семинарійскій приказано отдать Виленскому университету [127]).

О духѣ и направленіи, въ какомъ воспитывалось бѣлое уніатское духовенство въ Виленскомъ папскомъ Алюмнатѣ подъ руководствомъ базиліанъ, дѣлаетъ слѣдующую замѣтку въ своихъ запискахъ митрополитъ Іосифъ Сѣмашко: „Свѣтское духовенство уніатское, получившее образованіе въ папскомъ Алюмнатѣ подъ руководствомъ базиліанъ, причинилось наиболѣе къ распространенію нововведеній, уніатское исповѣданіе совершенно измѣнившихъ. И дѣйствительно, вторая половина прошлаго столѣтія была главнымъ театромъ таковыхъ измѣненій. Тутъ волей и неволей обрили священникамъ бороды, сняли ихъ прежнія рясы; тутъ ввели нѣ-

[127]) Рукопись, принадлежащая М. О. Кояловичу,

которые римскіе обряды и праздники“ [128]). Неудивительно послѣ этого, что Вильна, въ которой, по словамъ даже польскихъ историковъ было въ XV вѣкѣ около 20 православныхъ церквей и преобладающее населеніе было православно-русское [129]), въ концѣ XVIII вѣка могла быть названа, по словамъ митрополита Іосифа Сѣмашко, „столицею католицизма въ сѣверо-западномъ краѣ“; православныхъ жителей въ концѣ этого (XVIII) вѣка въ ней считалось всего 41, числившихся при единственной тогда православной Св.-Духовской церкви [130]), а уніатовъ, по свидѣтельству митрополита Іосифа Сѣмашки, въ первой четверти нынѣшняго столѣтія ни въ Вильнѣ, ни въ ея окрестностяхъ и вообще во всей сѣверо-западной части Виленской губерніи почти вовсе не имѣлось [131]).

Послѣ присоединенія западно-русскаго края къ Россіи Виленскіе базиліане обнаружили враждебное отношеніе къ своему отечеству, между прочимъ, распространеніемъ ложно-баснословныхъ политическихъ извѣстій. „Монашескіе уставы, пишетъ 1799 г. Брестскій уніатскій епископъ Іосафатъ Булгакъ настоятелю Св.-Троицкаго монастыря, предписываютъ инокамъ не вдаваться ни въ какія мірскія сплетни, не слушать ихъ и самимъ не распространять. Между тѣмъ

---

128) Т. 1, стр. 35.

129) Крашевскій, Wilno... т. 3, стр. 61.

130) Прошеніе, поданное игуменомъ Виленскаго Св.-Духова монастыря Даніиломъ (1797 г.) въ Св. Синодъ о жалкомъ состояніи сего монастыря. По вѣдомости, приложенной къ этому прошенію, при единственной въ это время въ Вильнѣ православной св.-Духовской монастырской церкви числилось прихожанъ „37 мужескаго и 6 женскаго пола“. Дѣло, начав. 1795 г., № 99, хранится въ архивѣ Литовской духовной Консисторіи.

131) См. Записки, т. 1, стр. 42.

гражданское правительство въ Литвѣ усмотрѣло, что монахи (базиліане) въ письмахъ своихъ распространяютъ ложнобаснословныя политическія извѣстія; вслѣдствіе чего гражданскій губернаторъ литовскій обязалъ предписать настоятелямъ монастырей, чтобы они зорко слѣдили за письменною корреспонденціею монаховъ, въ которой больше всего и распространяются самыя нелѣпыя ложныя извѣстія политическія [132])". Политическая и нравственная распущенность Виленскихъ базиліанъ все болѣе и болѣе усиливалась и наконецъ обратила на себя серіозное вниманіе тогдашнихъ русскихъ властей въ Вильнѣ. „Посредствомъ гражданскаго начальства дошли до меня частныя свѣдѣнія, писалъ литовскій уніатскій епископъ Іосифъ Сѣмашко настоятелю Св.-Троицкаго монастыря Виктору Босяцкому,—будто монашествующіе, управляемой вами обители замѣчаются въ разныхъ неприличныхъ поступкахъ, ведутъ развратную жизнь, состоятъ въ непозволительныхъ связяхъ съ тамошними монахинями базиліанками, не привержены къ богослуженію по обряду грековосточныя церкви и онаго не наблюдаютъ, пропускаютъ воспоминаніе царской фамиліи на эктеніяхъ" [133]). Іосифъ Сѣмашко, жившій въ это время вдали отъ Вильны, въ м. Жировицахъ, не вполнѣ повѣрилъ первымъ дошедшимъ до него свѣдѣніямъ о такомъ состояніи Троицкаго монастыря; но когда „толки" и „доносы" стали доходить до него все чаще и чаще и отъ разныхъ лицъ, онъ вынужденъ былъ отправить довѣренное лицо Антонія Зубко, (впослѣдствіи епископа минскаго) для ревизіи монастыря. Ревизія, произведенная этимъ лицомъ въ октябрѣ 1836 г., подтвердила эти „толки и доносы". Въ виду вышеизложенныхъ обстоя-

---

[132]) Сборникъ указовъ, предписаній и т. п. 1797—1799 г хранится въ монастырскомъ архивѣ.

[133]) См. Дѣло св.-Троицкаго монастыря за 1835 г. № 18.

тельствъ, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ явилась мысль о закрытіи Виленскаго Св.-Троицкаго монастыря. Вопросъ этотъ вмѣстѣ съ секретнымъ дѣломъ о Виленскихъ базиліанахъ былъ переданъ министромъ внутреннихъ дѣлъ на разсмотрѣніе литовскаго уніатскаго епископа Іосифа Сѣмашко. Не смотря на все свое нерасположеніе къ базиліанамъ вообще, въ которыхъ онъ видѣлъ самыхъ ярыхъ противниковъ задуманнаго имъ возсоединенія уніатовъ съ православною церковью, и въ частности къ Виленскимъ базиліанамъ [134]), Іосифъ Сѣмашко не вполнѣ раздѣлялъ мысль

---

[134]) Вотъ какъ описываетъ въ своихъ запискахъ Іосифъ Сѣмашко, тогда еще молодой уніатскій клирикъ, оказанный ему пріемъ въ Виленскомъ св.-Троицкомъ монастырѣ. По окончаніи курса въ Немировской гимназіи Іосифъ Сѣмашко былъ отправленъ родителями въ Жидичинъ къ Луцкому уніатскому епископу Іакову Мартусевичу, обѣщавшему отправить его въ главную семинарію въ Вильнѣ на „казенный коштъ". Въ Жидичинѣ, говоритъ Іосифъ Сѣмашко, преосвященный Іаковъ принялъ меня какъ сына, облачилъ сей же часъ въ уніатское, т. е. латинское одѣяніе и отпустилъ въ Вильну съ двумя уніатскими монахами базиліанами. Я до того времени не зналъ, не видалъ базиліанскихъ монаховъ; не зналъ и ихъ систематической борьбы противу бѣлаго уніатскаго духовенства. Между тѣмъ съ моими товарищами пути я по необходимости прибылъ въ Виленскій св.-Троицкій монастырь. Мнѣ не отказали въ братской трапезѣ; но я замѣчалъ, что на меня какъ то косились и отъ меня сторонились. На третій день настоятель Каминскій призываетъ меня и безъ околичностей объявляетъ, что по принятому обыкновенію гостя держатъ только три дня и я долженъ искать новаго помѣщенія. Признаюсь, это не показалось мнѣ ни вѣжливымъ, ни человѣколюбивымъ. Между тѣмъ я не могъ поступить въ зданія Главной семинаріи еще не совсѣмъ устроенныя. Бывшій тогда въ Вильнѣ викарный епископъ Адріанъ Головня сдалъ меня на руки засѣдателя консисторіи свящ.

о закрытіи въ Вильнѣ Св.-Троицкаго монастыря и вотъ по какимъ причинамъ: „Съ моей стороны думаю, писалъ Іосифъ Сѣмашко въ своей запискѣ отъ 18 февраля 1837 г. по поводу вышеупомянутаго „секретнаго дѣла“, думаю, что не слѣдуетъ истреблять хотя бы и базиліанскихъ русскихъ памятниковъ въ Вильнѣ, гдѣ 200 лѣтъ тому назадъ находилось 37 (?) русскихъ церквей; напротивъ я думалъ бы, чтобы Виленскій базиліанскій монастырь могъ быть орудіемъ возстановленія здѣсь впослѣдствіи древняго православія, какъ былъ до сихъ поръ орудіемъ истребленія онаго. Имѣніе сему монастырю подано первоначально въ 1613 г. извѣстнымъ ревнителемъ папизма уніатскимъ митрополитомъ Іосифомъ Вельяминомъ Рутскимъ въ возблагодареніе, какъ самъ изъясняетъ, Всевышнему, что его призвать соблаговолилъ отъ еретическаго невѣрія къ истинной римско-католической вѣрѣ и къ базиліанскому ордену, съ тѣмъ условіемъ, что въ случаѣ отпаденія отъ римской церкви, монастырь долженъ потерять и записанное имѣніе. Посему я полагалъ бы оставить попрежнему отлично построенный обширный и хорошую церковь имѣющій, каменный Виленскій базиліанскій монастырь, но только съ небольшимъ числомъ монашествующихъ, кои бы поддержали до времени русскій характеръ сей обители и способствовали хорошему направленію находящагося при ней свѣтскаго училища, а съ тѣмъ вмѣстѣ отдать сей монастырь въ непосредственное управленіе самаго епископа литовскаго Іосифа и симъ приготовить на-

---

Фалевича и я прожилъ въ его комнатѣ цѣлую недѣлю, ложась спать на полу у его кровати. Между тѣмъ подивитесь судьбамъ Провидѣнія. Въ монастырѣ Троицкомъ, изъ котораго меня такъ невѣжливо выпроводили, я жилъ въ послѣдствіи какъ начальникъ епархіи; его имѣніе поступило въ пособіе къ моему содержанію“... Т. 1, стр. 11—12.

значеніе въ Вильну православнаго архіерея, который, по моему мнѣнію, здѣсь нужнѣе чѣмъ въ Ригѣ и въ Варшавѣ". Мнѣніе Іосифа Сѣмашко было уважено.

Въ 1840 г., при окончательномъ устройствѣ возсоединенныхъ епархій въ іерархическомъ отношеніи, архіепископу Іосифу и его преемникамъ назначено имѣть каѳедру въ Вильнѣ съ званіемъ священно-архимандрита Виленскаго Св.-Троицкаго монастыря. Троицкій монастырь, не смотря на то, что уже былъ назначенъ мѣстопребываніемъ православнаго архіерея, произвольно былъ занимаемъ подъ казематы для политическимъ преступниковъ, и только вслѣдствіе сильнаго оффиціальнаго представленія (1841 г. 3 февраля № 121) Іосифа на имя высшей власти въ краѣ о томъ, что „неприлично православному архіерею помѣщаться между политическими преступниками или отдавать подъ арестантовъ свой домъ, тогда какъ изъ трехъ домовъ прочихъ виленскихъ иновѣрныхъ епископовъ ни одинъ не обращенъ къ подобному назначенію, а также вслѣдствіе особаго высочайшаго о томъ повелѣнія, монастырскія помѣщенія окончательно освободились отъ арестантовъ. Ближайшее знакомство архіепископа Іосифа, во время пребыванія его въ Вильнѣ, съ положеніемъ Св.-Троицкаго монастыря, измѣнили его взглядъ на необходимость и пользу дальнѣйшаго существованія этого монастыря; нашелъ онъ также неудобнымъ и обращеніе зданій монастырскихъ въ архіерейскій домъ. Въ это время у Іосифа созрѣлъ планъ перенесенія изъ Жировицъ въ Вильну духовной семинаріи, для помѣщенія которой онъ не находилъ болѣе удобнаго зданія, какъ Троицкій монастырь, дальнѣйшее существованіе котораго съ перенесеніемъ въ Вильну семинаріи, казалось Іосифу излишнимъ. Въ этомъ смыслѣ сдѣлано было Іосифомъ представленіе (21 января 1842 г. № 84) оберъ-прокурору Св. Синода графу

Протасову. „Я предполагалъ бы, говоритъ Іосифъ въ этомъ представленіи, упразднить Виленскій Св.-Троицкій монастырь, какъ излишній; существованіе его нужно развѣ потому, что, по указу Св. Синода, мнѣ и преемникамъ моимъ, Литовскимъ епископамъ, присвоено званіе священноархимандрита Св.-Троицкаго монастыря. Если бы Св. Синодъ призналъ возможнымъ устранить сіе послѣднее обстоятельство, то Виленскій Св.-Троицкій монастырь слѣдовало бы закрыть совершенно и зданіе онаго съ церковью обратить или на помѣщеніе въ свое время епархіальной семинаріи, или архіерейскій домъ. Впрочемъ это послѣднее назначеніе, по огромности зданій, едвали не было бы въ тягость архіереямъ безъ особыхъ средствъ на ихъ содержаніе“ [135]). Это предположеніе Іосифа не могло вполнѣ осуществиться. Архіепископу Іосифу и его преемникамъ присвоено отнынѣ званіе священно-архимандрита Св.-Духова монастыря, Св.-Троицкій же монастырь былъ перечисленъ (въ 1845 г.) въ третьеклассный монастырь съ незначительнымъ числомъ монаховъ, съ обращеніемъ большей части его зданій подъ помѣщеніе духовной семинаріи, которая и была перенесена сюда изъ Жировицъ въ 1845 году, 8 сентября. Закрыть совершенно Св.-Троицкій монастырь найдено неудобнымъ отчасти потому, что штатное содержаніе ректора (400 р.) оказалось очень скуднымъ, и потому признано необходимымъ должность ректора соединить съ званіемъ настоятеля монастыря и судьбу семинаріи связать съ Св.-Троицкимъ монастыремъ.

Литовская духовная семинарія, взлелѣянная заботами мудраго администратора и архипастыря, воспитала уже цѣлое поколѣніе людей, довершившихъ великое дѣло возста-

---

[135]) Историческая записка о Литовской духовной семинаріи, протоіерея Іоанна Котовича.

новленія древняго православія въ Литовско-русскомъ краѣ: нѣкоторыя изъ нихъ (священники Ранацкій, Ирэкоповичъ) свою преданность православію и русской народности въ этомъ краѣ запечатлѣли мученическою смертью во время латинопольской смуты въ 1863 г.

Женскій монастырь при Св.-Троицкой церкви.

О православномъ дѣвичьемъ монастырѣ въ Вильнѣ сохранилось весьма немного свѣдѣній и то весьма неполныхъ. Эта неполнота свѣдѣній объясняется отчасти тѣмъ, что этотъ монастырь существовалъ не отдѣльно и не самостоятельно вполнѣ, а находился при мужскомъ монастырѣ и поэтому какъ бы затемнялся этимъ послѣднимъ. Мало свѣдѣній сохранилось объ этомъ монастырѣ главнымъ образомъ еще и потому, что всѣ грамоты и различныя бумаги, принадлежавшія этому монастырю, погибли въ 1655 г. въ рѣкѣ Вильѣ при взятіи Вильны войсками Алексѣя Михайловича, какъ это видно изъ заявленія, сдѣланнаго 20 сентября 1655 г. настоятельницею Виленскаго женскаго базиліанскаго монастыря при церкви Св. Тройцы въ Ошмянскомъ гродскомъ судѣ [1]).

Составитель вѣдомости за 1829 г. о состояніи уніатскаго женскаго монастыря при Св.-Троицкой церкви въ Вильнѣ говоритъ, на основаніи Нѣсецкаго, что этотъ монастырь основанъ въ концѣ XVI в. или въ началѣ XVII вѣка Павломъ Стефаномъ Сапѣгою. Мнѣніе это, противорѣчащее нѣкоторымъ историческимъ фактамъ, открытымъ въ послѣднее время, не заслуживаетъ вниманія.

Гораздо большаго вниманія заслуживаетъ мнѣніе уніатскаго писателя Стебельскаго, по словамъ котораго, женскій монастырь при Св.-Троицкой церкви существовалъ, по народному преданію, съ давнихъ поръ, что около 1520 г., по свидѣтельству Валицкаго, въ этомъ монастырѣ, устроен-

---

[1]) Документъ этотъ хранится въ архивѣ Виленскаго св.-Троицкаго монастыря.

номъ по уставу Св. Василія Великаго, жила Екатерина, дочь Яна Симоновича Сапѣги (сначала подляскаго воеводы, потомъ канцлера и гетмана, наконецъ наивысшаго маршалка в. кн. Литовскаго) и жены его Елизаветы Карчевской. Когда и кѣмъ основанъ этотъ монастырь неизвѣстно; выраженіе Стебельскаго: „съ давнихъ временъ“ и равносильное этому выраженіе Крашевскаго: „панны базиліанки поселены около 1600 г. на мѣстѣ стариннаго дѣвичьяго монастыря при церкви Св. Троицы“, даютъ понять, что этотъ монастырь основанъ гораздо ранѣе 1520 г. По словамъ Стебельскаго, и дѣвичій монастырь при Св.-Троицкой церкви, подобно мужскому при той же церкви, былъ забытъ и оставленъ вслѣдствіе „отщепенства“, принесеннаго изъ Греціи, и стоялъ въ запустѣніи въ продолженіи долгаго времени, пока около 1600 г. не возобновилъ и не поднялъ его Кіевскій митрополитъ Ипатій Потѣй вмѣстѣ съ виленскимъ (Троицкимъ) архимандритомъ Вельяминомъ Рутскимъ [2]). Что это мнѣніе уніатскаго писателя пристрастно, т. е. что этотъ монастырь и послѣ 1520 г. не оставался пустымъ вслѣдствіе „греческаго отщепенства“ (т. е. вслѣдствіе того, что онъ былъ православнымъ), это видно изъ грамоты Сигизмунда III, данной въ 1589 г. іюля 21 дня православнымъ мѣщанамъ г. Вильны о порядкѣ братства ихъ при церкви Св. Троицы. Въ этой грамотѣ между прочимъ говорится, что православное братство ежегодно, по мѣрѣ своихъ средствъ, должно давать „черницамъ и черницамъ въ каждомъ тыдню (недѣля) на страву“ (пищу). Такъ какъ братство это находилось при Св.-Троицкой церкви, при которой находился и женскій монастырь, и такъ какъ въ это время не было въ Вильнѣ другаго женскаго монастыря православнаго, то подъ „черницами“ можно разумѣть только

[2]) Стебельскій, Żywoty s. Parascewii... ч. II, стр. 235.

монахинь Троицкаго монастыря. Да и странно было бы предположить, чтобы въ Вильнѣ, въ этой столицѣ и гнѣздѣ греческаго отщепенства, какъ выражались латинскіе и уніатскіе писатели [3]), могъ опустѣть женскій монастырь. Не въ концѣ XVI вѣка и не вслѣдствіе своего „отщепенства", какъ говоритъ Стебельскій, а опустѣлъ онъ въ началѣ XVII в., когда по волѣ Сигизмунда III былъ окончательно отнятъ у православныхъ Троицкій монастырь отщепенцемъ отъ вѣры отцевъ Ипатіемъ Потѣемъ. Въ это время нужно полагать православныя инокини покинули свой древній монастырь и основали новый монастырь въ предѣлахъ нынѣшняго Св.-Духова монастыря. Этотъ новый женскій монастырь назывался Благовѣщенскимъ по имени находившейся въ немъ церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Церковь эта, малая и ветхая, находилась по правой сторонѣ церкви Св.-Духова монастыря на обширномъ церковномъ дворѣ [4]). Такимъ образомъ Благовѣщенскій монастырь при Св.-Духовской церкви былъ непосредственнымъ преемникомъ Троицкаго женскаго монастыря. Этою преемственностію и объясняется то странное повидимому явленіе, что монахинямъ при церкви Св. Духа выдается изъ актовыхъ книгъ трибунала выпись заявленія объ утраченіи всѣхъ документовъ Троицкаго женскаго уніатскаго монастыря.

Если Благовѣщенскій монастырь былъ преемникомъ Троицкаго женскаго монастыря, то понятно, что утраченіе документовъ послѣдняго имѣло значеніе и для перваго, такъ какъ его документы до 1609 г. составляли собственность теперешняго православнаго женскаго монастыря, который лишился, какъ видно, своихъ документовъ, а вмѣстѣ съ ними и земель, пожертвованныхъ собственно православному

[3]) Тамъ же.

[4]) См. Wizerunki (Виленское изд.) т. 23, стр. 23, 24.

монастырю и доставшихся потомъ уніатскимъ монахинямъ. Крашевскій, неизвѣстно на какомъ основаніи, говоритъ, что Благовѣщенскій монастырь основанъ тоже Екатериною изъ Сапѣговъ [5]), которая жила, по свидѣтельству Стебельскаго, около 1520 г. въ Троицкомъ монастырѣ. Крашевскій очевидно смѣшалъ Екатерину, дочь *Яна* Сапѣги, воеводы подляскаго, жившую около 1520 г., съ Екатериною, дочерью *Павла* Сапѣги, подканцлера вел. кн. Литовскаго, бывшею настоятельницею Троицкихъ базиліанокъ, по просьбѣ которой король Владиславъ IV подтвердилъ особымъ привилеемъ (1630 г. іюня 30) всѣ права и фундуши, пожалованные въ разное время разными лицами дѣвичьему монастырю при церкви Св. Троицы въ Вильнѣ [6]). Благовѣщенскій женскій монастырь продолжалъ существовать до конца XVIII вѣка. Въ 1651 г. объ немъ упоминается въ духовномъ завѣщаніи жены виленскаго мѣщанина купца Павла Дороѳеича Акилины Стрилюдзянки, которая между прочимъ завѣщала 100 злотыхъ польскихъ монахинямъ при греческой церкви Св. Духа [7]). Продолжалъ существовать этотъ монастырь и въ 1756 г., какъ это видно изъ данной монахинямъ этого монастыря выписи заявленія о потерѣ всѣхъ документовъ, принадлежавшихъ монахинямъ Троицкаго монастыря. Въ 1795 г. Благовѣщенскій монастырь въ Вильнѣ былъ закрытъ, а монахини переведены въ Ильинскій Слуцкій монастырь [8]). Когда поселились при Св.-Троцкой церкви уніатскія монахини съ точностью неизвѣстно. По свидѣтельству Стебельскаго, уніатскій женскій монастырь возстановленъ былъ Вельяминомъ Рутскимъ около 1600 г.

[5]) Wilno, т. III, стр. 66.

[6]) Документъ этотъ напечатанъ въ Арх. сб. (Виленскомъ) т. X, стр. 268.

[7]) Wizerunki, т. 23, стр. 24.

[8]) Исторія Росс. Іерархіи т. III, стр. 538.

Но такъ какъ Св.-Троицкій монастырь окончательно отнятъ былъ у православныхъ въ 1609 г. и въ томъ же году Рутскій былъ назначенъ архимандритомъ этого монастыря и тотчасъ же по вступленіи въ эту должность окончательно ввелъ монашеское общежитіе по уставу Василія Великаго, то, вѣроятнѣе всего, въ томъ же году имъ возстановленъ былъ и женскій монастырь. Въ 1609 г. женскій базиліанскій монастырь уже несомнѣнно существовалъ и настоятельницею его была Варвара, дочь Богдана III Павловича Сапѣги, воеводы минскаго, и Марины Капустянки изъ князей Переяславскихъ, по смерти своего мужа постригшейся въ монашество подъ именемъ Василисы [9]). Какъ видно изъ привилея Владислава IV, даннаго Троицкимъ базиліанкамъ въ 1630 г., Василиса Варвара Сапѣжанка „реставрировала" этотъ монастырь, а по свидѣтельству Стебельскаго, построила каменный монастырь и увеличила средства дальнѣйшаго его существованія; при ея содѣйствіи дядя ея Левъ Сапѣга, воевода виленскій, гетманъ вел. кн. литов., пожертвовалъ этому монастырю имѣніе Дукшишки, прежде называвшееся Оцмяна Нарушевичевская. Около 1620 г. постриглась въ этотъ монастырь Ефросинія, дочь Григорія Тризны, слонимскаго маршалка, и Регины Богдановны Сапѣжанки, бывшая потомъ настоятельницею Бытенскаго женскаго базиліанскаго монастыря. Анастасія Тризнянка Завишина, воеводина витебская, пожертвовала виленскимъ базиліанкамъ каменный домъ Шимковскій на имбарахъ въ Вильнѣ. Около 1639 г. настоятельницею этого монастыря была Екатерина (въ мірѣ Евдокія), дочь Павла Сапѣги, подканцлера вел. кн. лит., и по ея просьбѣ данъ былъ монастырю Владиславомъ IV привилей, подтверждавшій всѣ права и фундуши,

[9]) Акты Юж. и Зап. Россіи, т. 2, № 33. Стебельскій, ч. II, стр. 235.

пожалованные монастырю и признанные предшественниками Владислава IV. Въ силу этого привилея всѣ дома и плацы, принадлежавшіе монастырю, освобождены отъ всякихъ налоговъ и повинностей, „во вниманіе къ ограниченности средствъ содержанія монастыря“, какъ сказано въ привилеѣ. Такимъ образомъ съ достовѣрностію можно сказать, что основательницами женскаго базиліанскаго монастыря были инокини изъ дома Сапѣговъ и что самыя богатыя пожертвованія получилъ этотъ монастырь отъ того же дома Сапѣговъ. Неудивительно поэтому, что благодаря такой сильной поддержкѣ со стороны столь могущественнаго и вліятельнаго дома Сапѣговъ монастырь этотъ получилъ громкую извѣстность; число инокинь быстро умножалось, такъ что этотъ монастырь сдѣлался разсадникомъ другихъ женскихъ уніатскихъ монастырей. Такъ напр., уніатскій митрополитъ Антоній Сѣлява, въ основанный имъ въ 1650 г. въ Минскѣ женскій монастырь при церкви Св. Духа начальницею (старшею) этого монастыря избралъ вышеупомянутую Екатерину Сапѣжанку, которая отправилась въ Минскъ съ тремя инокинями. Іосафатъ Кунцевичъ перевелъ изъ Троицкаго монастыря нѣсколько монахинь въ Полоцкъ для устройства тамъ женскаго базиліанскаго монастыря. Троицкій женскій монастырь и послѣ того, какъ овладѣли имъ уніаты, продолжалъ существовать рядомъ съ мужскимъ базиліанскимъ монастыремъ; ихъ раздѣляла между собою сначала деревянная ограда, а потомъ каменная стѣна, построенная въ 1777 г. Около этого же времени монастырь базиліанскъ былъ значительно расширенъ пристройкою каменнаго флигеля, примыкавшаго къ сѣверной стѣнѣ мужескаго монастыря, иждивеніемъ Важинской и Радивиловой. Въ женскомъ базиліанскомъ монастырѣ, до самаго конца его существованія не было особой церкви; къ богослуженію монахини ходили

въ Св.-Троицкую церковь черезъ калитку, находившуюся съ правой стороны отъ первыхъ входныхъ воротъ. Для болѣе удобнаго посѣщенія монахинями Св.-Троицкой церкви, въ 1792 г. была построена деревянная галлерея, которая шла изъ женскаго монастыря черезъ колокольню къ часовнѣ св. Луки [10]). Эта часовня принадлежала исключительно монахинямъ. Въ ней былъ устроенъ алтарь, въ ней же по временамъ совершалось для монахинь богослуженіе; большею же частью базиліанки слушали общее богослуженіе на хорахъ, половина которыхъ была отдѣлена деревянною рѣшеткою для органа и церковнаго оркестра, а другая—лѣвая для монахинь.

На хоры ходили черезъ часовню, въ которой было двое дверей: однѣ выходили въ Св.-Троицкую церковь и были завѣшиваемы шерстянымъ зеленымъ занавѣсомъ, другія вели на вышеупомянутую галлерею. Особаго церковнаго причта женскій монастырь никогда не имѣлъ. Виленскимъ базиліанкамъ принадлежало нѣсколько каменныхъ домовъ въ Вильнѣ и нѣсколько имѣній: Дукшишки, Ворня, Цымуты и др., всего 15 селъ. Всѣ имѣнія были отдаваемы въ аренду и приносили монастырю въ 1829 г. 5337 злотыхъ польскихъ (500 р.). Всѣхъ монахинь въ этомъ году вмѣстѣ съ настоятельницею было 12. Въ монастырѣ была библіотека, состоявшая изъ 299 книгъ попреимуществу аскетическаго содержанія и на польскомъ языкѣ; книгъ на славянскомъ языкѣ было всего 14 и при томъ богослужебныхъ, а не для чтенія. Всѣ монахини знали только польскій языкъ, нѣкоторыя изъ нихъ умѣли читать по-славянски, настоятельница знала кромѣ польскаго, французскій и нѣсколько русскій языкъ. Около 1826 г. стараніями настоятельницы Дамасцены Важинской открытъ былъ при монастырѣ пан-

[10]) См. Инвентарь за 1792 г.

сіонъ для дѣвицъ. Воспитаніе въ немъ отличалось чисто-свѣтскимъ направленіемъ. Обучали здѣсь Закону Божію, гражданской исторіи, чтенію, каллиграфіи, ариѳметикѣ, географіи, польскому, французскому и русскому языкамъ, музыкѣ, танцамъ, шитью и вышиванью. Обученіемъ занимались частію сами монахини, имѣвшія кромѣ того двухъ гувернантокъ, частію приходящіе учителя; преподавателями большей части предметовъ были троицкіе базиліане-монахи; для обученія музыкѣ, французскому языку и танцамъ приходили свѣтскіе учителя. Въ 1829 г. въ пансіонѣ было всего 43 воспитанницы; изъ нихъ 23 имѣли столъ и помѣщеніе въ монастырѣ съ платою за это, а 7 содержалось безплатно, 13 приходило только на уроки. Въ 1839 г. женскій базиліанскій монастырь вмѣстѣ съ мужскимъ были возсоединены съ православною церковію, а черезъ два года (въ Іюнѣ 1841 г.) женскій монастырь былъ упраздненъ, инокини были разосланы въ другіе православные монастыри, зданія же монастырскія со всѣмъ движимымъ и не движимымъ имуществомъ и капиталами отданы Виленскому каѳедральному собору [11]).

---

[11]) Дѣло Вилен. Св.-Троицкаго мон. 1841 г. № 8.

Трокская архимандрія.

Виленскому Св.-Троицкому монастырю съ давнихъ поръ принадлежала такъ называемая Трокская архимандрія.

Трокская архимандрія одна изъ древнѣйшихъ православныхъ святынь въ древней столицѣ Литовскихъ князей до Гедимина. Ея цвѣтущее состояніе въ началѣ, постепенный потомъ упадокъ и запустѣніе и наконецъ расхищеніе латинскими ксендзами и панами ея фундуша, пожалованнаго ей православными князьями и боярами литовскими, напоминаютъ вообще печальную судьбу всего православно-русскаго въ западно-русскомъ краѣ. Трокская архимандрія основана въ концѣ XIV ст. (въ 1384 г.), великимъ княземъ литовскимъ Витовтомъ. Этотъ князь построилъ въ Трокахъ двѣ церкви: одну во имя Рождества Христова, а другую во имя Рождества Пречистыя Богородицы съ монастыремъ. Обѣ эти церкви съ монастыремъ и составляли первоначально такъ называемую Трокскую архимандрію [1]). Впослѣдствіи къ ней принадлежала еще церковь св. Георгія Великомученика, основанная Сапѣгами на островѣ [2]).

Каждая изъ этихъ церквей имѣла извѣстный надѣлъ земли и разныя угодья, которые всѣ вмѣстѣ составляли фундушъ Трокской архимандріи. Витовтъ, „на просьбу и жодане княгини великое Ульяны“ пожаловалъ Пречистенской церкви часть трокскаго озера (Луку) и пустошь Мейловщину. Въ записи Витовта на этотъ фундушъ, представленной тивуномъ жмудскимъ Андреемъ Илкговскимъ въ три-

---

[1]) Собраніе грамотъ и актовъ гг. Вильны и Трокъ, Семенова, ч. II, № 55. Археогр. Сбор. т. V, № 10, 11.

[2]) Церковь эта (каменная) находилась между зданіями замка, развалины котораго сохранились и до настоящаго времени. Церковь эта служила усыпальницею рода Сапѣговъ.

бунал и внесенной въ трибунальныя книги въ 1535 г., между прочимъ сказано: „А въ тотъ монастырь и въ тую луку не маютъ се вступовати ни митрополитъ, а ни владыка, а ни воевода троцки, а игуменъ збожныхъ куницъ давати, а ни которыхъ подачокъ митрополиту... не знати ему никого, одно насъ господаря“ [3]). На основаніи этой записи Трокская архимандрія принадлежала къ числу королевскихъ бенефицій.

Въ 1568 г. княгиня Нелединская, урожденная Кунцовичъ, пожаловала Трокскому монастырю населенную деревню Янкишки [4]) въ Трокскомъ уѣздѣ, состоящую изъ двухъ участковъ земли, на которыхъ засѣвалось 15 бочекъ [5]). Съ 1528 г. королевскій подскарбій Иванъ Андреевичъ ежегодно давалъ Пречистенскому монастырю 70 копъ [6]) грошей литовскихъ и одну свѣчу къ иконѣ Божіей Матери, а съ 1554 г. онъ сталъ давать десятину съ имѣнія своего Вевья [7]) и Попортей; нѣсколько лѣтъ спустя Иванъ Андреевичъ десятину съ Попортей сталъ давать на церковь св.

---

[3]) Собр. актовъ гг. Вильны и Трокъ, ч. II, № 55.

[4]) Арх. сб. т. II, № 88.

[5]) Встарину количество земли большею частью измѣряли количествомъ высѣваемаго на ней хлѣба. Этотъ обычай сохранился и до нынѣ въ Западной Россіи. Самая большая мѣра сыпучихъ тѣлъ, какъ встарину, такъ и теперь, была бочка, только объемъ ея въ прежнія времена былъ больше нынѣшняго. Мѣра литовской бочки окончательно опредѣлена сеймовою конституціею 1766 г. Бочка состояла изъ 4-хъ четвертей; четверть—изъ 2-хъ осминъ; осмина изъ 2-хъ шестнастокъ; шеснастка изъ 9-ти гарнцевъ, употреблявшихся тогда въ шинкахъ. Арх. Сб. т. V стр. 58; № 21,

[6]) Копа грошей=60 грошей. Въ 1528 г. грошъ литовскій равнялся 7¼ копѣйкамъ (7,22). Словарь древ. актоваго языка, Горбачевскаго, стр. 146.

[7]) Акты гг. Вильны и Трокъ, № 55, ч. II.

Николая, построенную имъ въ этой же деревнѣ, а Пречистенскому монастырю назначилъ десятину съ Мигутянъ [8]).

Въ 1612 г. трокскій намѣстникъ Иванъ Бака, опекунъ Трокской архимандріи, завѣщалъ дѣтямъ своимъ, чтобы они ежегодно давали Пречистенскому монастырю копу грошей и двѣ бочки ржи, но это завѣщаніе, какъ видно изъ жалобы священника Филиппа Ивановича и позва трокскаго возного, не было исполнено ими [9]). Въ 1624 г. Иванъ Богдановичъ Сапѣга, съ согласія своихъ братьевъ, уступилъ Пречистенскому монастырю упомянутую выше церковь св. Георгія, построенную его предками на островѣ, съ принадлежащимъ къ ней фундушомъ, т. е. островъ на озерѣ Бражольскомъ, на которомъ засѣвалось около 4 бочекъ, и часть земли съ лѣсомъ и мельницею на рѣчкѣ Бражолѣ, между деревнями Величковымъ и Михнишками [10]). Церкви Рождества Христова принадлежало нѣсколько плацовъ въ г. Трокахъ и корчма, пожалованная ей Сигизмундомъ Августомъ (1538 г.) съ правомъ свободной продажи пива, меду и проч. [11]).

---

[8]) Арх. сб. т. V, № 2.

[9]) Акты г. Вильны и Трокъ, ч. II, 58.

[10]) Какъ великъ былъ этотъ фундушъ можно видѣть изъ протестація, поданной въ 1719 г. Вѣтринскимъ, Трокскимъ архимандритомъ, въ гродскій судъ Виленскаго воеводства противъ трокскаго подстаросты Станислава и войта Ивана, братьевъ Селяновъ, и другихъ чиновниковъ г. Трокъ, завладѣвшихъ этимъ фундушомъ. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ участковъ земли, на которыхъ засѣвалось 38 бочекъ. На 1 моргѣ (2|3 десятины=1600 квадратныхъ саж.) засѣвалось 2 осмины ржи. Арх. сб. т. V стр. 59.

[11]) Привилей на эту корчму приведенъ въ декретѣ трибунальнаго суда по жалобѣ трокскаго священника Филиппа Ивановича на Толоконского. Арх. сб. т. V, стр. 15; Акты г. Вильны и Трокъ, № 53, стр. 143.

Политическія неурядицы въ Литвѣ и Польшѣ были причиною того, что въ Трокскомъ монастырѣ иногда не было ни архимадрита, ни монаховъ, и потому монастырская собственность была расхищаема или мѣстными городскими властями, или сосѣдними землевладѣльцами. Въ 1584 г. опекуномъ Трокской архимандріи король назначилъ трокскаго тивуна Андрея Илковскаго. Онъ нашелъ Трокскую архимандрію въ самомъ жалкомъ положеніи. Какой то панъ Станиславъ Стравинскій отнялъ фундушъ Витовта Мейловщину, оставивъ монастырь безъ всякихъ средствъ къ существованію, такъ что всѣ монахи разбѣжались, жилъ только при церкви одинъ священникъ, да и тотъ, какъ сказано въ жалобѣ Илковскаго, поданной въ трибуналъ, не имѣлъ опредѣленнаго содержанія „и про велики недостатокъ свой мусилъ прочь отыти“ [12]). По ходу дѣла не видно, чтобы приняты были судомъ какія нибудь мѣры къ отнятію монастырской собственности у Станислава Стравинскаго. Спустя пять лѣтъ священникъ Василій Ѳеодоровичъ подалъ жалобу по этому дѣлу въ трокскій земскій судъ, который сдѣлалъ только напоминаніе пану Стравинскому о возвратѣ Мейловщины [13]). Пока Станиславу Стравинскому дѣлали только напоминаніе, онъ успѣлъ между тѣмъ передать Мейловщину своему наслѣднику Еразмусу Стравинскому. Около того же времени трокскій мѣщанинъ Толоконскій отнялъ плацы, на которыхъ были поселены 12 крестьянъ огородниковъ, принадлежавшихъ Рождественской церкви. По смерти священника Василія Ѳеодоровича, привилей на Трокскую архимандрію получилъ священникъ Филиппъ Ивановичъ Лимонтомъ. До прибытія его въ Троки ключи отъ церкви и монастыря были у подвоеводы Ивана Баки. При содѣйствіи

12) Акты г. Вильны и Трокъ т. II, № 55.
13) Тамъ же, № 56.

Баки Филиппъ Ивановичъ началъ процессъ въ трокскомъ земскомъ судѣ съ Еразмусомъ Стравинскимъ о Мейловщинѣ и съ Толоконскимъ о 12 огородникахъ. Процессъ съ Толоконскимъ кончился мировою сдѣлкою (1615 г.), по которой онъ уступилъ архимандріи только девять огородниковъ [14]). Въ 1622 г. тотъ же священникъ подалъ жалобу на пріора трокскаго доминиканскаго монастыря Зеленскаго, который велѣлъ сломать изгородь на церковныхъ огородахъ, захватилъ часть огорода, а дерево около (37 возовъ) велѣлъ свести въ свой монастырь.

Когда священникъ хотѣлъ остановить такое явное насиліе, ксендзы-монахи „прогнали его собаками" и пригрозили ему, что если онъ будетъ жаловаться на нихъ, то „отобьютъ ему руки и ноги". Жалоба эта, внесенная въ гродскія книги, осталась безъ послѣдствій. Въ началѣ XVII ст. Трокская архимандрія перешла въ руки уніатовъ, какъ это видно изъ передаточной записи трокскаго земянина Даніила Солтана [15]), по которой онъ уступилъ, вѣроятно съ согласія короля, свое право на эту архимандрію уніатскому митрополиту Іосифу Рутскому, который, еще въ бытность свою архимандритомъ Виленскаго Св.-Троицкаго монастыря посылалъ своихъ монаховъ въ Троки съ цѣлью насильно отнять у священника Филиппа Ивановича Трокскую архимандрію и присоединить ее къ Св.-Троицкому монастырю [16]), но встрѣтилъ сильный отпоръ. Рутскій передалъ Трокскую архимандрію въ вѣдѣніе учрежденнаго имъ базиліанскаго ордена. Православные жители Трокъ, противъ воли и желанія которыхъ совершилась эта передача древнѣйшей въ Литвѣ святыни въ руки враговъ православія, тотчасъ же

14) Арх. сб. т. V, № 11, 13.
15) Тамъ же, № 14.
16) Тамъ же, № 12.

извѣстили объ этомъ Виленское Св.-Духовское братство. Братство съ своей стороны употребило всѣ усилія къ возвращенію православнымъ этой святыни; въ 1624 г. съ разрѣшенія короля, она присоединена была къ Виленскому Св.-Духову монастырю [17]), но не надолго; базиліане, при содѣйствіи своего протоархимандрита Рафаила Корсака, впослѣдствіи митрополита, выхлопотали у Владислава IV привилей, по которому Трокская архимандрія навсегда уступалась базиліанамъ Виленскаго Св.-Троицкаго монастыря [18]). Съ переходомъ въ вѣдѣніе базиліанскаго ордена, Трокская архимандрія по прежнему принадлежала къ числу королевскихъ бенефицій съ тѣмъ только различіемъ, что право „презентовать" архимандрита, на основаніи привилея Владислава IV, принадлежало теперь исключительно уніатскому митрополиту. Уніатскіе митрополиты мало заботились о благосостояніи Трокской архимандріи. Почти въ теченіи всего XVII ст. они посылали туда своихъ арендаторовъ, которые и не думали содержать монаховъ, или давать порядочное содержаніе священнику [19]). Къ концу XVII в. монастырь Пречистенскій пришелъ въ ветхость, и въ 1713 г. совершенно разрушился; спустя нѣсколько времени архимандритъ Люцидъ Войниловичъ на разныя средства построилъ новый деревянный монастырь, но и онъ не долго просуществовалъ. Въ 1794 г., во время пожара, истребившаго г. Троки, сгорѣлъ и трокскій монастырь съ церковью [20]). Во время

17) Акты г. Вильны и Трокъ ч. II, № 59.

18) Тамъ же, № 60.

19) См. привилей Августа II данный архимандриту Пашковскому въ 1710 г. Арх. сб. № 21, стр. 54.

20) Объ этомъ говорится въ арендномъ контрактѣ архимандрита Сапоровича съ А. Ростовскимъ. Въ инвентарѣ Т. архимандріи, составленномъ 1709 года, упоминается только «церковище монастырское». Чье свидѣтельство вѣрнѣе, труд-

войны Августа II съ Карломъ XII большая часть Трокъ была обращена въ развалины; такой же участи подверглась и церковь Рождества Христова. Духовенство, какъ католическое, такъ и уніатское, не имѣя пристанища въ Трокахъ, разошлось по разнымъ мѣстамъ. Трокскіе доминиканцы воспользовались этими несчастными обстоятельствами для своихъ цѣлей. Чтобы затереть слѣды существованія въ Трокахъ православной, а потомъ уніатской церкви, они по возвращеніи въ Троки, не захотѣли основаться на своемъ старомъ пепелищѣ, а построили свой монастырь съ костеломъ на томъ мѣстѣ, гдѣ была Рождественская церковь и завладѣли плацами и огородами, принадлежавшими этой церкви въ Трокахъ. Левъ Залескій, тогдашній уніатскій митрополитъ, протестовалъ противъ такого насилія; при содѣйствіи администратора уніатской митрополіи архіепископа Винницкаго, по просьбѣ архимандрита Іосифа Сапоровича [21]), Августъ II подтвердилъ грамоты и привилеи, данные его предшественниками этой церкви на плацы и медовую корчму, на церкви и церковища, и вообще далъ право поискивать судебнымъ порядкомъ все, что было отнято у Трокской архимандріи. Іосифъ Сапоровичъ не успѣлъ завести надлежащаго процесса съ трокскими доминиканами, онъ скоро умеръ. Процессъ этотъ начатъ былъ архимандритомъ Вѣтринскимъ въ 1719 г. Внутренніе безпорядки въ Польшѣ и удаленіе Вѣтринскаго съ Трокской архимандріи пріостановили ходъ дѣла. Преемники Вѣтринскаго почему то ладили съ доми-

---

но рѣшить. Впрочемъ, если принять во вниманіе, что подлинность этого инвентаря была заподозрѣна одною изъ тяжущихся сторонъ въ процессѣ архим. Хрулькевича, такъ какъ подлинникъ его былъ затерянъ, а существовала только копія его (№ 21, стр. 52, 53), то первое свидѣтельство вѣроятнѣе.

[21]) Арх. сб. т. V, № 21.

никанами и невозобновляли начатаго имъ процесса. Въ 1794 г. сгорѣлъ Доминиканскій костелъ и монастырь. Пользуясь этимъ случаемъ, трокскій архимандритъ Амвросій Сынгаевскій хотѣлъ возстановить здѣсь церковь Рождества Христова. Когда узнали объ этомъ доминикане, они тотчасъ вошли въ сдѣлку съ „жидомъ караимомъ" и дозволили ему построить корчму, что и было тотчасъ исполнено Караимомъ. Тѣла умершихъ, покоившихся въ церковномъ склепѣ, были разбросаны евреемъ, а на ихъ мѣстѣ поставлены бочки съ пивомъ и водкой [22]). Частая смѣна архимандритовъ и владѣльцевъ смежнаго имѣнія Михнишекъ, принадлежавшихъ Виленской р.-католической консисторіи, была причиною того, что границы фундуша Трокской архимандріи затерялись и большая часть земель и угодій были захвачены сосѣдними владѣльцами, какъ это видно изъ процессовъ, веденныхъ трокскими архимандритами въ разныхъ судебныхъ мѣстахъ: съ татариномъ Айсомъ Ахматовичемъ (1590 г.), который завладѣлъ фундушомъ кн. Нелединской [23]), съ трокскимъ магистратомъ въ 1759—60 г., съ пріоромъ бернардинскимъ—съ бискупомъ Лопатинскимъ, съ помѣщиками Василевскимъ и канонникомъ Длусскимъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Какъ видно изъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Виленскаго Св.-Троицкаго монастыря, архимандритъ Сынгаевскій въ 1817 г. началъ процессъ съ староствомъ Бражольскимъ, прежніе владѣльцы котораго незаконно отняли въ разныя времена мельницу, лѣсъ, луга и островъ, принадлежавшіе Трокской архимандріи. Такъ какъ староство Бражольское перешло въ казну, а по Высочайше утвержденному положенію нельзя было производить размежеванія казенныхъ имѣній

[22]) Арх. сб. т. II, № 99.
[23]) Арх. сб. т. II, № 90.

съ частными владѣльцами безъ вѣдома и участія казенной палаты, то Сынгаевскій препроводилъ свою жалобу съ документами въ казенную палату, извѣстивъ ее въ тоже время, что имъ подано уже прошеніе въ Трокскій межевой судъ о размежеваніи съ сосѣдними владѣльцами. Казенная палата черезъ трокскій земскій судъ объявила архимандриту Сынгаевскому, что „граничное дѣло съ державою Бражоле можетъ производить узаконеннымъ порядкомъ, о чемъ дать знать граничному суду“.

Въ этотъ же судъ были препровождены и всѣ документы, представленные въ палату Сынгаевскимъ. Долго пришлось ходить этому дѣлу, подобно другимъ исковымъ дѣламъ архимандріи, по разнымъ межевымъ и граничнымъ судамъ, въ губернское правленіе, оттуда въ казенную палату и обратно, и такимъ образомъ проходило оно цѣлые десятки лѣтъ. Между тѣмъ помѣщикъ Василевскій успѣлъ нѣкоторые участки спорной земли заселить своими крестьянами, и процессъ становился болѣе сложнымъ. Въ такомъ положеніи находилось дѣло до 1847 г. Въ этомъ году настоятель Виленскаго Св.-Троицкаго монастыря архимандритъ Евсевій, видя еще новыя покушенія сосѣднихъ владѣльцевъ къ нарушенію границъ Трокской архимандріи и желая возвратить прежде отнятыя владѣнія, просилъ епархіальное начальство „содѣйствовать къ уничтоженію напередъ тѣхъ покушеній, дать ходъ дѣлу въ трокскомъ межевомъ судѣ, производившемуся объ отнятіи у разныхъ лицъ, незаконно завладѣвшихъ собственностью Трокской архимандріи“. Литовская духовная консисторія, въ 1853 году, снеслась по этому дѣлу съ разными присутственными мѣстами. По распоряженію гражданскаго начальства трокскій уѣздный землемѣръ Струсевичъ, въ присутствіи уѣзднаго стряпчаго, становаго пристава, лѣсничаго, тяжущихся сторонъ, депутатовъ

и понятыхъ въ 1855 г. составилъ съ натуры планъ владѣній Трокской архимандріи, на которомъ показано безспорной земли, оставшейся во владѣніи архимандріи только 49 десятинъ 1623 сажени и спорной 150 десятинъ 1421 саж.

Планъ этотъ по повѣркѣ въ губернской чертежной, препровожденъ при дѣлѣ въ губернское правленіе, а губернское правленіе, считая съ своей стороны невозможнымъ удовлетворить претензію Трокскаго монастыря, препроводило все дѣло въ Литовскую консисторію. Консисторія же, сообразивъ безнадежность дальнѣйшаго по сему дѣлу производства, при тогдашнемъ составѣ чиновниковъ и при ихъ неблагопріязненныхъ отношеніяхъ къ интересамъ православныхъ учрежденій въ Западно-русскомъ краѣ, препроводило всю переписку и документы по этому дѣлу (5 апр. 1856 г.) въ Виленскій Св.-Троицкій монастырь.

Не смотря на то, что въ Трокахъ уже съ 1794 г. не существовало ни монастыря, ни церкви, архимандриты все таки назначались и имѣли свое мѣстопребываніе въ Виленскомъ Св.-Троицкомъ монастырѣ до возсоединенія уніятовъ съ православною церковью. Съ этого времени фундушъ Трокской архимандріи отданъ Св.-Троицкому монастырю, который и до настоящаго времени не теряетъ надежды возвратить земли и угодья, нѣкогда принадлежавшія Трокской архимандріи.

Имѣнія, дома и плацы, принадлежащіе Св.-Троицкому монастырю.

А) Имѣнія.

1. Первый и довольно значительный фундушъ получилъ Св.-Троицкій монастырь отъ князя Матѳея Никитича Головчинскаго. Этотъ князь отдѣлилъ отъ обширнаго имѣнія своего Езно (въ Ковенской губ.) два фольварка и записалъ ихъ въ вѣчное владѣніе Св.-Троицкому монастырю двоякою записью: фольваркъ Свинтыники записалъ на евангеліи, пожертвованномъ имъ въ монастырскую церковь въ 1536 г., а Пурвиники записалъ тому же монастырю въ духовномъ завѣщаніи, утвержденномъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ въ 1539 г. Князь желалъ быть погребеннымъ вмѣстѣ съ женой въ Св.-Троицкой церкви и съ этою цѣлью записалъ между прочимъ „на вѣчное поминовеніе" вышеупомянутые два фольварка. Не долго однако монастырь владѣлъ этимъ фундушомъ. Наслѣдники Матѳея Никитича, внуки Иванъ и Щасный Ярославичи Головчинскіе, наѣхавши въ 1572 г. на Пурвиники и Свинтыники, отняли ихъ отъ монастыря и присоединили къ своему имѣнію Езно. По этому поводу монастырь велъ процессъ сначала съ Головчинскими, а потомъ съ Стефаномъ Пацомъ, подканцлеромъ В. Кн. Литовскаго, къ которому перешло, по праву продажному, имѣніе Езно. Съ Пацами монастырь велъ нескончаемые процессы до 1647 г., и, конечно, безуспѣшно, благодаря могуществу Пацовъ, занимавшихъ высшія государственныя должности и владѣвшихъ громадными имѣніями. Съ 1647 г. фундація эта, замѣчаетъ авторъ „Меморіала" [1]) о Св.-

[1]) Memoryał albo Jnformacya i objasnienie klasztoru Wilenskiego Przenays. Tróycy... Напечатанъ въ т. X Археогр. Сборника. Подлинная рукопись хранится въ монаст. архивѣ.

Троицкомъ монастырѣ, оставлена была безъ вниманія по забвенію и незнакомству съ архивными дѣлами, вслѣдствіе запущенности архива и отсутствія лица, которое бы завѣдывало веденіемъ монастырскихъ дѣлъ. Монастырь навсегда потерялъ этотъ фундушъ. По утратѣ фундуша Головчинскихъ, Св.-Троицкій монастырь получалъ содержаніе отъ Виленскаго магистрата, который въ 1584 г. получилъ отъ Сигизмунда III привилей на этотъ монастырь и управлялъ его дѣлами до отнятія монастыря у православныхъ Іосифомъ Вельяминомъ Рутскимъ въ 1609 г.

2. Іосифъ Рутскій, задумавшій, какъ мы видѣли выше, сдѣлать Св.-Троицкій монастырь разсадникомъ новоучрежденнаго имъ базиліанскаго ордена, долженъ былъ обеспечить его существованіе значительнымъ фундушомъ, съ каковою цѣлью онъ и записалъ въ 1613 г. Св.-Троицкому монастырю на вѣчныя времена имѣніе свое Руту въ воеводствѣ Новогрудскомъ (Минской г.). Имѣніе это Іосифъ Рутскій записалъ Св.-Троицкому монастырю „въ возблагодареніе Всевышнему, какъ самъ онъ выражается въ своей дарственной записи, за то, что его призвать соблаговолилъ отъ еретическаго невѣрія къ истинной римско-католической вѣрѣ и къ базиліанскому ордену, съ тѣмъ условіемъ, что, въ случаѣ отпаденія отъ римской церкви, монастырь долженъ потерять и записанное ему имѣніе“. Наблюденіе за исполненіемъ этого условія Рутскій поручилъ Виленскому р.-католическому епископу и капитулу [1]). Впослѣдствіи, въ бытность уже уніатскимъ митрополитомъ, именно въ 1636 г.,

[1]) Составитель инвентаря Св.-Троицкаго монастыря за 1837 г., откуда и сдѣлана эта выписка, говоритъ, что подлинная запись, вѣроятно, хранится въ митрополитальномъ архивѣ, въ монастырскомъ же архивѣ хранится только выпись этой записи изъ метрическихъ книгъ малой канцеляріи кн. литовскаго.

Рутскій нашелъ болѣе выгоднымъ для монастыря замѣнить Руту на имѣніе Свираны, пожалованное княземъ Константиномъ Острожскимъ въ 1522 г. [1]) Виленскому Пречистенскому собору. Замѣна эта была весьма выгодна для троицкихъ базиліанъ, такъ какъ нѣсколькими годами раньше въ (1620 г.) они купили другую часть Свиранъ, принадлежавшую прежде Рукойнскому костелу, а потомъ дворянину А. Колецкому, и притомъ Свираны находились гораздо ближе къ г. Вильнѣ (21 в.), чѣмъ Рута. Такимъ образомъ составилось одно довольно громадное имѣніе, округленное впослѣдствіи прикупкою смежныхъ фольварковъ, которымъ Св.-Троицкій монастырь владѣлъ до позднѣйшаго времени, именно до отнятія его въ казну въ силу Высочайшаго повелѣнія отъ 25 декабря 1841 г. о передачѣ населенныхъ имѣній православнаго духовенства въ сѣверо-западныхъ губ. въ вѣденіе управленія государств. имуществъ. Свираны составляли одинъ изъ главныхъ источниковъ доходовъ, на которые содержался Св.-Троицкій монастырь. Какъ велико было это имѣніе и какія выходы оно доставляло монастырю, подробныя свѣдѣнія объ этомъ находились въ отчетѣ о ревизіи Св.-Троицкаго монастыря, произведеной въ октябрѣ 1836 г. по порученію литовскаго уніатскаго епископа Іосифа Сѣмашко викарнымъ епископомъ Антоніемъ Зубко. „Фундушъ (св.-Троицкаго монастыря) считаю я, пишетъ въ своемъ отчетѣ Антоній Зубко, лучшимъ всѣхъ доселѣ мнѣ извѣстныхъ уніатскихъ фундушей, такъ по внутреннему естественному достоинству, какъ и по положенію онаго вблизи

---

[8]) Подлинная запись Рутскаго на замѣну Руты на Свираны, на пергаментѣ, хранится въ монастырскомъ архивѣ; напечатана въ Арх. Сб. т. X № 23. Болѣе подробныя свѣдѣнія о Свиранахъ сообщены выше, см. примѣчаніе къ стр. 325 № 33.

города Вильны, гдѣ на хозяйскія произведенія цѣна существуетъ всегда выше всѣхъ прочихъ городовъ Виленской, Гродненской, по большей части Минской и области Бѣлостокской. Изобилуетъ это имѣніе великимъ въ сравненіи населенія пространствомъ хорошей земли, лежащей въ одномъ обрубѣ безъ шаховницъ (черезполосица), лѣсами пространными, хотя худо въ давнишнее время сберегавшимися, такъ что теперь по большей части имѣется только молодой лѣсъ; имѣется хорошая вода для прудовъ и мельницъ и посредственное количество сѣнокосовъ, кои при хорошемъ хозяйствѣ могутъ быть улучшены и умножены... Четыре фольварка, нераздѣленные никакими чужими землями, съ принадлежащими къ нимъ деревнями и лѣсами занимаютъ пространство, коего длина простирается на 17 слишкомъ верстъ, а ширину, судя по глазу, можно считать по средней пропорціи въ четыре версты, мѣстами шире, а мѣстами уже". По инвентарю, составленному въ 1837 г., вслѣдствіе той же ревизіи, въ Свиранахъ числилось крестьянъ 1015 душъ мужскаго и 1013 женскаго пола; земли всей усадебной, пахатной и сѣнокосной 147 уволокъ или 2940 десятинъ, подъ лѣсомъ и зарослями 78 уволокъ или 1560 д.

3. Послѣ Рутскаго значительный фундушъ пожертвовалъ Св.-Троицкому монастырю Евстаѳій Корсакъ Голубицкій, войскій воеводства Полоцкаго. Евстаѳій Корсакъ завѣщалъ въ 1625 г. Св.-Троицкому монастырю имѣніе свое Залѣсье Островно въ воеводствѣ Полоцкомъ, съ тѣмъ чтобы тѣло его было похоронено въ Св.-Троицкой церкви, въ устроенной имъ часовнѣ св. Луки. Эта воля Ев. Корсака была исполнена, замѣчаетъ авторъ „Меморіала": доказательствомъ того, что онъ погребенъ въ часовнѣ св. Луки, служитъ свидѣтельство обывателей воеводства Полоцкаго и реляція вознаго о томъ, что тѣло фундатора было перене-

сено нашими монахами и женою покойнаго изъ Голубицкой церкви въ Вильну (200 слишкомъ верстъ) въ 1626 г. и погребено по обрядамъ церковнымъ. Имѣніе это въ 1793 г. было секвестровано.

Третьимъ фундаторомъ своимъ считали виленскіе базиліане Льва Сапѣгу, воеводу виленскаго, гетмана вел. кн. литовскаго, потому что онъ весьма дешево продалъ почти задаромъ отдалъ, по выраженію автора Меморіала, имѣніе свое Бѣличаны въ воеводствѣ Минскомъ, и запись свою на это имѣніе призналъ въ трибуналѣ въ 1626 г. Другую часть Бѣличанъ монастырь купилъ у Даніила Корсака за 1600 копъ грошей литовскихъ. И это имѣніе было такъ же секвестровано въ 1793 г.

4. Въ 1626 г. виленскіе базиліане купили имѣніе Меречь и Мѣдники Гедейтанскіе, иначе называемые Бѣлозоровщиной за 7000 копъ грошей литовскихъ. На эту покупку виленскіе базиліане употребили часть суммы, пожертвованной Св.-Троицкому монастырю извѣстнымъ въ то время богатымъ виленскимъ купцомъ Игнатіемъ Дубовичемъ. Изъ ревностнаго защитника православія, какъ мы видѣли выше, Игнатій Дубовичъ дѣлается столь же ревностнымъ приверженцемъ уніи. Сынъ его Алексѣй Дубовичъ поступаетъ въ базиліанскій орденъ въ Св.-Троицкій монастырь и дѣлается наконецъ старшимъ или архимандритомъ этого монастыря. Признательный къ этому святому мѣсту отецъ, имѣя въ виду также умноженіе и распространеніе славы Божіей т. е. уніи, по выраженію автора „Меморіала“, пожертвовалъ Св.-Троицкому монастырю 12,000 копъ грошей литовскихъ. Объ этомъ фундушѣ Троицкіе базиліане вели нескончаемые процессы съ наслѣдниками Игнатія Дубовича, не оконченные, какъ видно изъ „Меморіала‘, даже въ 1702 году. Какъ видно, фундушъ этотъ былъ навсегда потерянъ для

монастыря, такъ какъ составитель инвентаря за 1837 г. вовсе не упоминается о принадлежности его монастырю.

5. Въ 1653 г. виленскіе базиліане получили въ даръ, по духовному завѣщанію Криштофа Кевлича, имѣніе Снягло. Криштофъ Кевличъ, ревностный приверженецъ уніи, для болѣе успѣшнаго распространенія ея въ предѣлахъ своей родины, задумалъ основать базиліанскій монастырь въ имѣніи своемъ Снягло, въ Ошмянскомъ уѣздѣ, съ каковою цѣлью и записалъ это имѣніе виленскому Св.-Троицкому монастырю. Согласно волѣ завѣщателя виленскіе базиліане должны были вступить во владѣніе Снягломъ спустя 6 недѣль послѣ его смерти и отправить туда 6 монаховъ съ тѣмъ, чтобы они тамъ постоянно жили и совершали богослуженіе по обряду греческому при тамошней Снягельской Пречистенской церкви; тѣже монахи обязывались основать здѣсь школу, учить въ ней и содержать на свои средства не менѣе 5 учениковъ разнаго сословія. Въ силу этого завѣщанія, виленскіе базиліане вступили во владѣніе Снягломъ въ 1653 г., 27 сентября, и тотчасъ же приступили къ постройкѣ монастыря. Не долго однако пришлось имъ жить въ этомъ монастырѣ и владѣть Снягломъ. Не прошло и года послѣ водворенія базиліанъ въ Снягле, какъ наслѣдники Криштофа Кевлича, Михаилъ и Станиславъ Кевличи, съ вооруженнымъ отрядомъ войска, съ барабаннымъ боемъ наѣхали на Снягло, забрали все, что было въ имѣніи, забрали церковную утварь изъ церкви, избили монаховъ и позорно изгнали ихъ изъ Снягла. Виленскіе базиліане призвали Кевличей къ суду смѣшаннаго трибунала, который, признавъ это дѣло неподсуднымъ себѣ, препроводилъ его въ гродскій (уголовный) судъ. Въ жалобѣ своей базиліане требовали строгой кары виновныхъ не только за то, что они избили монаховъ и забрали всю церковную утварь, но осо-

бенно за то, что Кевличи дозволили участвовавшимъ въ ихъ вооруженной шайкѣ татарамъ ломать кресты и чаши и наругаться надъ св. дарами, хранившимися въ забранной ими серебряной дарохранительницѣ. Судъ потребовалъ, чтобы потерпѣвшіе подтвердили свою жалобу присягой, что тѣ и готовы были исполнить. Кевличи протестовали противъ этого постановленія гродскаго суда и подали апелляцію въ трибуналъ. Когда очередь дошла до разбирательства этого дѣла въ трибуналѣ, Кевличи подали заочное заявленіе объ отсрочкѣ этого дѣла для рѣшенія его третейскимъ судомъ. Между тѣмъ семеро виленскихъ базиліанъ явились въ судъ къ назначенному сроку и присягой подтвердили все изложенное въ своей жалобѣ объ изгнаніи изъ Снягла. Судъ приговорилъ Кевличей къ смертной казни и къ уплатѣ потерпѣвшимъ всѣхъ убытковъ. Но этотъ приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе, такъ какъ въ томъ же (1655 г.) послѣдовало занятіе русскими войсками Вильны и Кевличи умерли еще до удаленія русскихъ войскъ изъ Литвы. По удаленіи русскихъ войскъ изъ Литвы виленскіе базиліане начинаютъ хлопотать о приведеніи въ исполненіе судебныхъ приговоровъ о возвращеніи отнятаго у нихъ фундуша. Въ 1662 г., апрѣля 24, они снова были введены во владѣніе Снягломъ. Но недолго пришлось имъ и въ этотъ разъ владѣть этимъ фундушомъ. Наслѣдники Кевличей Пшедзецкіе, особенно Михаилъ Пшедзецкій, маршалокъ ошмянскій, потребовалъ, чтобы базиліане добровольно отказались отъ владѣнія Снягломъ, и когда тѣ не согласились, онъ сдѣлалъ въ октябрѣ того же 1662 г. наѣздъ на Снягло и силою изгналъ оттуда базиліанъ.

Это вторичное изгнаніе базиліанъ изъ новооснованнаго ими монастыря сопровождалось, какъ и въ первый разъ, разными насиліями и поруганіемъ святыни. Вотъ что пи-

сали, между прочимъ, виленскіе базиліане въ своей жалобѣ, поданной въ гродскій ошмянскій судъ: „Михаилъ Владиславъ Пржедзецкій, сдѣлавъ наѣздъ на Снягло, избилъ и изгналъ изъ монастыря монаховъ, не пощадилъ даже алтаря: ворвавшись въ домовую монастырскую церковь въ то время, когда въ ней уже зажжены были свѣчи для совершенія литургіи и приготовленъ былъ св. агнецъ для евхаристіи и всѣ другія богослужебныя принадлежности, Пржедзецкій схватилъ церковные аппараты, какъ то: чашу и дискосъ съ приготовленнымъ для св. евхаристіи агнцемъ, антиминсъ съ частицами мощей, ризы, подсвѣчники съ зажженными свѣчами и другія церковныя вещи,—все это побросалъ на полъ и, наконецъ, опустошивши это имѣніе, изгналъ насъ оттуда“. Дѣло это, послѣ разныхъ отсрочекъ и проволочекъ, изъ Ошмянскаго гродскаго суда перенесено было въ трибуналъ, въ которомъ оно разсматривалось уже въ 1671 г. И здѣсь отвѣтчикъ хотѣлъ „сорвать“ и проволочь дѣло разными „обмовами“; сведено наконецъ оно было къ тому, что обѣ стороны хотѣли доказать свою правоту присягою. Судъ допустилъ къ присягѣ только потерпѣвшихъ, т. е. базиліанъ. По принесеніи присяги базиліанами (настоятелемъ и двумя монахами) трибуналъ утвердилъ всѣ прежніе декреты по этому дѣлу и дозволилъ базиліанамъ привести ихъ въ исполненіе.

По утвержденіи декретовъ и признаніи нашихъ правъ на Снягло, владѣлъ-ли нашъ монастырь Снягломъ, или нѣтъ, объ этомъ въ дѣлахъ не находится ни одного документа, говоритъ авторъ „Меморіала“, нѣтъ также никакихъ свѣдѣній и о томъ, какимъ образомъ уступилъ нашъ монастырь право вѣчнаго владѣнія этимъ фундушомъ Пржедзецкому, маршалку ошмянскому. Есть однако свѣдѣніе, что вскорѣ послѣ послѣдняго, подтвержденнаго нашею присягою, декрета,

маршалокъ ошмянскій покончилъ это дѣло мировою сдѣлкой, по которой монастырь нашъ получилъ за этотъ фундушъ 9,000 злотыхъ польскихъ.

Сумма эта, сполна уплаченная троицкимъ базиліанамъ, имѣла еще болѣе печальную судьбу, чѣмъ тотъ фундушъ, за который она была получена. Одну часть этой суммы тогдашній настоятель монастыря Стефанъ Мартышкевичъ отдалъ виленскому обывателю Суфроновичу подъ залогъ имѣнія его „Жуловъ" въ воеводствѣ Виленскомъ, а другую часть тому же Суфроновичу подъ заемное письмо. По смерти Суфроновича оказалось, что имѣніе его Жуловъ было заложено еще и другому лицу, нѣкому Цитрипскому. Для полученія этой суммы виленскіе базиліане опять вынуждены были начать судебный процессъ съ Цитрипскимъ и съ опекуномъ имѣній Суфроновича Александромъ Войной, каштеляномъ новогрудскимъ. Въ процесъ этотъ вмѣшались и виленскіе іезуиты, доказывая свои права на опеку и на наслѣдство имѣній Суфроновича. Прошедши разныя судебныя инстанціи, дѣло это наконецъ препровождено было въ 1695 г. въ королевскій ассесорскій судъ. „И до настоящаго времени (1701 г.), замѣчаетъ авторъ Меморіала, дѣло это еще не окончено и остается безъ всякаго движенія, такъ какъ сеймы не окончились, и въ ассесоріи въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ не производилось никакихъ судебныхъ разбирательствъ. Впрочемъ, хотя бы и дошло до разбирательства, то, кажется мнѣ, судъ прикажетъ намъ молчать до тѣхъ поръ, пока наслѣдники Суфроновича не покончатъ дѣла съ іезуитами объ опекѣ и наслѣдствѣ. По окончаніи же ихъ тяжбы, Богъ вѣсть, достанется ли что либо на нашу долю, потому что съ іезуитами трудно вести дѣло".

6. Въ 1698 г. виленскіе базиліане получили въ даръ отъ Андрея Каминскаго фольваркъ Куловщину Дойново на

содержаніе при Св.-Троицкомъ монастырѣ новиціата. Пожертвованіе это было весьма выгодно для монастыря, такъ какъ земля этого фольварка разбросана была между землею монастырскаго имѣнія Свираны, которыя съ этого времени округлились.

7. Въ 1750 г. графъ Даніилъ Доминикъ Шанковскій Саваневскій пожертвовалъ Св.-Троицкому монастырю имѣніе свое Шанкополь или Войчаны съ принадлежащими къ нему четырмя деревнями, въ Виленскомъ воеводствѣ, въ Мѣдникской парафіи, и каменный домъ въ Вильнѣ на Стеклянной улицѣ. Пожертвованіе это Саваневскій сдѣлалъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы Троицкіе базиліане содержали въ своей начальной школѣ трехъ бѣднѣйшихъ дѣтей шляхтичей изъ фамиліи Саваневскихъ, или Пигловскихъ, или Колонтаевъ.

Б) Дома и плацы въ г. Вильнѣ.

1) **Каменица Сапѣжинская** иначе **Лярковская.** Домъ этотъ пожалованъ былъ Богданомъ Павловичемъ Сапѣгою и женою его Аполоніей (ур. Друцкой-Соколинской) Виленскому Св.-Троицкому братству въ 1585 г. Въ дарственной записи (6 февраля 1588 г.) жертвователи между прочимъ обязали братство, чтобы оно изъ доходовъ отъ этой каменицы давали 6 копъ грошей священникамъ Пречистенской церкви, а остальная часть доходовъ чтобы распредѣлялась братствомъ на содержаніе бѣдныхъ въ богадѣльнѣ, на пѣвчихъ, на церковную прислугу и на другія благочестивыя дѣла. Со времени отнятія (1609 г.) у православныхъ Св.-Тр. монастыря, православное братство лишилось навсегда и этого дома, права на который присвоили себѣ троицкіе базиліане и доходы съ котораго, вопреки волѣ жертвователей, обратили въ свою пользу на слѣдующихъ основаніяхъ: „Такъ

какъ весьма трудно было, говоритъ авторъ Меморіала, исполнять обязательства (изложенныя въ дарственной записи Сапѣговъ) въ отношеніи къ разнымъ лицамъ, принимая во вниманіе также и то, что послѣ бывшаго въ Вильнѣ большаго пожара (1610 г.) каменицу эту нужно было возобновить, то рѣшено было эти благочестивыя дѣла замѣнить другими, именно: чтобы монастырь нашъ, пользуясь доходами съ этой каменицы, возобновилъ ее на свой счетъ и чтобы помогалъ братству здѣшнему (уніатскому) въ распространеніи славы Божіей (т. е. уніи) и всегда духовно служилъ ему. Итакъ, монастырь нашъ, на обязанности котораго лежитъ забота о спасеніи душъ въ этомъ городѣ, имѣя преимущество предъ братствомъ, утвержденное королевскими привилеями, пользуется этою каменицею на правѣ благодарности (in vim juris gratitudinis) и доходы съ нея обращаетъ въ свою пользу". Домъ этотъ пользовался слѣдующими привилегіями; онъ не подчинялся городской магдебургской юрисдикціи и жильцовъ его имѣлъ право судить только гродскій (уголовный) судъ; онъ свободенъ былъ отъ постоя депутатовъ, пріѣзжавшихъ въ Вильну на сессію трибунальнаго суда и на всякіе другіе общественные съѣзды. Домъ этотъ находится нынѣ на Большой улицѣ противъ театральной площади, подъ № 43/888.

2) **Каменица Кондратовичевская.** Домъ этотъ пожертвованъ Св.-Троицкому братству виленскимъ обывателемъ Яковомъ Кондратовичемъ въ 1592 г. Въ томъ же году братство купило у Ивана Нарушевича домъ, находившійся рядомъ съ домомъ Кондратовича. Оба эти дома, находившіеся на Большой улицѣ, на лѣвой сторонѣ идя отъ рынка (нынѣ театральная площадь) къ Острымъ воротамъ, были соединены въ одно зданіе, въ которомъ помѣщалась братская школа. И эти дома были отняты у православнаго брат-

ства троицкими базиліанами и доходы съ нихъ поступали въ пользу Св.-Троицкаго монастыря.

3) **Каменица Цырковская.** Домъ этотъ принадлежалъ Юрію Цырковскому, отъ котораго и получилъ свое названіе. Отъ Цырковскаго онъ перешелъ во владѣніе Семена Чаплинскаго, который завѣщалъ Св.-Тр. монастырю въ 1630 г. на этой каменицѣ извѣстную сумму, съ тѣмъ, чтобы она только числилась на этой каменицѣ, а монастырю выдавалось бы по 40 копъ грошей ежегоднаго чинша. По смерти Чаплинскаго, послѣдовавшей въ томъ же году, городское управленіе, на основаніи вышеупомянутаго духовнаго завѣщанія, передало домъ во владѣніе монастыря. Наслѣдники Чаплинскаго предъявили монастырю искъ и, получивши по судебному приговору требуемую сумму, отказались отъ своихъ правъ на домъ. Домъ этотъ находится подлѣ Острыхъ воротъ подъ № 2/247.

4) **Каменица Пятницкая,** — называлась такъ потому, что была построена на землѣ Пятницкой церкви, на углу Замковой улицы и переулка Лоточекъ (нынѣ Савичъ, иначе Андреевская улица), подлѣ дома цеха портныхъ. Домъ этотъ достался Св.-Троицкому монастырю въ 1664 г. по духовному завѣщанію Яна Войшнаровича, которому онъ принадлежалъ. Домъ этотъ, кажется, снесенъ въ 1864 г. во время разчистки площади вокругъ Пятницкой церкви.

5) **Каменица Бухнеровская.** Домъ этотъ былъ купленъ виленскими базиліанами въ 1702 г. у виленскаго купца Бухнера на сумму, пожертвованную Св.-Троицкому монастырю виленскимъ бурмистромъ Яномъ Огурцевичемъ. „Этотъ богатый по милости Божіей человѣкъ, говоритъ авторъ Меморіала, съ молодыхъ лѣтъ не переставалъ быть истиннымъ уніатомъ и ревностнымъ покровителемъ этого святаго мѣста (Св.-Троицкаго монастыря). Онъ не только былъ образцомъ

благочестія въ городской „радѣ", а для братства здѣшняго (троицкаго) свѣщею на свѣщницѣ, но оказался и щедрымъ ктиторомъ нашей (монастырской) церкви, особенно по части внутренняго ея украшенія. Такъ онъ устроилъ на довольно значительную сумму алтарь въ честь мученика Іосафата; въ ризницу пожертвовалъ богато вызолоченную серебряную чашу; перелилъ большой разбитый колоколъ, называемый „Лебедь"; на свой счетъ исправилъ крышу на церкви и другими разными способами, которыхъ я не могу перечислить, украшалъ монастырь и это святое мѣсто. Кромѣ того, предъ смертію своею, раздѣляя дѣтямъ имущество свое, не забывалъ о славѣ Божіей, назначивши нашему монастырю 20,000 злотыхъ, т. е. 3000 битыхъ талеровъ, обязавши своихъ потомковъ, чтобы сумма эта была отдана монастырю сполна. Незадолго предъ смертію своею, Янъ Огурцевичъ, въ письмѣ отъ 24 января 1687 г., сообщая объ этомъ нашему ордену, просилъ принять пожертвованную имъ сумму, съ тѣмъ, чтобы она была употребляема только на содержаніе монаховъ и чтобы совершались двѣ обѣдни: въ понедѣльникъ читанная, а во вторникъ пѣтая, за упокой души его, жертвователя, жены его и родственниковъ. Послѣ такого заявленія онъ спустя недѣлю умеръ". Хотя Янъ Огурцевичъ и не сдѣлалъ формальной записи на это пожертвованіе монастырю, тѣмъ не менѣе наслѣдники его рѣшились исполнить волю жертвователя во всей точности. Авторъ Меморіала сообщаетъ довольно подробныя свѣдѣнія о судьбѣ этого пожертвованія. Свѣдѣнія эти представляютъ значительный интересъ для характеристики порядковъ въ пресловутомъ базиліанскомъ орденѣ и, въ частности, тѣхъ „хорошихъ порядковъ", которые, по словамъ тогже автора Меморіала, были введены въ св.-Троицкомъ монастырѣ по отнятіи его у православныхъ. Старшимъ, т. е.

настоятелемъ св.-Троицкаго монастыря былъ въ это время Симеонъ Огурцевичъ, сынъ вышеупомянутаго виленскаго бурмистра Яна Огурцевича. Симеонъ Огурцевичъ былъ въ тоже время и консульторомъ базиліанскаго ордена. Спустя недѣлю послѣ смерти своего отца Симеонъ Огурцевичъ пишетъ письмо къ провинціалу Петкевичу и ко всѣмъ консульторамъ ордена, извѣщая ихъ о смерти своего отца и о пожертвованной имъ суммѣ и просилъ провинціала пріѣхать въ Вильну для совѣщанія о томъ, куда и на какихъ условіяхъ должна быть помѣщена эта сумма. По пріѣздѣ въ Вильну провинціала, наслѣдники Яна Огурцевича вручили всю завѣщанную имъ сумму провинціалу въ присутствіи настоятеля св.-Троицкаго монастыря Симеона Огурцевича. Сумма эта, съ общаго согласія провинціала и настоятеля, была положена въ сундукъ, опечатана и отдана на храненіе Петру Михневичу, сначала радцѣ, а потомъ бурмистру виленскому, съ тѣмъ, чтобы пока не будетъ найдено приличное мѣсто для ея помѣщенія, она никому не была выдаваема безъ согласія обѣихъ сторонъ. Съ этого времени, замѣчаетъ авторъ Меморіала, начинается дурное распоряженіе этою суммою. Симеонъ Огурцевичъ, настоятель монастыря, отдалъ почти всю эту сумму (15000) взаймы Бѣлозоровой, хорунжиной в. кн. Литовскаго, съ условіемъ, что если долгъ этотъ не будетъ уплаченъ въ срокъ, то она должна будетъ отдать монастырю подъ залогъ имѣніе свое Лучай. Такъ какъ Бѣлозорова не выполнила своего обязательства, то Огурцевичъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ суду при посредствѣ шурина своего Тиминскаго. Послѣ неоднократныхъ судебныхъ приговоровъ, и именно тогда, когда судъ осудилъ Бѣлозорову за ея нежеланіе подчиниться судебному приговору на банницію (изгнаніе изъ отечества), тогда только Бѣлозорова вынуждена была уплатить монастырю свой долгъ съ при-

бавкою 3000 судебныхъ издержекъ съ обезпеченіемъ всей этой суммы (18,000 зл.) по закладному праву на имѣніи своемъ Норжица. Тутъ-то Огурцевичъ съ Тиминскимъ и учинили несправедливость и обманъ относительно ордена, прибавляетъ авторъ Меморіала: получая подъ залогъ Норжицу, они написали закладную на свое имя, а не на имя монастыря, ни единымъ словомъ не обмолвившись о суммѣ, пожертвованной монастырю, но выразившись въ записи такъ, какъ будто они отдали подъ залогъ свою собственную сумму, до которой монастырю никакого дѣла нѣтъ. Отъ этого произошло то, что пока Огурцевичъ былъ здѣшнимъ старшимъ, Норжица считалась принадлежащею Св.-Троицкому монастырю; а какъ только онъ оставилъ эту должность и уѣхалъ изъ Вильны, монастырь не могъ даже заявить своихъ правъ на это имѣніе, не имѣя на то никакихъ документовъ. Между тѣмъ Огурцевичъ, взявши изъ оставшейся у Минкевича суммы еще 3000 злотыхъ, издержалъ ихъ на собственныя нужды, такъ что у Минкевича изъ 5000 осталось только 2000 злотыхъ. Точно также распоряжались и Норжицей, какъ хотѣли. Когда угодно было Огурцевичу, монастырь получалъ нѣкоторую долю доходовъ съ этого имѣнія; если же монастырь чѣмъ нибудь не угодилъ Огурцевичу, то послѣдній ничего не давалъ монастырю. Итакъ монастырь, не будучи увѣренъ ни въ своемъ правѣ на Норжицу, ни въ возвращеніи суммы, принужденъ былъ обратиться съ жалобой на Огурцевича въ конгрегацію, чтобы она заставила Огурцевича или исправить запись на Норжицу, данную на имя его и Тиминскаго, или чтобы Огурцевичъ возвратилъ Св.-Троицкому монастырю числящуюся на этомъ имѣніи сумму (18,000 злотыхъ). Рѣшеніе конгрегаціи было такое, какого желалъ монастырь и тотчасъ же приведено въ исполненіе съ новымъ впрочемъ злоухищ-

реніемъ. Тиминскій, шуринъ тогдашняго провинціала (Огурцевича), перечисляя Норжицу на себя, представилъ 18000 злотыхъ не Минкевичу, виленскому бурмистру, у котораго эта сумма взята и которому нужно было ее возвратить, а отдалъ ее на сохраненіе женѣ своей. Монастырь желалъ имѣть хоть росписку жены Тиминскаго, но ему и въ этомъ было отказано. Монастырь вынужденъ былъ начать судебный процессъ. Послѣ долгихъ споровъ обѣ стороны согласились приторговать у виленскаго мѣщанина Бухнера каменицу, находившуюся на углу Ятковой и Жидовской улицы. За этотъ домъ наслѣдники Яна Огурцевича уплатили 13400 тынфовъ и затѣмъ выдали Св.-Троицкому монастырю фундушевую запись на этотъ домъ.

6) **Каменица Шарапинская.** Домъ этотъ купленъ Св.-Троицкимъ монастыремъ у виленскихъ базиліанокъ въ 1755 г. за 1,900 злотыхъ польскихъ. Домъ этотъ находится нынѣ на Полицейскомъ переулкѣ подлѣ семинарской бани подъ № $^{10}/_{257}$.

7) **Каменица Прокшинская,**—принадлежавшая нѣкогда виленскому обывателю Прокшѣ, отъ него перешедшая во владѣніе кармелитовъ босыхъ и затѣмъ купленная у послѣднихъ Троицкими базиліанами за 1400 злотыхъ. Домъ этотъ находится на Большой улицѣ, вблизи монастырскихъ воротъ, по лѣвой рукѣ отъ входа съ улицы, нынѣ подъ № $^{7}/_{16}$.

8) **Каменица Саваневская.** Домъ этотъ пожертвованъ Св.-Троицкому монастырю графомъ Саваневскимъ съ благотворительною цѣлью, какъ сказано объ этомъ выше, находился на углу Доминиканскаго переулка подъ № 92, рядомъ съ домомъ капитульнымъ.

9) **Каменица Рѣпницкая.** Домъ этотъ когда-то находился въ предѣлахъ монастырскаго сада, при переулкѣ, идущемъ подлѣ городской стѣны, по лѣвой рукѣ, идя отъ

Коннаго рынка къ Острымъ Воротамъ. Принадлежалъ онъ въ 1645 г. виленскому бурмистру Рѣпницкому, а во владѣніе Троицкаго монастыря поступилъ въ 1685 г., за неуплату наслѣдниками Рѣпницкаго долга (2500 злотыхъ), обезпеченнаго на этомъ домѣ. Въ скоромъ времени домъ этотъ пришелъ въ развалины по нерадѣнію настоятелей монастыря. Печальная судьба этого дома наводитъ автора Меморіала на грустныя размышленія вообще о жалкомъ положеніи, до какого доведенъ былъ въ это время св.-Троицкій монастырь по нерадѣнію настоятелей. „Во время нашего владѣнія домъ этотъ, говоритъ авторъ Меморіала, пришелъ въ развалины. Такъ какъ садъ монастырскій былъ запущенъ до того, что поросъ крапивой и бурьяномъ, не имѣлъ даже никакой ограды, то дѣти и школьники свободно входили въ садъ, заходили въ пустыя комнаты, разбивали печи, такъ что не осталось ни одного изразца, и устраивали тамъ свои игры. Оконные переплеты мы сами перенесли въ другіе дома, остальныя внутреннія принадлежности дома сами собой разрушились; дымовыя трубы и стѣны развалились, словомъ все разрушилось, кромѣ нѣкоторыхъ только стѣнъ, да и тѣ угрожаютъ паденіемъ. Все это, вѣроятно, будетъ стоять въ такомъ видѣ до страшнаго суда Божія, потому что настоятели монастыря безучастно смотрѣли на эти развалины, и ни одинъ изъ нихъ не оставилъ своему преемнику хорошаго примѣра, который могъ бы вызвать въ немъ большее усердіе къ веденію хозяйства. Доказательствомъ дурнаго веденія хозяйства служитъ какъ упомянутый домъ, такъ и самый монастырь. Въ первыя времена уніи богобоязненные отцы наши реставрировали его почти до основанія, а мы впродолженіе почти 60 лѣтъ, кромѣ двухъ безполезныхъ избъ, болѣе похожихъ на сараи, чѣмъ на жилое помѣщеніе, ничего не построили; а другія

каменныя зданія (mury) и фундаменты сами напрашиваются, чтобы мы привели ихъ къ первобытному ихъ состоянію, или построили что-нибудь новое. Все это намъ ни по чемъ! Были и такіе настоятели, которые, не приколотивши ни одной доски, оставляли настоятельство; отъ чего нѣкоторые дома и постройки, не имѣя крышъ, разрушились, а монастырь въ одно время былъ безъ ограды. И почему бы намъ не присмотрѣться и не поревновать здѣшнимъ общинамъ другихъ монашескихъ орденовъ, столь ревностно заботящихся о благоустройствѣ своихъ монастырей, несравненно бѣднѣйшихъ нашего монастыря. Нѣтъ у насъ ни одной статьи хозяйства, которая велась бы такъ хорошо, какъ она ведется у другихъ. Напротивъ, мы какъ привыкли жить безпечно, такъ и продолжаемъ жить, любуясь нашими прекрасными развалинами, нисколько не заботясь ни о славѣ, ни о добромъ о насъ мнѣніи. Что припасено и сбережено другими, то мы благополучно и благодушно проживаемъ. Боже, умилосердись надъ нами!"

Такая же участь постигла и другой домъ, стоявшій рядомъ съ домомъ Рѣпницкаго и называвшійся Дубовичевскимъ. Когда и какъ достался этотъ домъ св.-Троицкому монастырю, положительныхъ свѣдѣній не сохранилось. Авторъ Меморіала предполагаетъ, что домъ этотъ или достался монастырю послѣ смерти Алексѣя Дубовича, бывшаго настоятеля монастыря, или купленъ у его матери Анны Дубовичевой. Монастырь первоначально намѣренъ былъ устроить въ этомъ домѣ новиціатъ и ассигновалъ болѣе 2000 злотыхъ на возобновленіе и приспособленіе дома для новиціата; но такъ какъ устройство новиціата не состоялось, то и домъ скоро пришелъ въ развалины. Новиціатъ, по словамъ автора Меморіала, не былъ устроенъ потому главнымъ образомъ, что не позаботились предварительно взыскать съ обоз-

наго в. кн. литовскаго Воловича суммы, пожертвованной митрополитомъ Антоніемъ Сѣлявой на возстановленіе въ Вильнѣ новиціата, которая въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ числилась на имѣніи Воловичей Жарновкахъ и не приносила монастырю никакой пользы. Сумма эта (25000 злотыхъ польск.) еще при жизни Сѣлявы была отдана Марціану Воловичу, виленскому земскому писарю, подъ залогъ имѣнія его Жарновки, въ Минскомъ воеводствѣ. О взысканіи этой суммы виленскіе базиліане вели нескончаемые процессы съ Воловичами. Противъ Воловичей издавались заочные декреты, осуждавшіе ихъ то на временную, то на вѣчную банницію (изгнаніе изъ отечества), а они, подавши своевременно „обмову" противъ заочнаго опредѣленія, преспокойно жили въ своемъ имѣніи. Процессъ этотъ видимо утомилъ виленскихъ базиліанъ и охладилъ ихъ энергію въ поискиваніи этой суммы. Изданные противъ Воловичей декреты, осуждавшіе ихъ на вѣчное изгнаніе изъ отечества, не приводились въ исполненіе въ теченіи 20 лѣтъ; троицкіе базиліане совершенно забыли объ этомъ процессѣ, такъ что даже самыя дѣла и подлинныя записи на Жарновку исчезли какимъ то образомъ изъ монастырскаго архива и очутились въ Жировицкомъ монастырѣ, гдѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ лежали между хламомъ въ забвеніи. Наконецъ, когда Жарновка досталась Яну Казиміру Воловичу, обозному в. кн. литовскаго, троицкіе базиліане снова начали подумывать объ этой суммѣ, и то очень лѣниво, замѣчаетъ авторъ Меморіала; потому что Жировицкій монастырь серіозно и не думалъ возвращать намъ документовъ, но задабриваемый какимъ-нибудь подаркомъ обознаго, всячески потворствовалъ ему, такъ что троицкіе базиліане вынуждены были обратиться въ конгрегацію базиліанскую, состоявшуюся въ Жировицахъ въ 1698 г., съ просьбою о

понужденіи Жировицкаго монастыря возвратить св.-Троицкому монастырю вышеупомянутые документы. Дѣло это было покончено мировой сдѣлкой, по которой обозный обязался уплатить св.-Троицкому монастырю всю сумму (25,000 зл.) въ пять сроковъ. „Всей этой затѣей, замѣчаетъ авторъ Меморіала, мы только насмѣшили людей и причинили себѣ большіе убытки“.

Кромѣ вышепоименованныхъ домовъ Св.-Троицкому монастырю принадлежали два плаца въ Вильнѣ: одинъ на Лукишкахъ (предмѣстье города Вильны), другой за Острыми Воротами. Плацъ на Лукишкахъ принадлежалъ Св.-Троицкому монастырю съ половины 17 столѣтія. Вотъ что говоритъ авторъ „Меморіала“ объ этомъ плацѣ. Лукишки издавна принадлежали виленскимъ мѣщанамъ Сальцевичамъ, послѣ которыхъ по праву наслѣдства достались Іосифу Сальцевичу, монаху нашего ордена. Достигши въ нашемъ орденѣ почтенныхъ лѣтъ (80) и желая, чтобы монастырь Св.-Троицкій имѣлъ несомнѣнное право на владѣніе его имѣніемъ, онъ, за десять лѣтъ до смерти своей, въ 1660 г. записалъ Лукишки на вѣчныя времена Виленскому Св.-Троицкому монастырю, доказательствомъ чего служитъ запись, данная имъ монастырю, подтверждающая наше право на Лукишки, но запись эта какимъ то образомъ пропала, и я уже не нашелъ ея въ архивѣ“. Любопытны дальнѣйшія разсужденія того же автора по поводу отсутствія документовъ, подтверждающихъ право монастыря на этотъ фундушъ. Эти разсужденія наглядно доказываютъ, что базиліане справедливо считаются достойными учениками своихъ знаменитыхъ учителей іезуитовъ. „Это обстоятельство, т. е. отсутствіе записи Іосифа Сальцевича,—говоритъ авторъ „Меморіала“, не имѣетъ никакого значенія для насъ, потому что мы и безъ всякихъ записей остаемся законными наслѣд-

никами послѣ монаха, который, отрекшись отъ своей воли, не можетъ распоряжаться ни собою лично, ни самою малѣйшею своею вещью, и какъ самъ онъ, такъ и все его имущество находится въ полномъ распоряженіи ордена. Монахъ, еслибы захотѣлъ отчуждать что нибудь отъ ордена безъ согласія начальниковъ ордена, или записать что либо постороннему, не имѣя на то дозволенія, то такія его распоряженія, на основаніи постановленія церковныхъ и государственныхъ законовъ, не имѣли бы никакого значенія. На этомъ то основаніи монастырь нашъ безъ всякихъ записей, остался законнымъ владѣльцемъ Лукишекъ по смерти Іосифа Сальцевича, который имѣя имущество не могъ отчуждать его отъ монастыря, и послѣ котораго, какъ монаха, ближайшимъ наслѣдникомъ остался монастырь". Авторъ Меморіала такъ опредѣляетъ положеніе этого плаца. „Лукишки граничатъ съ одной стороны съ Лукишками папскими [1]), а съ другой Лукишками ксендза Шанявскаго, виленскаго схоластика. Они не приносятъ намъ никакого дохода, потому что со времени нашествія Москвы запустѣли и теперь тамъ живетъ старичекъ, который построилъ здѣсь себѣ лачужку и можетъ присматривать за монастырскимъ заборомъ и дровами, которыя тамъ складываются. Не простительная безпечность нашихъ старшихъ и неумѣніе ихъ вести хозяйство! Гдѣ другіе получаютъ значительную прибыль, тамъ у насъ —мерзость запустѣнія!" заключаетъ авторъ Меморіала свою замѣтку о Лукишкахъ. Въ 1732 г. на Лукишкахъ былъ построенъ деревянный домъ, въ которомъ жила монастырская прачка. Въ 1733 г. на этомъ плацѣ, надъ рѣкой Виліей были построены два амбара съ галлереей для прогулокъ монаховъ. По инвентарю 1837 г., плацъ этотъ

[1]) Такъ назывался плацъ, принадлежавшій папскому Алюмнату въ Вильнѣ.

занималъ пространство около 16000 квадр. локтей [1]). Другой плацъ находился за Острыми воротами и принадлежалъ виленскому обывателю Мацкевичу, которому троицкіе базиліане дали подъ залогъ дома съ плацомъ 200 злотыхъ польскихъ на 12 лѣтъ. Такъ какъ Мацкевичъ въ теченіи вышеозначеннаго срока не платилъ монастырю процентовъ, а по истеченіи срока закладной не могъ уплатить монастырю зологовой суммы, съ неуплоченными процентами возросшей до 904 злотыхъ, то монастырь предъявилъ къ нему искъ въ Виленскомъ магистратѣ, по приговору котораго, состоявшемуся 21 іюня 1727 г., плацъ этотъ съ полуразрушившимся деревяннымъ домомъ былъ отданъ въ полное владѣніе Св.-Троицкому монастырю.

Всѣ эти оброчныя статьи, по подробному вычисленію, изложенному въ упомянутомъ выше отчетѣ Антонія Зубко, приносили чистаго дохода 8000 р. Доходъ этотъ, замѣчаетъ визитаторъ, при улучшеніяхъ въ хозяйствѣ и надлежащихъ затратахъ, могъ бы возвыситься по крайней мѣрѣ до 12000. Монашествующихъ по этому отчету, въ послѣдніе годы было въ монастырѣ отъ 18 до 20; сверхъ того монастырь содержалъ на свои средства 4 конвикторовъ, отъ 18 до 20 пауперовъ и 30 считая съ женами служителей монастырскихъ, всего 74 человѣка. Сколько именно израсходывается на прокормленіе этого числа людей, узнать нельзя, замѣчаетъ визитаторъ; ибо остающійся отъ фольварочныхъ надобностей хлѣбъ былъ привозимъ весь въ монастырь на кормъ и на продажу. Не записывано, сколько изъ онаго употреблено на столъ, а сколько на продажу, даже въ регистрѣ шнуровыхъ денежныхъ доходовъ часто записывались деньги, взятыя за хлѣбъ безъ означенія количества

[1]) Локоть, линейная литовская и польская мѣра, равнялся 14⅔ вершкамъ.

проданнаго хлѣба. Однако же видно, что получается въ годъ за остающійся отъ расхода хлѣбъ около 1000 р. А такъ кромѣ продуктовъ, доставляемыхъ съ имѣній, можно считать дохода денежнаго на жалованье, докупленіе припасовъ, дрова и заграничные напитки, пряности и проч. 7000 р. с., за исключеніемъ нужнаго числа на издержки фундуша,—эта неясность можетъ закрывать *воровство* (подчеркнуто въ подлинникѣ). Прилагаемою у сего инструкціею, данною настоятелю, я устраняю эту неаккуратность, о которой объявлялъ настоятель, что „такъ всегда бывало". Но подобной неаккуратности я не могъ разсортировать аккуратно по предметамъ и денежнаго расхода по смѣшенію нѣсколькихъ предметовъ, на которые расходовано, какъ напр.: „въ небытности моей израсходовалъ викарій столько то", безъ показанія—на что именно. Всѣхъ расходовъ по монастырю исчислено въ томъ же отчетѣ 6103 р., за исключеніемъ каковой суммы изъ суммы прихода должно оставаться 896 р. Но ежели уменьшить, кажется, слишкомъ великій расходъ на горячіе напитки (на заграничные напитки, чай, сахаръ и пряности исчислено 577 р., на рыбу до 700 р. и на разныя надобности), а также упразднить пауперию (богадѣльню), состоящую изъ шляхты римско-католическаго исповѣданія, къ содержанію которой монастырь ничѣмъ не обязанъ, могло-бы остаться около 1500 р."

Всѣ вышепоименованныя оброчныя статьи, за исключеніемъ имѣнія Свираны, отошедшаго въ казну въ 1842 г., по указу Св. Синода отъ 22 марта 1845 г., съ Высочайшаго соизволенія, были распредѣлены такимъ образомъ: 1) Св.-Троицкому монастырю, перечисленному, въ силу того же указа, въ 3-й классъ, оставленъ домъ Шарапинскій и плацъ за Острыми воротами; 2) Дома—Цирковскій, Кондратовичевскій и Прокшинскій переданы Виленскому каѳе-

дральному Николаевскому собору для помѣщенія каѳедральнаго духовенства и чиновниковъ консисторіи; 3) остальные дома—Сапѣжинскій, Бухнеровскій и Саваневскій отданы Виленскому Св.-Духову монастырю; на вспособленіе средствъ тогоже монастыря отдана оставшаяся отъ сокращенія штата Троицкаго монастыря сумма 1645 р. Плацъ на Лукишкахъ нѣсколько раньше въ (1842 г.) отданъ, по распоряженію Литовскаго архіепископа Іосифа Св.-Духову монастырю.

Въ настоящее время Св.-Троицкому монастырю принадлежатъ слѣдующія оброчныя статьи:

1) Ферма *Рукойни*, въ Виленскомъ уѣздѣ, въ 18 верстахъ отъ Вильны, по Ошмянскому тракту. Ферма эта надѣлена Св.-Троицкому монастырю въ 1870 г. по опредѣленію Виленскаго управленія государственными имуществами. Земли въ ней 98 десятинъ.

2) Ферма *Дусенятъ*, въ Виленскомъ уѣздѣ, въ 14 верстахъ отъ Вильны, по Лидскому тракту. Въ ней числится земли пахатной, сѣнокосной и для пастбища всего 116 десятинъ. По ходатайству епархіальнаго начальства въ 1853 и 1856 г., ферма эта надѣлена лѣсною дачею, состоящею изъ строеваго преимуществу лѣса, пространствомъ въ 148 десятинъ. При той же фермѣ числится прудъ на рѣчкѣ и деревянная мельница, заново отстроенная послѣ пожара въ 1885 г.

3) Озеро *Попись* съ частью рѣки Ваки, въ Трокскомъ уѣздѣ (Виленской г.), въ 27 верст. отъ Вильны. Озеро это надѣлено монастырю въ 1854 г.

4) Плацъ въ г. Вильнѣ за Острыми Воротами, поступившій во владѣніе Св.-Троицкаго монастыря по приговору Виленскаго магистрата отъ 21 іюня 1727 г.

5) Домъ *Шарапинскій*, каменный, на Полицейскомъ переулкѣ, подъ № $^{10}/_{257}$, купленный у Виленскихъ базиліанокъ въ 1755 г.

Сверхъ сего Св.-Троицкому монастырю принадлежитъ фундушъ б. Трокской архимандріи. Фундушъ этотъ нынѣ состоитъ изъ трехъ участковъ земли и озера Лука въ г. Трокахъ. Во всѣхъ трехъ участкахъ земли, кромѣ озера, 25 десятинъ, озеро Лука—23 десятины.

На содержаніе монастыря, по Высочайше утвержденному штату 1 января 1842 года, ежегодно отпускается 1840 рублей.

Отъ оброчныхъ статей монастырь получаетъ въ настоящее время 1313 руб.

Настоятели С.-Троицкаго монастыря.

Перечислить всѣхъ настоятелей Св.-Троицкаго монастыря отъ начала его существованія до позднѣйшаго времени—дѣло нелегкое и даже неудобоисполнимое, такъ какъ въ этомъ монастырѣ, какъ видно, не было обычая вести списокъ настоятелей, по крайней мѣрѣ въ монастырскомъ архивѣ не сохранилось ни одного въ подобномъ родѣ документа. Да и едва ли возможно было аккуратно и правильно вести подобные списки, при тѣхъ неурядицахъ, какія господствовали въ монастырѣ до отнятія его у православныхъ уніатами (1609), при частой смѣнѣ настоятелей, которая совершалась съ тѣхъ поръ, когда Св.-Троицкій монастырь, вошедши въ составъ базиліанскаго ордена, въ силу орденскихъ правилъ и особо даннаго ему королевскаго привилея, могъ избирать себѣ настоятеля пожизненнаго, или только на четыре года. Послѣднее, т. е. избраніе настоятеля на четыре года, практиковалось чаще, чѣмъ избраніе настоятеля пожизненнаго, особенно въ тѣ времена, когда нѣкоторые уніатскіе прелаты, незаконно получивши отъ короля привилей на Троицкую архимандрію, сами не жили въ монастырѣ, а назначали отъ себя намѣстника, или „старшаго“ только на четыре года. Это обстоятельство, по мнѣнію автора Меморіала, было одною изъ главныхъ причинъ тѣхъ неурядицъ, которыя господствовали въ этотъ періодъ въ монастырѣ, особенно по хозяйственной части [1]). Въ настоящемъ очеркѣ мы ограничимся перечнемъ только тѣхъ настоятелей, которые чѣмъ нибудь ознаменовали свое управленіе монастыремъ. До отнятія Св.-Троицкаго монастыря у православныхъ уніатами, настоятели монастыря назывались исключительно архимандритами; со времени же Рутскаго,

---

[1]) См. выше.

выхлопотавшаго у короля особый привилей монастырю на право свободнаго избранія настоятеля, они назывались исключительно старшими или суперіорами (superior) и въ силу того-же привилея могли носить почетный титулъ номинальнаго архимандрита, каковой титулъ не давалъ настоятелю права безконтрольно распоряжаться монастырскими фундушами и доходы съ нихъ обращать въ свою пользу. Вотъ почему виленскіе базиліане, какъ мы видѣли выше, такъ ревниво отстаивали свои права на свободное избраніе старшаго и всячески избѣгали названія его архимандритомъ, а если и называли его этимъ именемъ, то непремѣнно дѣлали оговорку: „титулярный архимандритъ", или „старшій". Въ перечнѣ архимандритовъ до Рутскаго мы встрѣтимъ имена свѣтскихъ лицъ. Объясняется это, какъ сказано выше, особенностями строя политической и церковно-религіозной жизни въ Литовскомъ княжествѣ, соединившемъ свою судьбу съ судьбою Польши. Польскіе короли, руководимые въ своей внутренней и отчасти внѣшней политикѣ іезуитами, часто мѣняли свою политику по отношенію къ православной западно-русской церкви, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда, по ходу историческихъ событій, они усматривали, что по отношенію къ православнымъ можно дѣйствовать по пословицѣ: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше". По симъ соображеніямъ польскіе короли, пользуясь правомъ верховнаго патроната, иногда отдавали монастыри и цѣлыя епархіи лицамъ къ тому не подготовленнымъ и даже не принадлежавшимъ къ духовному званію.

Макарій, одинъ изъ первыхъ, упоминаемыхъ въ историческихъ памятникахъ, архимандритовъ, впослѣдствіи кіевскій митрополитъ, священномученикъ. Въ 1495 г., при вѣнчаніи в. князя Литовскаго Александра съ Еленою, дочерью в. князя Московскаго Іоанна III, Макарій присут-

ствовалъ въ санѣ архимандрита виленскаго, но уже назывался нареченнымъ митрополитомъ. Іоаннъ III желалъ, чтобы этотъ бракъ совершилъ „нареченый митрополитъ“, по настоянію же латинскаго духовенства бракъ Александра съ Еленою совершилъ въ костелѣ католическій епископъ Войцехъ Таборъ, а въ православномъ храмѣ совершилъ придворный священникъ и духовникъ Елены Ѳома, Макарій только присутствовалъ при совершеніи обряда. Въ томъ же 1495 г. Макарій былъ рукоположенъ въ санъ митрополита Кіевскаго и, по примѣру своихъ предшественниковъ жилъ въ Вильнѣ, такъ какъ Кіевъ въ тѣ печальныя времена оставался полуразрушеннымъ и часто подвергался нападеніямъ крымскихъ и нагайскихъ татаръ. Какъ попечительный пастырь, блаженный Макарій желалъ осмотрѣть древнѣйшее мѣсто своей каѳедры и святыни Кіева. Побуждала его къ тому и настоятельная нужда привесть въ порядокъ софійскій соборъ, ограбленный татарами. Не смотря на совѣты приближенныхъ лицъ не предпринимать довольно отдаленнаго и опаснаго пути, блаж. Макарій, по долгу пастырскаго служенія, предавши себя волѣ Божіей, отправился въ 1497 г. въ Кіевъ. Въ Минской губ., въ с. Стриголовѣ, за пять миль отъ Мозыря, онъ подвергся нападенію перекопскихъ татаръ и былъ ими убитъ 1-го Мая того же года. Тѣло сего пастыря было привезено въ Кіевъ, гдѣ и понынѣ мощи его нетлѣнно почиваютъ въ престольной церкви св. Софіи [1]).

Изосимъ, —упоминается въ числѣ семи архимандритовъ, присутствовавшихъ на соборѣ православныхъ западно-русскихъ іерарховъ, состоявшемся въ 1509 г. въ „Богоспасаемомъ градѣ Вильнѣ“.

Сильвестръ Бѣлкевичъ, кіевскій митрополитъ (1556—

[1]) Русскіе святые, Филарета архим. Черниговскаго, Май стр. 21.

1568 г.), до вступленія на митрополію, носившій званіе литовскаго подскарбія, еще не имѣя духовнаго сана, получилъ отъ короля привилей на Виленскую архимандрію (Св.-Троицкій монастырь).

Шумлянскій, виленскій бурмистръ, въ 1562 г. получилъ отъ короля привилей на право патроната или „подаваня“ Троицкаго монастыря.

Велковичъ, виленскій мѣщанинъ и радца, держалъ въ силу королевскаго привилея, Троицкій монастырь, какъ и предшественникъ его, бурмистръ Шумлянскій.

Мартиновичъ Василій, священникъ Воложинскій, почти одновременно съ Велковичемъ получившій отъ короля привилей на Виленскую архимандрію, вѣроятно, по забывчивости короля и невнимательности къ интересамъ православныхъ завѣдывавшей этими дѣлами королевской канцеляріи. На судебномъ разбирательствѣ Велковичъ доказывалъ свои права на св.-Троицкій монастырь тѣмъ, что онъ получилъ привилей на этотъ монастырь раньше, чѣмъ его соперникъ, и удержалъ монастырь за собою, хотя не принялъ духовнаго сана. Только вслѣдствіе сильнаго представленія митрополита Іоны II Виленская архимандрія была отнята у Велковича и передана въ вѣдѣніе митрополита Іоны.

Сильвестръ, игуменъ, управлялъ монастыремъ отъ имени митрополита Онисифора (Дѣвочки) (1578—1588 г.). Вопреки установившемуся давнему обычаю, не дозволялъ виленской православной общинѣ производить ежегодную повѣрку монастырскаго и церковнаго имущества. Вслѣдствіе „нечастаго бываня митрополита въ Вильнѣ“, какъ выражались виленскіе мѣщане въ своей жалобѣ королю и, слѣдовательно, вслѣдствіе недостатка высшаго надзора и контроля, Троицкій монастырь сталъ приходить въ упадокъ, строенія разрушались, въ управленіи господствовалъ безпорядокъ. Сте-

фанъ Баторій внялъ просьбѣ виленскихъ мѣщанъ и отдалъ монастырь въ ихъ вѣдѣніе, съ тѣмъ, чтобы они собирали монастырскіе доходы и употребляли ихъ на содержаніе архимандрита, монаховъ и убогихъ [1]). Бурмистры и радцы, выказавшіе такую, повидимому, ревностную заботливость о монастырѣ, нисколько не измѣнили къ лучшему положеніе монастыря. Какъ видно изъ письма митрополита Михаила Рогозы къ бурмистрамъ и радцамъ отъ 1595 г., въ монастырѣ не было ни архимандрита или игумена, ни священника для совершенія службы Божіей; богослуженіе по временамъ совершали, съ разрѣшенія митрополита, два братскіе священника. Вслѣдствіе настоянія митрополита бурмистрами и радцами былъ избранъ въ архимандриты Св.-Троицкаго монастыря нѣкто Софроній.

Софроній недолго управлялъ монастыремъ. При немъ начались тѣ печальныя для православныхъ виленцевъ событія, которыя завершились отнятіемъ у нихъ въ 1609 г. Св.-Троицкаго монастыря, а затѣмъ и всѣхъ церквей въ Вильнѣ,—событія, подробно описанныя нами въ своемъ мѣстѣ. Не желая пасиловать свою совѣсть подчиненіемъ измѣнившему православію митрополиту Михаилу Рогозѣ, Софроній явился въ 1597 г. въ собраніи бурмистровъ и радцевъ и добровольно отказался отъ управленія монастыремъ. На мѣсто Софронія былъ назначенъ митрополитомъ Іосафъ.

Іосафъ управлялъ монастыремъ до 1606 г. Изгналъ ли его Поцѣй изъ монастыря, или онъ умеръ, несомнѣнно только то, что въ 1607 г. въ Троицкій монастырь присланъ былъ новый архимандритъ Самуилъ Сенчиловичъ.

Самуилъ Сенчиловичъ—уроженецъ г. Вильны, полу-

---

[1]) Арх. сб. т. VI, № 37. Собр. грам. г. Вильны, ч. II, №№ 4 и 5.

чилъ поверхностное образованіе, скитался по разнымъ мѣстамъ и наконецъ принялъ монашество въ Супрасльскомъ монастырѣ. За противодѣйствіе уніи Сенчиловичъ былъ изгнанъ вмѣстѣ съ настоятелемъ Супрасльскаго монастыря Иларіономъ Масальскимъ, раскаялся предъ митрополитомъ Поцѣемъ и чрезъ три года былъ назначенъ архимандритомъ Св.-Троицкаго монастыря. Назначеніе Сенчиловича архимандритомъ Св.-Троицкаго монастыря, какъ видно, было временное. На его мѣсто подготовлялся въ томъ же монастырѣ знаменитый въ исторіи уніи—Іосифъ Рутскій.

Іосифъ Вельяминъ Рутскій назначенъ сначала въ (1608) намѣстникомъ митрополита въ Вильнѣ, а затѣмъ и архимандритомъ Св.-Троицкаго монастыря на мѣсто низложеннаго и преданнаго суду за противодѣйствіе уніи Сенчиловича, (подробнѣе объ этомъ см. выше). Рутскій управлялъ Троицкимъ монастыремъ до возвеженія въ санъ митрополита въ 1613 г. Мѣсто Рутскаго заступилъ жившій одновременно съ нимъ достойный его сотрудникъ Іосафатъ Кунцевичъ.

Іосафатъ Кунцевичъ въ исторіи уніи получилъ печальную извѣстность своимъ необычайнымъ фанатизмомъ, какимъ онъ отличался, какъ въ бытность свою въ Св.-Троицкомъ монастырѣ въ званіи сначала простаго инока, а потомъ архимандрита, такъ и во время управленія Полоцкой каѳедрой въ санѣ архіепископа. Виленцамъ долго былъ памятенъ лежавшій у монастырскихъ воротъ камень, сидя на которомъ Іосафатъ Кунцевичъ бичевалъ себя до крови, повторяя постоянно одну и туже свою усердную молитву къ Богу: „Господи, уничтожь схизму (православіе) и подай унію!“ Нѣкоторые изъ болѣе ревностныхъ почитателей Кунцевича собирали даже пожертвованія на устройство каменной часовни на этомъ мѣстѣ, но, какъ видно, не нашли

сочувствія своей затѣѣ и потому дѣло это не состоялось [1]). За свой фанатизмъ Іосафатъ Кунцевичъ былъ убитъ выведенными изъ терпѣнія православными жителями г. Витебска и такими же, какъ онъ, фанатиками былъ признанъ „мученикомъ". Неблагодарные къ заслугамъ и къ громкой славѣ своего „чудотворца" [2]), а впослѣдствіи и „мученика", троицкіе базиліане, вмѣсто часовни, на сооруженіе которой поступили къ нимъ значительныя пожертвованія [3]), устроили будку для привратника.

[1]) Арх. сб. т. X, стр. 306.

[2]) Іосафатъ Кунцевичъ слылъ за чудотворца еще въ бытность свою въ Вильнѣ. Одно изъ чудесъ Кунцевича подробно описано нѣкоторыми уніатскими писателями. Совершилось оно при слѣдующихъ обстоятельствахъ. По приговору верховнаго судилища (трибунала) всѣ церкви, отнятыя уніатами у православныхъ въ Вильнѣ были снова возвращены православнымъ, въ томъ числѣ и св.-Троицкій монастырь. Когда дворянинъ Остикъ для приведенія въ исполненіе судебнаго приговора подходилъ съ понятыми къ монастырскимъ воротамъ, тогда, по молитвѣ угодника Божія Іосафата Кунцевича, вдругъ появились съ неба сорокъ севастійскихъ мучениковъ подъ предводительствомъ патрона базиліанскаго ордена Василія Вел. и грозно пошли на встрѣчу Остику. Устрашенный такимъ необычайнымъ явленіемъ небесной силы, Остикъ со стыдомъ отошелъ. Бывшій въ это время въ Вильнѣ король Сигизмундъ III, извѣстясь о такомъ великомъ чудѣ, тотчасъ же отмѣнилъ приговоръ трибунала и рѣшилъ дѣло о православныхъ церквахъ въ Вильнѣ въ пользу уніатовъ. Для увѣковѣченія памяти объ этомъ чудѣ, оно было изображено на стѣнѣ надъ монастырскими воротами. Стебельскій, Żywoty sw. Paraskewii... Ч. 2, стр. 258. Какъ дѣло было въ дѣйствительности, сказано выше.

[3]) Значительныя пожертвованія на сооруженіе этой часовни сдѣлали, по словамъ автора «Дневника», Михаилъ Пацъ, воевода виленскій, гетманъ в. кн. литовскаго и Іеронимъ Кришпинъ Киршенштейнъ великій подскарбій в. кн. литовскаго. Арх. сб. т. X, стр. 306.

Левъ Кревза Ржевускій управлялъ Св.-Троицкимъ монастыремъ послѣ Іосафата Кунцевича съ 1618 по 1621 г. Онъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ уніи, вступалъ по свидѣтельству Стебельскаго, въ публичныя пренія съ православными и издалъ въ свѣтъ въ защиту уніи двѣ книги, доставившія въ свое время громкую извѣстность автору ихъ,—одну подъ заглавіемъ: Obrona Jednosci cerkiewney, а другую въ защиту Флорентійскаго собора, по поводу изданной Клирикомъ Острожскимъ (псевдонимъ) книги на славянскомъ языкѣ противъ вселенскаго значенія Флорентійскаго собора. Онъ много заботился о благоустройствѣ церкви и монастыря, и за особенныя заслуги базиліанскому ордену и уніи былъ избранъ протоархимандритомъ ордена въ 1621 г., а въ 1626 г. былъ возведенъ въ санъ архіепископа Смоленскаго и Черниговскаго.

Пахомій Война Оранскій, управлялъ монастыремъ послѣ Льва Кревзы, былъ потомъ протоархимандритомъ базиліанскаго ордена, а въ 1637 г. возведенъ въ санъ епископа Пинскаго. Извѣстенъ какъ авторъ сочиненія Zwierciadło, написаннаго противъ сочиненія Кассіана Саковича Epanorthosis, albo Perspectywa, надѣлавшаго въ свое время много шуму, какъ пасквиль на русскую церковь и русское духовенство. Этимъ пасквильнымъ сочиненіемъ Саковича, бывшаго сначала православнымъ священникомъ, перешедшаго потомъ въ унію и принявшаго наконецъ латинскій обрядъ, были одинаково возмущены какъ православные, такъ и уніаты и съ той и съ другой стороны написано было нѣсколько сочиненій въ защиту русской церкви и духовенства.

Алексѣй Дубовичъ, сынъ извѣстнаго виленскаго богача, бурмистра Игнатія Дубовича, ревностнаго приверженца уніи и благотворителя Св.-Троицкаго монастыря. Два его сына вступили въ базиліанскій орденъ, и одинъ изъ нихъ, Алек-

сѣй, былъ избранъ послѣ Пахомія Оранскаго настоятелемъ Св.-Троицкаго монастыря, а другой, Иванъ, извѣстный уніатскій писатель, авторъ сочиненія Hierarchia, albo o Zwierzchnosci Cerkiewney, былъ архимандритомъ Супрасльскаго монастыря. Алексѣй Дубовичъ и мать его Анна изъ Бандзюкевичей пожертвовали между прочимъ значительную сумму (болѣе 2000 злот. поль.) на акаѳистъ Божіей Матери, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ совершаемъ еженедѣльно по субботамъ предъ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери.

Лаврентій Каленика Волковичъ, управлявшій Св.-Троицкимъ монастыремъ послѣ Алексѣя Дубовича по патенту митрополита Антонія Сѣлявы въ званіи старшаго, упоминается въ процессѣ, который онъ велъ въ 1647 г. съ Пацами отъ имени монастыря о незаконномъ отнятіи у монастыря фундуша кн. Матѳея Никитича Головчинскаго Пурвиники и Свинтыники.

Послѣ Лаврентія Волковича слѣдуетъ рядъ архимандритовъ, получавшихъ по рекомендаціи митрополита Антонія Сѣлявы привилеи королевскіе на Виленскую архимандрію (Троицкій монастырь) вопреки привилею, данному Св.-Троицкому монастырю Владиславомъ IV въ 1635 г. на право свободнаго избранія настоятеля монастыря. Въ 1653 году Варлаамъ Козинскій, по рекомендаціи митрополита Антонія Сѣлявы, получилъ привилей на Виленскую архимандрію еще при жизни Венедикта Терлецкаго, избраннаго троицкими базиліанами и утвержденнаго въ званіи архимандрита тоже королевскимъ привилеемъ. Послѣ Варлаама Козинскаго выхлопоталъ себѣ привилей королевскій на Виленскую архимандрію Пинскій епископъ Марціанъ Бѣлозоръ. Пользуясь правами „привиллегированнаго“ архимандрита, Бѣлозоръ безконтрольно распоряжался монастырскимъ имуществомъ и доходами съ монастырскихъ фундушей. Такъ

какъ Бѣлозоръ жилъ вдали отъ Вильны, то монастыремъ управлялъ его намѣстникъ, избраніе котораго Бѣлозоръ предоставилъ самимъ монахамъ по орденскимъ правиламъ на четыре года. По возведеніи Марціана Бѣлозора на Полоцкую архіепископію, Пинскую епископію получилъ Антонинъ Жолкѣвскій, который, подражая своему предшественнику, также выхлопоталъ себѣ привилей на Виленскую архимандрію, не смотря на то что еще не былъ уничтоженъ привилей на эту архимандрію, данный Марціану Бѣлозору. Такимъ образомъ оказалось, что въ одно и тоже время два лица имѣли привилей на Виленскую архимандрію. Поступокъ епископа Жолкѣвскаго озлобилъ троицкихъ базиліанъ до того, что они начали съ нимъ упорную борьбу, продолжавшуюся въ теченіи пяти лѣтъ до смерти Жолкѣвскаго, подробно описанную нами въ своемъ мѣстѣ. Въ этотъ неблагополучный для Св.-Троицкаго монастыря періодъ (1653—1703 г.) порабощенія его, по выраженію автора Меморіала, привиллегированными архимандритами отъ имени ихъ управляли намѣстники или старшіе, которые, подобно своимъ принципаламъ, болѣе заботились о своихъ личныхъ интересахъ, чѣмъ объ интересахъ монастыря и потому оставили по себѣ печальную извѣстность. При этихъ архимандритахъ и ихъ намѣстникахъ Троицкій монастырь пришелъ въ крайній упадокъ: монастырскій садъ, оставленный безъ ограды, заросъ крапивой и сдѣлался мѣстомъ для склада всякихъ нечистотъ; пожертвованные монастырю дома разрушались (каменица Рѣпницкая); монастырскія суммы и имущество расхищались. Такъ Янъ Малаховскій, управлявшій монастыремъ отъ имени епископа Пинскаго Марціана Бѣлозора, подражая своему принципалу, взявшему на свои нужды до 13000 злот. поль. монастырской суммы, заложилъ разнымъ лицамъ цѣнныя церковныя вещи, какъ то: два сребровы-

золоченныхъ креста и чашу заложилъ въ 600 злот., а архимандричью митру, украшенную жемчугомъ и другими драгоцѣнными камнями, уѣзжая на Перемышльскую епископскую каѳедру, взялъ съ собою и не возвратилъ ее монастырю [1]). Были впрочемъ и исключенія; нѣкоторые изъ „старшихъ" этого періода старались пополнить расхищенное ихъ предшественниками средствами, добытыми подчасъ самымъ нецеремоннымъ способомъ. Вотъ что говоритъ о себѣ въ „Дневникѣ" Іосафатъ Гуторовичъ, управлявшій монастыремъ въ 1690 г.: „Схизматики побили женщину уніатку, жившую въ нашей богадѣльнѣ. Расправу по этому дѣлу я самъ, старшій монастыря, сдѣлалъ около Ратуши. Схизматики согласились за обиду уніатки дать пять гривенъ серебра (гривна=16 лотовъ). Изъ этого серебра сдѣлана чаша вѣсомъ въ три гривны и десять лотовъ, остальное серебро отдано на ризы къ мѣстнымъ образамъ. По моему же старанію возобновлена Пятницкая церковь, которая со времени нашествія Москвы (въ 1655 г.) была обращаема и въ кухню, и въ дровяникъ и т. п. [2]).

Марціанъ Кульчицкій управлялъ монастыремъ по смерти Жолкѣвскаго въ качествѣ самостоятельнаго настоятеля, по избранію самихъ монаховъ. Въ память счастливо оконченной борьбы монастыря съ Жолкѣвскимъ написалъ книгу подъ заглавіемъ Obrona klasztoru Wilenskiego, которая была издана и представлена отъ имени монастыря Новогрудской конгрегаціи въ 1703 г. и роздана всѣмъ присутствовавшимъ на ней епископамъ и архимандритамъ. Настоятель Кульчицкій, по словамъ автора монастырскаго „Дневника", пробылъ на этой должности 7 лѣтъ съ 1698 по

[1]) О Бѣлозорѣ см. выше, о Янѣ Малаховскомъ—Арх. сб. т. X, стр. 139—140.

[2]) Арх. Сб. т. X, стр. 307.

1705 г. Въ м. Іюнѣ онъ былъ переведенъ настоятелемъ въ Жировицкій монастырь. Послѣ него должность настоятеля монастыря оставалась вакантною слишкомъ два года. Это произошло, по словамъ тогоже автора, отъ того, что по случаю нашествія Москвы и казни въ Полоцкѣ четырехъ нашихъ монаховъ, въ орденѣ нашемъ произошли страшные безпорядки: монахи отъ страха разбѣжались изъ монастырей и никто не хотѣлъ брать на себя общественныхъ должностей въ орденѣ. Наконецъ нашъ о. провинціалъ выхлопоталъ царскую грамому Якову Соликовскому, съ которою онъ прибылъ безопасно и благополучно въ Вильну [1]).

Яковъ Соликовскій управлялъ монастыремъ послѣ Марціана Кульчицкаго. При немъ, во время пожара, истребившаго почти половину г. Вильны въ 1706 г., сгорѣла Св.-Троицкая церковь. Тотчасъ же послѣ пожара онъ приступилъ къ возобновленію церкви. Послѣ Суликовскаго управ-

[1]) См. Арх. сб. т. X, стр. 308. Упоминаемая здѣсь казнь 4-хъ полоцкихъ базиліанъ была совершена въ 1705 г., по повеленію Петра В. Вотъ что сказано объ этомъ событіи въ „запискахъ игумена Ореста": Въ 1705 г., въ Іюнѣ м., случилось Государю Петру I быть въ Полоцкѣ. Монахи тамошніе каѳедральнаго Софійскаго монастыря базиліане злорѣчіемъ своимъ противо монарха сего, перепискою съ россійскими непріятелями шведами и возмущеніемъ народа противу россійскихъ войскъ столько оскорбили Петра I, что не избѣгли достойной казни. Изданный 11 Іюля о семъ происшествіи меморіалъ для всенароднаго извѣстія, подписанный самимъ государемъ, открывая сего дѣла всѣ обстоятельства, являетъ, сколь далеко простиралась злоба и гоненіе на православныхъ, когда и вѣнценосную главу не пощадили они поношеніемъ. Арх. сб. т. V, стр. 78. Стебельскій описалъ то же событіе со свойственнымъ базиліанину озлобленіемъ противъ „схизматиковъ москалей" и искаженіемъ причины казни четырехъ полоцкихъ базиліанъ. Żywoty sw. Paraskewii Ч. 2, стр. 407.

ляли монастыремъ разные настоятели, между которыми нѣкоторые оставили по себѣ добрую память и о которыхъ считаемъ не лишнимъ упомянуть здѣсь.

Василій Процевичъ,—возобновилъ въ 1710 г. Скуминовскую часовню и колокольню, сгорѣвшія во время пожара г. Вильны въ 1706 г. Проходилъ разныя должности въ орденѣ базиліанскомъ, былъ между прочимъ протоархимандритомъ.

Флоріанъ Гребницкій, управлялъ монастыремъ съ 1713 г., а въ 1719 г. избранъ на Полоцкую архіепископскую каѳедру. Его стараніемъ и заботами, по словамъ автора Меморіала, возстановленъ былъ принадлежавшій монастырю домъ Цирковскій, 6 лѣтъ послѣ пожара стоявшій въ развалинахъ; онъ же реставрировалъ Бѣлозоровскую избу [1]), устроилъ на третьемъ этажѣ галлерею отъ сада для прогулокъ и для другихъ надобностей монаховъ, дабы они не имѣли нужды съ особенною трудностью сходить внизъ и могли бы избавиться отъ весьма неблаговоннаго запаха въ верхнемъ этажѣ.

Антоній Томилловичъ, бывшій также консульторомъ ордена и оффиціаломъ митрополичьимъ въ Вильнѣ; въ 1728 г. построилъ куполъ на монастырской церкви отчасти на пожертвованныя, отчасти на монастырскія средства.

Сильвестръ Артецкій, управлялъ въ теченіи 12 лѣтъ Полоцкимъ базиліанскимъ монастыремъ, а въ 1759 г. переведенъ въ Вильну настоятелемъ Св.-Троицкаго монастыря.

---

[1]) Это была, вѣроятно, особая настоятельская келья, или флигель, построенный архимандритомъ Бѣлозоромъ, епископомъ Пинскимъ. Слѣды этой «избы» не сохранились, такъ какъ монастырь въ 1760 г., во время большаго пожара въ Вильнѣ, сгорѣлъ, а въ слѣдующемъ году начата постройка новаго монастыря по другому плану.

Его заботами было построено новое зданіе монастыря и по новому плану на мѣстѣ сгорѣвшаго во время большаго пожара въ Вильнѣ въ 1760 г.

Арсеній Хрулькевичъ, управлявшій монастыремъ съ 1837 г., послѣ Виктора Босяцкаго, удаленнаго отъ должности настоятеля вслѣдствіе ревизіи монастыря, произведенной въ 1836 г. викарнымъ епископомъ Антоніемъ Зубко, по распоряженію Литовскаго епископа Іосифа Сѣмашко.

Со времени перенесенія изъ Жировицъ въ Вильну въ 1845 г. Литовской духовной семинаріи должность ректора семинаріи была соединена съ должностью настоятеля монастыря, и съ тѣхъ поръ судьба семинаріи стала связана съ судьбою Св.-Троицкаго монастыря.

Архимандритъ **Евсевій (Ильинскій)** изъ ректоровъ кіевской дух. семинаріи, магистръ богословія, былъ первый настоятель монастыря и ректоръ семинаріи послѣ перенесенія ея въ Вильну съ 1845 по 1848 годъ; затѣмъ проходилъ высшія іерархическія должности, сначала епископа Ковенскаго—викарія Литовской епархіи, потомъ архіепископа Подольскаго, далѣе экзарха Грузіи и наконецъ архіепископа Тверскаго. Его заботами въ 1847 г. устроены были въ Св.-Троицкой церкви новыя окна и печи для отопленія въ зимнее время. До этого времени богослуженіе зимой совершалось въ придѣльной монастырской церкви во имя Покрова Св. Богородицы, гдѣ нынѣ ризница.

Архимандритъ **Филаретъ** (Малишевскій), изъ ректоровъ Полоцкой семинаріи, магистръ богословія, ректоръ семинаріи съ 1849 по 1851 г., затѣмъ епископъ Ковенскій, потомъ Уфимскій, наконецъ Нижегородскій.

Архимандритъ **Александръ** (Добрынинъ), магистръ богословія, съ 1851 по 1860 г. ректоръ семинаріи, затѣмъ еп. Ковенскій, архіепископъ Минскій, Донской и на-

конецъ Литовскій и Виленскій. Въ его настоятельство въ Св.-Троицкой церкви устроенъ новый иконостасъ на средства, изысканныя семинарскимъ правленіемъ, а старый иконостасъ, состоявшій изъ 14 иконъ, по распоряженію епархіальнаго начальства, отданъ въ 1854 г. въ Высокодворскую церковь. При немъ же въ 1852 г. была устроена придѣльная церковь во имя св. Іоанна Богослова въ такъ называемой Скумиповской часовнѣ (по имени основателя ея Скумина Тышкевича) на 1500 р., удѣленныхъ изъ 10,000 руб., пожертвованныхъ иркутскимъ почетнымъ гражданиномъ Евеиміемъ Кузнецовымъ въ полное распоряженіе архіепископа литовскаго Іосифа Сѣмашко на возстановленіе въ Вильнѣ православныхъ церквей [1]).

Архимандритъ **Іосифъ** (Дроздовъ) изъ ректоровъ Симбирской семинаріи, магистръ богословія, съ 1861 по 1868 г. ректоръ семинаріи, потомъ епископъ Ковенскій и наконецъ Смоленскій.

Архимандритъ **Евгеній** (Шершило), изъ ректоровъ Черниговской семинаріи, магистръ богословія, съ 1868 по 1870 г. ректоръ семинаріи, потомъ викарій Литовской епархіи, затѣмъ еп. Минскій, нынѣ еп. Астраханскій. При немъ

---

[1]) Сумма, пожертвованная Кузнецовымъ была распредѣлена архіепископомъ Іосифомъ слѣдующимъ образомъ: а) 1500 руб. отчислены на производившуюся въ то время въ Св.-Духовской монастырской церкви постройку подъалтарнаго склепа, гдѣ почиваютъ мощи Св. Виленскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстаѳія, и устройство въ немъ особой церкви; б) 2000 руб. отчислено на украшеніе Виленскаго Николаевскаго каѳедральнаго собора; в) 2500 р.—на отдѣлку стѣнъ Пятницкой церкви; г) 2500 руб. на открытіе фасада Виленской приходской Николаевской церкви, и д) остальные 1500 рублей—на устройство придѣльной церкви св. Іоанна Богослова. (Предложеніе Литовской духовной консисторіи отъ 4-го августа 1850 года).

частію на сумму отпущенную Св. Синодомъ (5119 р.), частію на пожертвованія, устроена вмѣсто черепичной желѣзная крыша на церкви, деревянный куполъ, двѣ каменныя западныя боковыя башни и каменное (изъ цемента) крыльцо.

Архимандритъ **Августинъ** (Гуляницкій) изъ баккалавровъ Кіевской Академіи, магистръ богословія, съ 1871 по 1882 г. ректоръ семинаріи, затѣмъ еп. викарный Рязанской епархіи, нынѣ еп. Аккерманскій, викарій Кишиневской епархіи.

Архимандритъ **Анастасій** (Оноцкій) изъ инспекторовъ Минской семинаріи, кандидатъ богословія, съ 1883 по 1885 г. ректоръ семинаріи, нынѣ еп. Брестскій. Его заботами и на изысканныя имъ средства покрашены внутреннія стѣны Св.-Троицкой церкви.

Архимандритъ **Іосифъ** (Соколовъ) кандидатъ богословія, изъ законоучителей Виленской 1-ой классической гимназіи, съ 1-го августа сего 1885 г.

Извлеченіе изъ отчета о ревизіи мужскаго и женскаго виленскихъ базиліанскихъ монастырей въ 1836 г.

Въ 1835 г., при отношеніяхъ отъ 12 октября и 12 декабря, Литовскому грекоунитскому епископу Іосифу Сѣмашко были препровождены изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ краткія записки, безъ подписи ихъ составителей, о предосудительныхъ, несогласныхъ съ долгомъ вѣрныхъ подданныхъ, а тѣмъ менѣе посвятившихъ себя Богу, поступкахъ монаховъ и монахинь базиліанскихъ виленскихъ монастырей. Епископъ Іосифъ писалъ министру, что, сколько ему извѣстно, большая часть обвиненій—сущая клевета, незаслуживающая никакого довѣрія и доказывалъ это между прочимъ невѣрностями и въ поименованіи въ запискахъ лицъ, уже не существовавшихъ въ данное время въ этихъ монастыряхъ. Однакожъ епископъ Іосифъ, жившій въ это время въ м. Жировицахъ, Гродненской губерніи, стало быть вдали отъ Вильны, счелъ нужнымъ назначить особую ревизію означенныхъ монастырей, каковую поручилъ викарію своему, епископу Антонію Зубко, которому писалъ отъ 11 августа 1836 г.: „Въ концѣ прошлаго 1835 г. послѣдовали разные доносы на счетъ Виленскихъ грекоунитскихъ обителей мужской и дѣвичьей, равно состоящихъ въ нихъ монашествующихъ. Большая часть сихъ доносовъ или нелѣпы, или ложны по собственному моему свѣдѣнію; почему я и не полагаю въ нихъ большой важности, въ каковомъ смыслѣ сдѣлалъ тогда же и донесеніе г. министру внутреннихъ дѣлъ. Между тѣмъ означенныя обители по своей важности и мѣстоположенію заслуживаютъ особеннаго уваженія; да и нѣкоторые изъ доносовъ *могутъ быть* не безъ основанія. Почему препровождая къ Вашему Преосвященству дѣло по упомянутымъ доносамъ, поручаю Вамъ осмотрѣть означенныя Виленскія обители и вмѣстѣ съ не-

полненіемъ прочихъ обязанностей, лежащихъ на визитаторѣ, вникнуть безъ огласки, воскольку справедливы изложенныя въ доносахъ обстоятельства".

Ревизія монастырей была произведена въ октябрѣ того же 1836 г., и отчетъ объ ней представленъ епископу Іосифу въ томъ же году. Мы не будемъ помѣщать здѣсь всего отчета, а ограничимся только нѣкоторыми выдержками изъ него, имѣющими, по нашему мнѣнію, историческое значеніе.

„Сейчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Вильно, пишетъ въ своемъ отчетѣ визитаторъ, познакомившись со мною архимандритъ Св.-Духова православнаго монастыря Платонъ, словесно объяснилъ мнѣ даже о мелочныхъ обстоятельствахъ давно ему извѣстныхъ обвиненій, заключавшихся въ дѣлѣ, и я ознакомившись поближе съ сущностію обвиненій, распрашивалъ объ нихъ по секрету, призывая въ комнату всякаго особо монаха, служителей и, по оказавшейся надобности, постороннихъ лицъ; не находя послѣ великой надобности соблюдать секретъ, когда изъ распросовъ узналъ, что это дѣло всѣмъ извѣстно, и что настоятель Б., послѣ того какъ Ваше Преосвященство потребовали отъ него объясненій, объявилъ прикосновеннымъ къ дѣлу монахамъ о нанесенной монастырю, по его словамъ, клеветѣ, и всѣ знали, что въ Петербургѣ о семъ производится дѣло. Изъ распросовъ оказалось слѣдующее:

1. *По части соблюденія обрядовъ.*

Обряды здѣсь не соблюдались до послѣдованія моихъ распоряженій, поясняющихъ подробности и до полученія извѣстій о моей визитаціи, а именно: служили читанныя обѣдни на боковыхъ престолахъ, не имѣющихъ царскихъ вратъ, даже въ пѣтыхъ обѣдняхъ не употребляли пяти просфоръ; едва 10 октября истекшаго настоятель прика-

залъ употреблять пять просфоръ и воспретилъ служить обѣдни на боковыхъ придѣлахъ, которые однакоже существовали до моего прибытія и уже при мнѣ разбиты. Я заставлялъ при себѣ служить всѣхъ іеромонаховъ, кромѣ настоятеля, который отлагалъ служить на дальнее время, между тѣмъ разныя занятія, а теперь присутствованіе при изслѣдованіи о свиранскихъ крестьянахъ [1]), тому воспрепятствовали; а также кромѣ архимандрита Ленартовича (Трокскаго, давно уже не существующаго монастыря), который никогда еще не служилъ обѣдни по настоящимъ обрядамъ, сказывали, что и прежде онъ не служилъ нѣтыхъ обѣденъ, по неимѣнію архимандричей мантіи и шапки (матры). Я разрѣшилъ ему, до изученія обрядовъ, служить безъ мантіи и шапки читанныя обѣдни въ будніе дни, въ которые тутъ не имѣется пѣвчихъ... Лучше всѣхъ знаетъ обряды викарій Хролькевичъ; прочіе при мнѣ охотно служили и старались усовершенствоваться. Архимандритъ Ленартовичъ просилъ уволить его отъ служенія, пока приватно въ комнатахъ изучитъ, и я на то согласился. Онъ хотя фанатикъ, но хорошій человѣкъ...

2. *По части нравственной.*

Первый пунктъ этой части (о настоятелѣ Б.) считаемъ неудобною для печати. Въ ней собраны факты о зазорной жизни настоятеля и нѣкоторыхъ монашествующихъ, особенно „шафара“ (трапезнаго іеромонаха).

О степени приверженности къ престолу и грекороссійской церкви нашихъ виленскихъ монаховъ, говоритъ далѣе

[1]) По жалобамъ ихъ губернскому начальству на дворовое монастырское управленіе въ изнуренія ихъ отяготительными работами, повинностями и жестокими наказаніями, и по жалобамъ на нихъ настоятеля, обвинявшаго ихъ въ неповиновеніи. *Примѣчаніе визитатора.*

въ своемъ отчетѣ визитаторъ, судить надлежитъ по степени вкоренившагося въ нихъ фанатизма о томъ, что всѣ христіанскія вѣроисповѣданія, кромѣ католическаго, разумѣется и уніатскаго, не могутъ достигнуть вѣчнаго спасенія. По моему мнѣнію, такому фанатику, смотрящему на иновѣрцевъ съ гордостію, иногда облеченною видомъ и словами сострадания о заблужденіи оныхъ, такъ почти трудно быть приверженнымъ къ Государю Русскому и церкви, какъ трудно любить враговъ. Мнѣній, наипаче религійныхъ, у стариковъ не перемѣнить. Нужно стараться, чтобы слѣдующее поколѣніе не было заражено подобнымъ фанатизмомъ, а не отыскивать по слухамъ, назвалъ-ли кто православныхъ „потемпенцами“ [1]). Полезнѣе такого презрѣть и считать сумашедшимъ, нежели заводить изслѣдованія или доносы [2]).

Соблазнительныя обращенія монаховъ съ монахинями могли быть въ давнія времена, когда всякая монахиня жила почти особымъ хозяйствомъ и каждая въ свою пользу содержала пансіонерокъ, отъ чего каждая для себя получала доходъ и изъ онаго могли монахини въ парляторіи попотчивать монаховъ, которые, по словамъ самой настоятельницы, часто приходили въ гости къ монахинямъ. Но теперешняя настоятельница, принявъ управленіе монастыремъ, учредила общій столъ для монахинь, назначила жалованье, воспретила всякой для себя содержать резидентокъ, и вмѣсто того

[1]) Potępieniec,—проклятый, отверженный.

[2]) Въ доносахъ по сему пункту указывалось, кромѣ брани на православныхъ, на манифестаціи базиліанъ во время польскаго мятежа 1831 г., на присоединеніе къ шайкамъ двухъ монаховъ-базиліанъ, на предложеніе услугъ эмиссару Шиманскому базиліанина Лавриновича, сосланнаго на Кавказъ, на опущеніе въ ектеніяхъ царской фамиліи и на обзываніе будто бы базиліанами царскихъ молебновъ „djabelska litania“, и т. п.

учредила пансіонъ, и наконецъ, какъ мнѣ объясняла, предвидя худыя послѣдствія частаго свиданія монаховъ съ монахинями, воспретила оное, что было, по ея мнѣнію, причиною, что нѣсколько монахинь возвратилось въ римско-католическій обрядъ, а одна приняла православіе. Теперь остались при настоятельницѣ только три монахини, дочери грекоунитскихъ священниковъ и изъ нихъ двѣ просили меня уволить ихъ въ римско-католическій обрядъ, подъ предлогомъ, что ихъ матери были римско-католичками и они сами начали причащаться по нашему обряду только при вступленіи въ монашество. Теперь пресѣчено всякое сообщеніе монаховъ съ монахинями, въ дополненіе чего я распорядился наглухо запереть входъ изъ церкви на хоры.

3. *По части экономической.* Извлеченіе изъ этой части сдѣлано нами въ своемъ мѣстѣ.

Въ концѣ отчета сдѣлано визитаторомъ собственноручное добавленіе касательно дѣла монастыря съ его крестьянами, касательно удаленія настоятеля Босяцкаго и назначенія на его мѣсто іеромонаха Вышинскаго, эконома семинаріи и, наконецъ, выражено мнѣніе визитатора о необходимости и пользѣ закрытія Виленскихъ базиліанскихъ монастырей мужскаго и женскаго. Вотъ это мнѣніе:

„За упраздненіемъ Виленскихъ монастырей мужскаго и женскаго я вижу слѣдующіе резоны: духовенство наше въ Вильнѣ, по сильному на него вліянію духовенства римско-католическаго, здѣсь господствующаго, будетъ всегда питать духъ противодѣйствія новому устройству нашей церкви. Особенно жаль молодыхъ монаховъ, исполняющихъ здѣсь учительскія должности, которыхъ умы въ другихъ мѣстахъ могли быть направлены къ полезному. Изъ нихъ не учившіеся еще богословію должны поступить въ семинарію. Этотъ резонъ тѣмъ важнѣе, что я замѣтилъ сильную антипатію

между нашими монахами и православнымъ духовенствомъ, а особливо архимандритомъ Платономъ [1]), отъ котораго въ противномъ случаѣ наши могли бы научиться. Къ томужъ Виленскихъ монаховъ легко можно размѣстить и прокормить въ Бытенѣ, Жировицахъ и Тороканяхъ, не говоря о монастыряхъ Волынскихъ. Легче еще размѣстить четырехъ Виленскихъ монахинь. Значительный же фундушъ сихъ монастырей могъ быть употребленъ на общія надобности грекоунитской церкви, сообразныя съ новымъ оной устройствомъ. Если считать доходъ и съ огромныхъ монастырскихъ зданій, можно бы имѣть отъ обоихъ фундушей въ годъ чистаго дохода по крайней мѣрѣ 10,000 р. с. А при нашей бѣдности этимъ можно сдѣлать много добра".

---

[1]) Нынѣ митрополитъ Кіевскій.

СОДЕРЖАНІЕ.

Основаніе Св.-Троицкой церкви (деревянной) на мѣстѣ кончины св. Виленскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстаѳія . . . . . *Стран.* 2—7

Построеніе кн. Константиномъ Острожскимъ каменной церкви . . . . . 7—9

Пристройка трехъ каменныхъ часовень къ главному корпусу церкви . . . . . 9—12

Свѣдѣніе объ иконѣ Божіей Матери . . 12—16

Когда и кѣмъ основанъ монастырь при Св.-Троицкой церкви и свѣдѣнія о типографіи при этомъ монастырѣ . . . . . 16—20

Особенности въ управленіи Св.-Троицкимъ монастыремъ въ связи съ особенностями политическаго и церковно-религіознаго строя жизни въ вел. кн. Литовскомъ . . . . . 20—24

Медовыя братства въ Вильнѣ и причины, вызвавшія образованіе изъ нихъ новаго церковнаго братства при Св.-Троицкой церкви; уставъ этого братства, его цѣль и средства; дѣятельность братства въ первыя времена уніи . . . 24—41

Борьба православныхъ съ уніатами за обладаніе Св.-Троицкимъ монастыремъ и окончательная потеря его для православныхъ въ 1609 г.; переселеніе братства къ недавно построенной имъ Св.-Духовской церкви . . . . . 41—63

Состояніе западно-русскаго иночества во времена уніи; дѣятельность Рутскаго, какъ преобразователя уніатскаго иночества по образцу латинскихъ монашескихъ орденовъ; Св.-Троицкій мо-

настырь, какъ разсадникъ базиліанскаго ордена; первые его наставники и руководители іезуиты; послѣдствія союза базиліанъ съ іезуитами . . *Стр.* 63—82

Событія въ Вильнѣ послѣ отнятія у православныхъ Св.-Троицкаго монастыря; отнятіе у православныхъ всѣхъ церквей въ Вильнѣ и передача ихъ въ вѣдѣніе архимандрита Св.-Троицкаго монастыря и намѣстника митрополичьяго Іосифа Рутскаго; мѣры Рутскаго и Іосафата Кунцевича къ быстрому переходу православныхъ виленцевъ въ унію; судьба виленскихъ православныхъ церквей, отданныхъ въ вѣдѣніе троицкихъ базиліанъ . . . . . 82—93

Особенныя заботы Рутскаго о Св.-Троицкомъ монастырѣ: выхлопотанный имъ у короля привилей на право свободнаго избранія настоятеля монастыря (старшаго); пожалованіе монастырю имѣнія Руты и замѣна Руты на Свираны . . 93—102

Стремленіе преемниковъ Рутскаго,—уніатскихъ митрополитовъ, уничтожить „привиллегированное“ положеніе Св.-Троицкаго монастыря; борьба троицкихъ базиліанъ съ уніатскими прелатами за право свободнаго избранія настоятеля (старшаго) 102-110

Первый базиліанскій новиціатъ, основанный Рутскимъ въ Св.-Троицкомъ монастырѣ и его дальнѣйшая судьба; базиліанская богословская школа при монастырѣ; повѣтовая школа съ состоящими при ней конвиктомъ и пауперней; папскій алюмнатъ, находившійся первоначально въ вѣдѣніи іезуитовъ, а по уничтоженіи этого ордена въ 1773 г. перешедшій въ вѣдѣніе троицкихъ базиліанъ 110-119

Политическая неблагонадежность троицкихъ

базиліанъ послѣ присоединенія западно-русскаго края къ Россіи; мысль о закрытіи Св.-Троицкаго монастыря . . . . . *Стр.* 119-123

Назначеніе Св.-Троицкаго монастыря для мѣстопребыванія Литовскаго православнаго архіерея съ званіемъ священно-архимандрита; перечисленіе Св.-Троицкаго монастыря въ 3-тій классъ вслѣдствіе послѣдовавшаго новаго распоряженія о помѣщеніи въ немъ духовн. семинаріи 123

Женскій дѣвичій монастырь при Св.-Троицкой церкви 126

Трокская архимандрія 134

Имѣнія, дома и плацы, принадлежащіе Св.-Троицкому монастырю 144

Настоятели Св.-Троицкаго монастыря. . . 169

Извлеченіе изъ отчета о ревизіи Св.-Троицкаго монастыря въ 1836 г. 185